

Картины Эллады: Пять сказаний о Древней Греции

Мэри Джей Саффорд

Педер Мариагер

***PEDER
MARIAGER***

***PICTURES
OF HELLAS:
FIVE TALES
OF ANCIENT
GREECE***

Педер Мариагер

Картины Эллады: Пять сказаний о Древней Греции

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

ЗЕВС ГИПСИСТОС. ПОВЕСТЬ О ПЕЛАСГИЙСКОМ ПЕРИОДЕ.

ЗЕВС ГИПСИСТОС.

Я.

II.

III.

IV.

V.

VI.

VII.

VIII.

IX.

X.

XI.

XII.

XIII.

XIV.

XV.

XVI.

ПОДХАЛИМ. ВТОРОЙ ГОД 89-Й ОЛИМПИАДЫ (423 год до н.э.)

ПОДХАЛИМ.

Я.

ГЕТЕРИЯ. ВТОРОЙ ГОД 91-Й ОЛИМПИАДЫ (415 г. до н.э.)

ГЕТЕРИЯ.

Я.

II.

III.

IV.

V.

VI.

VII.

VIII.

IX.

X.

XI.

XII.

XIII.

XIV.

XV.

XVI.

XVII.

XVIII.

XIX.

XX.

XXI.

XXII.

XXIII.

XXIV.

СЛИШКОМ СЧАСТЛИВ. ТРЕТИЙ ГОД 98-Й ОЛИМПИАДЫ (386 г. до н.э.)

СЛИШКОМ СЧАСТЛИВ.

ЛИКОН С БОЛЬШОЙ РУКОЙ. ВТОРОЙ ГОД 103-Й ОЛИМПИАДЫ (367 г. до н.э.)

ЛИКОН С БОЛЬШОЙ РУКОЙ.

Я.

II.

III.

IV.

V.

VI.

VII.

VIII.

IX.

X.

XI.

XII.

XIII.

XIV.

РЕКЛАМА

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ УИЛЬЯМА С. ГОТТСБЕРГЕРА.

ПЕРЕВОДЫ.

ИСПАНСКИЕ АВТОРЫ.

Французский.

Итальянская.

Русский.

Голландский.

Датский.

Турецкий.

Немецкий.

Разное.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Содержание

Почти все более поздние романы и драмы, действие которых происходит в классические времена, изображают период великого разрыва между язычеством и христианством. Это верно в отношении “Гипатии”, “Фабиолы”, “Последних дней Помпеи”, “Эпикурейцев”, “Императора и галилеянина”, “Последнего афинянина” и многих других произведений. Причину этого совпадения нетрудно понять; ведь период, содержащий такие сильные контрасты, требует эстетического лечения.

Материал настоящих сказок относится к другой, но не менее интересной эпохе. Они рисуют картины расцвета Эллады, далеких веков, чья чудесная культура основывалась исключительно на чисто человеческих чертах характера, сформировавшихся под мягким и лучезарным небом.

Однако для получения этого материала требовалась определенная степень настойчивости. Когда мы изучаем греческих писателей в поисках описаний *людей* тех времен или особых характеристик общественной жизни того периода, греческая литература, столь богатая описаниями исторических событий, становится странно лаконичной, более того, почти безмолвной.

Насколько совершенно иной оказывается ситуация человека, желающего набросать портрет французов шестнадцатого или семнадцатого веков. В его распоряжении вся коллекция мемуаров. В этих произведениях автор фамильярно беседует с читателем, рисует ему реалистичные портреты придворных дам и джентльменов и рассказывает самые мельчайшие истории из жизни общества того времени.

В греческой литературе нет ничего подобного. Описание обычных событий и история повседневного существования - это формы письма более позднего происхождения, ничто не было дальше от сознания древних авторов, чем идея о том, что *частная жизнь* может содержать в себе что-либо заслуживающее внимания. Геродот и Фукидид почти ничего не рассказали о том, что ищут современные романисты, более того, даже среди ораторов встречаются лишь разрозненные подробности, и, как ни странно, в речах Лисия их больше, чем у Демосфена.

Среди поэтов Аристофан создает целую галерею современных персонажей, но смутно и в расплывчатых очертаниях; это были те, кого сейчас назвали бы “оригиналами с улицы”, которые во время представления своих комедий сидели среди зрителей и которых ему достаточно было упомянуть, чтобы вызвать смех толпы. Кое-что еще можно почерпнуть из Лукиана и Апулея, а также из лучших “милетских” рассказов, особенно из Гелиодора и Ахилла Татия, в то время как, напротив, большая александрийская кладовая, принадлежащая Афиней, содержит больше безделушек учености и любопытства, чем действительно выдающихся характеристик.

В темных закоулках греческой литературы, куда нас не пускают все переводчики и где — как известно каждому, кто посвятил себя интерпретации классики, — можно совершить лишь

короткие экскурсии, мы иногда удивляемся, обнаружив, по чистой случайности, полезный материал. Дион Хрисостом (VII) дает чрезвычайно интересные описания жизни в греческих деревнях и торговых городах. Но то, что обнаруживается, всегда настолько разрозненно, что из многочисленных томов можно извлечь лишь несколько заметок.

Когда я решил применить прочитанное к делу, я полностью осознавал, что представление древней жизни в форме любовного романа было одной из самых сложных эстетических задач, которые только можно было решить. Если, тем не менее, я посвятил себя этому, то, естественно, рассматривал эту работу только как эксперимент.

Выбирая узкие рамки коротких рассказов, я ставил перед собой такую цель — набросать обычные образы древней жизни на историческом фоне. Я — опираясь шаг за шагом на классических авторов, попытался представить некоторые картины древних времен; но у меня не больше желания превозносить прошлые века за счет наших собственных, чем наоборот. Что касается способа изложения, я неизменно стремился сохранять объективность репрезентаций и избегать использования иностранных слов или придания диалогам настолько древней формы, что их было бы нелегко прочесть. А Строгие классические церемонии, омовение ног и т. Д. Я почти полностью опустил, а археологические и исторические подробности повсюду были подчинены содержанию рассказа, так что они просто служат для придания описаниям античной окраски. Наконец, я считаю, что греческие символы следует полностью исключить из книги и даже из примечаний и предисловия.

А Насколько позволяли идиоматические различия двух языков, переводчик постарался сохранить простоту стиля, которая, по мнению автора, лучше всего соответствовала его целям.

После этих общих замечаний мне должно быть позволено кратко остановиться на различных рассказах, частично для того, чтобы указать на авторитетность того или иного штриха, а частично для того, чтобы дать несколько более подробных объяснений.

Мало что известно о пеласгийской эпохе, но то, что у фонтана Каллироэ была похищена женщина, является историческим фактом. На этом инциденте основан первый рассказ “Зевс Гипсиссос”, а кульминационный момент смерти Перифаса основан на древней идее: голосе судьбы. Вера в Фемины или Кледонов древнее, чем в большинство оракулов, и восходит ко временам Гомера. Когда Улисс бродит по дому, размышляя над мыслью об убийстве женихов, он молится Зевсу о знаке и предзнаменовании, голосе судьбы, который затем звучит в виде раската грома, и внутри дома он слышит, как рабыня желает зла женихам. Павсаний упоминает старого полубога Кихрея Саламинского (I. 36). В древние времена было распространено представление о том, что полубогам нравилось превращаться в змей. В битве при Саламине в составе афинского флота появился змей; оракул объявил, что это был древний полубог Кихрей. В Элевсине у Деметры был змей, названный Кихрейским, в честь Кихрея, который либо убил его, либо сам принял его облик. О замечательном церемониале очищения после убийства (стр. 58) см. “Аргонавтику” Аполлония (IV. 702). Слова: “Зевс был, Зевс есть и Зевс будет” заимствованы из древнего гимна, который пели додонские жрицы, называемые Пелеядами (голубками).

В “Подхалиме” примечания, приведенные на страницах 72-73, были бы бесполезны, если бы не содержали наказаний, которые, согласно аттическому праву, назначались за названные проступки.

*Гетери*и - так назывались тайные общества или братства, где шесть, семь или более членов объединялись, чтобы работать против растущей власти народного правительства, которое оказывало все более и более невыносимое давление. Существовало много видов “гетерий”, но абсолютная секретность была общей для всех. Члены группы были заговорщиками, поклявшись помогать друг другу торжественной клятвой, поклявшись тем, что было для них дороже всего в жизни. Безобидные *гетери*и состояли из тех, кто не преследовал политических целей, а просто состоял из соискателей должностей, целью которых было помогать друг другу при избрании на должность или в судах. Описанная здесь *гетерия* относится к последнему типу, поскольку для описания политического общества такого рода потребовался бы гораздо более обширный аппарат, чем тот, который можно было бы вместить в краткие рамки рассказа. Некоторые персонажи “Гетеры” существовали на самом деле. Комик Стенелус упоминается Аристофаном (*вечер*. 1313), а также оратором и трагиком Акестором (*вечер*. 1220; *авес*. 31), оба они зарисованы по более мелким деталям “Сколиасты”. Фанус также упоминается Аристофаном (*equit*. 1233) как клерк Клеона. Среди женщин сказки есть также исторический персонаж, иностранная ведьма Нинус, которая выдавала себя за жрицу фригийского бога Сабазия. Она путешествовала по Элладе во время Пелопоннесской войны и собрала богатый урожай своими гаданиями и изготовлением любовных зелий; но ее конец был трагическим — она предстала перед судом как отравительница и приговорена к смерти (А. Шефер, Демосфена. I. 199). Основные очертания отношений между Гипиллом и Клеобулом взяты из начала рассказа Кнемона в “Гелиодоре” (I. 2), а описание падения Стенела с досок почти буквально повторено у Лукиана (“Сон”, 26). Отчет о морском сражении при Рионе представляет собой выдержку из Фукидида (II. 86-92).

“Слишком счастливый” основан на древней идее: молитве о знамении и принятии предзнаменования. Пиратство, которое играет заметную роль в повествовании, практиковалось в ранний период в Эгейском море и впоследствии достигло таких опасных масштабов, что большие и великолепные флотилии пиратских крейсеров в конце концов угрожали самому Риму, перехватив импорт зерна из Понта. Возможно, переодетому корсару показалось бы слишком романтичным осмотреть корабль, стоящий в порту, прежде чем грабить его в открытом море. Однако сообщается о совершенно других вещах. У финикийских пиратов были секретные агенты, которые узнавали, где стоит корабль с богатым грузом, и обещали рулевому “десятикратную плату за фрахт”, если он бросит якорь в каком-нибудь уединенном месте, за мысом и т.д., где судно можно было одолеть. (Philostratus, *vita Apoll*. *Тян*. III. 24). Завершение рассказа (лестница, подвешенная снаружи корабля так, что она касается воды) взято из Плутарха (Помпей, 24).

В “Ликоне с большой рукой” художник Аристидес и то, что говорят о его картинах, являются историческими. То же самое верно и в отношении черт характера, упоминаемых о тиране Александре Ферийском. Под описанием землетрясения приводится описание того, что в сейсмологии называется *приливной волной*. Дополнение к этому можно найти у Фукидида (III. 89), где — после замечания о частоте землетрясений на шестом году Пелопоннесской войны — утверждается: “Среди этих землетрясений одно в Оробии на Эвбе продемонстрировало замечательное явление. *Море отступило от берега; затем внезапно вернулось с огромной волной и затопило часть побережья*, так что то, что раньше было сушей, стало частью моря. Погибло много людей”.

В этих пяти рассказах действие происходит в Афинах, на Эгейском море и в Фессалии - но, где бы это ни было, я всегда старался придать персонажам жизнь и движение, сделать их детьми того времени и эллинской почвы. Я также стремился глубже погрузиться в жизнь древних времен, чем это обычно бывает в романах. Многие особенности, такие как очищение после убийства в первом рассказе, оракул Бетилус в "Гетерии" и использование великого оружия морской войны, *дельфина*, в "Слишком счастливом", едва ли были ранее описаны в какой-либо форме в нашей литературе. Вера в чудесные камни, оживляемые духами, была широко распространена в древние времена, поскольку такие камни под названием *мабадир* были известны в Финикии. Описание оракула Бетилуса основано на Плинии (17, 9, 51), Фотии (стр. 1047) и Павсании (X. 24). Достаточно очевидно, что ответ каменного духа был дан благодаря искусству чрево вещателя. Хотя у древних было несколько названий чрево вещателей, таких как *engastrimythae*, *sternomanteisi* т.д., это искусство, безусловно, было малоизвестно в повседневной жизни, похоже, его держали в секрете и использовали для получения ответов оракулов и т.д. Прорицатель и чрево вещатель Эвриклес, упомянутый Аристофаном, пытался заставить людей поверить, что дух говорит его устами, потому что он произносил слова, не шевеля губами. *Одельфине*, оружию, используемому в морской войне, см. *Греческую схолию* в "Аристофане". (equit 762) и Фукидид (VII. 41).

В древнем диалоге я всегда старался придать ответам индивидуальную окраску, и вы обнаружите, что Акестор говорит на другом языке, чем Стенел, Филопатор - на Поликловом и т. Д. Такие фразы, как: "Убирайтесь к стервятникам", "покажите впадины под подошвами ног", "вселяйте огонь в грудь" и т.д., Легко распознать как заимствованные у классических авторов. Углубляться в эту тему более подробно значило бы заходить слишком далеко. Отдельные характерные выражения, такие как *пальпация конечностей* и т.д., не могут быть воспроизведены.

Знакомя читателя со столь далеким и чуждым миром, для меня было очень важно завоевать его доверие; с этой целью я стремился с помощью цитат показать авторитетность того, что я написал. Кое-где, чтобы устранить любые сомнения в существовании того или иного объекта в древние времена, я добавил греческие названия. В остальном я везде стремился следовать старой максиме *искусство есть искусство*.

Копенгаген, 1 ноября 1881г.

П. Мариагер.

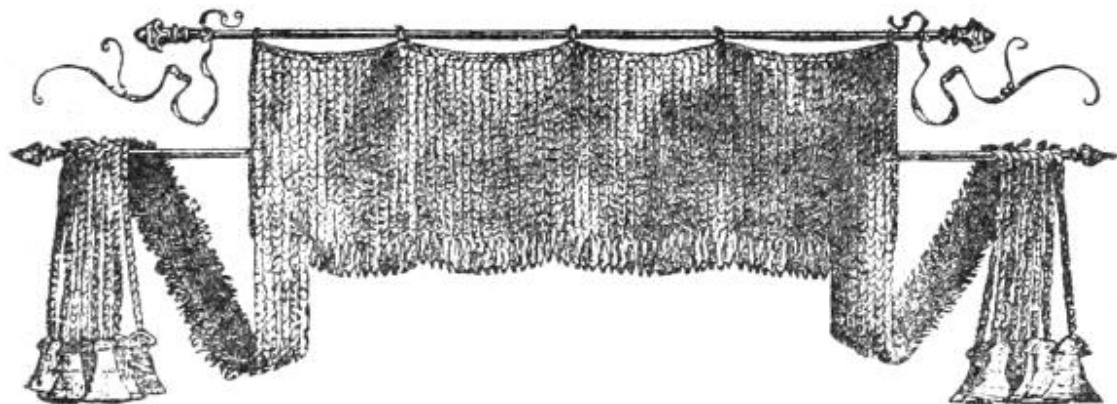
ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Содержание

<i>Фигурка дракона на золотом блюде (доктор Шлиман, Микены.)</i>	65
<i>Афинский рынок более позднего периода, около 200 г. до н.э. (В верхней части, на заднем плане, изображен Акрополь с Парфеноном, колоссальной статуей Афины и Пропилями. Слева от центра находится часть зала царя Аттала, за ним Поэтическая стоа, круглый Толус, а за ним Булевтерий. На переднем плане - статуя Эйрин, Мира, с младенцем Плутом на руках; в центре ступеней - квадратная ораторская площадка с гермами по углам.)</i>	69
<i>Античный дизайн вазы,</i>	92
<i>Афины, видимые с дороги на Элевсин. (В центре картины Акрополь, впереди нижний город, на заднем плане гора Гиметтус.)</i>	95
<i>Дизайн античной вазы,</i>	199
<i>Эгейское море. (Большое плоское судно, торговое судно, за которым следует пиратское судно. Два Кикладских острова на заднем плане.)</i>	203
<i>Дизайн эпохи Возрождения,</i>	222
<i>Прибрежная сцена в Фессалии(недалеко от Фермопильского перевала),</i>	225
<i>Древние жонглеры. (Фигура справа исполняет “танец с мечом”).</i>	318

ЗЕВС ГИПСИСТОС. ПОВЕСТЬ О ПЕЛАСГИЙСКОМ ПЕРИОДЕ.

Содержание

ЗЕВС ГИПСИСТОС.

Содержание

Я.

Содержание

Этот регион был одним из самых примечательных в Аттике. Разнообразные предметы были собраны в узком пространстве. Рядом с расколотыми скальными массивами виднелись гладкие склоны горного плато, а в центре пейзажа — огромная скала с плоской вершиной и крутыми склонами, возвышавшаяся подобно гигантскому каменному алтарю, воздвигнутому самой землей, чтобы принимать почтение человечества. По его берегам текли две реки, широкая и узкий ручей. Высота и долина, ущелье и горная вершина, тесно примыкающие друг к другу, все это легко доступно и открывает удивительное богатство красивых видов.

У этого места было возвышенное предназначение. Здесь храмы и залы с колоннами, гермы и статуи должны были предстать мраморным воплощением мечты о красоте времен юности человечества; отсюда свет разума должен был разливать свои лучи по всему обитаемому миру.

Но в те далекие века, о которых мы сейчас говорим, Афин не существовало даже по названию. Тем не менее, пригород города, впоследствии столь прославившийся, уже находился в процессе строительства. На Пниксе, Ареопаге и части Мусеиума стояло несколько жилых домов, и даже в наши дни на этих высотах можно найти следы восьмисот или девятисот домов, в которых, должно быть, проживало три или четыре тысячи человек.

Этот город, основанный жителями острова Саламин, назывался Кранаай, а его жители были известны под именем кранаи, обитатели высот.

Нет ничего проще, чем эти дома. Как все еще можно видеть, они состояли просто из комнаты, выдолбленной в скале, закрытой спереди и сверху глиной и камнями — последние, по-видимому, опирались на бревна, чтобы предотвратить внезапное падение во время землетрясений, столь частых в этом регионе. Кое-где в скалах до сих пор можно различить небольшие отверстия, в которые были просунуты концы бревен. Многие жилища были расположены рядами, поднимаясь наподобие лестниц одно над другим, и все с открытым пространством перед входом, служившим местом встреч для жителей. Эти террасы соединялись небольшими ступенями, вырубленными в скале; тут и там виднелись алтари, большие хранилища и гробницы, последние состояли из одной или нескольких подземных каменных камер. Огромное количество таких гробниц до сих пор находят разбросанными по обширным участкам древнего скального города.

Другие остатки каменной кладки можно увидеть в отверстиях в земле, проделанных для сбора дождевой воды. В этом регионе можно насчитать более двадцати таких древних колодцев, ибо, хотя аттическая страна была богато обеспечена во многих отношениях, в ней не хватало воды, и впоследствии закон Солона недаром запрещал кому бы то ни было занимать у соседа больше определенного количества. Жители Кранааи так искусно расположили свои колодцы, что даже сейчас — по прошествии более чем тридцати столетий — многие из них собирают и сохраняют дождь.

Под самым городом-скалой все еще можно различить направление улиц, особенно в глубоком овраге, ведущем к Илиссу. Здесь отчетливо видны следы колес, между которыми камень был обтесан, чтобы дать тягловым животным лучшую опору для ног, а по сторонам дороги тянулись гладко вытесанные желоба для отвода дождевой воды, стекающей с обоих обрывов.

II.

Содержание

В скальном городе уже сменилось много поколений, когда новая раса поселилась на маленьком плато между Холмом Нимф и заливом Баратрон. Как и их предшественники, новоприбывшие происходили из Саламина, но они называли себя кихрейцами, исходя из семьи Кихрея, одного из полубогов острова.

В то время как только на Пниксе был найден алтарь Зевса Гипсистоса, верховного Зевса, вокруг которого собрались коренные жители и кранаи, чтобы поклоняться общему богу, вновь прибывшие воздвигли святилище морской нимфе Мелите, возлюбленной Геракла, которая была в родстве с ацидами, уроженцами Саламина.

Таким образом, каждая из двух соседних колоний поклонялась своему собственному божеству и жила в мире и дружбе, более того, в конце концов некоторые кихрейцы взяли в жены дочерей кранаев.

С другой стороны, новоприбывшие ни в коем случае не были в хороших отношениях с туземцами; поскольку последние жили разбросанными по стране и, казалось, были не очень многочисленны, кихрейцы заставляли тех, кого они встречали, работать на них. Они уже использовали их для выравнивания скалы, чтобы иметь возможность строить там, и многие пеласги были серьезно ранены в результате этого тяжелого труда. Более того, Тидей, высокий, красивый юноша, брат одного из их вождей, принял ужасную смерть: его публично казнили за то, что он защищался и отказался работать на чужеземцев.

Кихрейцы пытались скрыть свое преступление, опасаясь, что, когда дело дойдет до ушей пеласгов, они объявят им войну. Была очень серьезная причина для тревоги, поскольку кихрейцы часто видели со своих утесов пеласгийских разведчиков, прячущихся за зарослями ракитника на равнинах, очевидно, выжидающих удобного случая приблизиться к своим поработанным соотечественникам. Молодые, быстроногие юноши, преследовать которых было бесполезно, неизменно выбирались для этой службы, поэтому кихрейцы устроили засаду, захватили нескольких парней и тщательно допросили их, а затем, поскольку они делали вид, что ничего не знают, заставили их работать, как остальных.

На следующее утро после поимки этих шпионов кихрейцы заметили, что далеко на равнине была подожжена куча дров, на которую, несомненно, были брошены папоротники и зеленые растения; от нее шел густой черновато-коричневый дым, который поднимался на значительную высоту и был виден далеко и вблизи. Позже в тот же день еще один костер был обнаружен чуть дальше, и к полудню с утеса поднялось десять столбов дыма, по пять с каждой стороны, последний из которых почти терялся из виду вдаль. Было что-то странно угрожающее в этих мрачных облаках, которые, взывая друг к другу и отвечая друг другу, поднимались к небу, как немое обвинение.

Весь кихрийский народ, молодые и старые, рабы и свободные, собрались возле своих домов и уставились на неизвестный знак. Они заподозрили, что это был сигнал пеласгам собираться, но когда они рассказали об этом новым рабам, последние сказали, что никогда не видели такого дыма, но что кихрейцы могут положиться на то, что пеласги не выступят против них до

наступления более благоприятного дня. Когда новоселы спросили, когда это будет, они ответили:

“Когда на небе большая луна”.

Кихрейцам пришлось довольствоваться этим, но каждый солдат втайне тщательно осматривал свое оружие; никто не считал себя в безопасности.

III.

Содержание

Лирк, сын Ксантия, был одним из главных кихрейских вождей. Его боялись за его силу, а в те дни страх был синонимом уважения. Лирк посвятил себя военному ремеслу; он понимал, как ковать оружие и обращаться с ним, и учил юношей пользоваться им. Внешне это был высокий мужчина с вьющимися черными локонами, рыжевато-каштановой бородой и пронизательным, но отнюдь не уродливым лицом. Обычно он ходил в облегающей одежде из волчьих шкур, которая оставляла обнаженными его мускулистые ноги и руки, а на талии носил кожаный пояс, в который был заткнут бронзовый нож в палец длиной. Среди пеласгов ходило много историй о нем, ибо, будучи человеком воинственным, он часто ссорился с ними и во время грабительских вылазок с некоторыми из своих товарищей грабил их земли, унося коз, ячмень, инжир, мед и все остальное, что ему нравилось.

Лирк был уже не очень молод. Он видел, как раскрываются зеленые листья и возвращаются ласточки, около сорока раз. Тем не менее, он всегда насмехался над любовью и считал ее глупым пустяком. Когда он не занимался ковкой, его ум был поглощен погоней и практикой владения оружием.

И все же, хотя Лирк был таким свирепым воином, Афродита тронула его сердце и показала, что она, так же как и Артемида, заслуживает имени Гекаэрдж, меткая на дальний удар. Однажды, во время короткого визита в соседнее поселение, Лирк увидел Биссу, самую прекрасную девушку в скальном городе, черпающую воду из колодца перед своим домом, и его мгновенно охватила горячая страсть к ней. Крепко схватив ее за руку, он пристально посмотрел на нее, и когда покрасневшая девушка спросила, почему он держит ее так грубо, он ответил: “Никогда не отпускаю тебя!” Таково было ухаживание свирепого Лирка.

Отец Биссы, Аристон, жрец Зевса Гипсистоса, был пожилым человеком с мягким характером, который не осмелился отказать буйному воину; однако он дал свое согласие только при условии, что Бисса сохранит веру своих предков и не будет приносить жертвы Мелите в святилище кихрейцев. Тем не менее, и у него, и у его жены были слезы на глазах, когда Лирка родила их единственного ребенка, и, прощаясь с Биссой, Аристон возложил руки ей на голову, сказав:

Будь хорошей женой этому незнакомцу. Но не бросай Зевса Гипсистоса, чтобы Зевс Гипсистос не бросил тебя.

С того дня прошла целая зима, и Лирк, казалось, любил Биссу все нежнее. Был только один предмет, по которому муж и жена придерживались разных мнений. Когда Лирк видел, как другие женщины стекаются в святилище Мелиты, он часто желал, чтобы Бисса сопровождала

их. Но Бисса была непреклонна. “Помни о своем обещании моему отцу”, - сказала она. “Что бы ни случилось со мной, я никогда не забуду его совета: ‘Не покидай Зевса Гипсистоса, чтобы Зевс Гипсистос не покинул тебя’. Так дело и осталось в прошлом. Но когда к побережью подошел финикийский корабль — ибо в те дни финикийцы были единственными людьми, которые осмеливались переплывать море, — Лирк купил лучшие ткани, украшения и покрывала. Казалось, он не мог достаточно украсить Биссу, она должна была быть одета более богато, чем любая из кихрейских женщин.

До замужества у Биссы уже был один поклонник, один из пеласгийских вождей, мужчина тридцати восьми лет по имени Перифас. Он был владельцем большого стада коз, часто приносил жертвы Зевсу, улаживал многие ссоры и имел репутацию хорошего и честного человека. И все же не было особых причин для того, чтобы он славился благочестием и святостью, поскольку он едва мог контролировать свои страсти и обладал таким буйным нравом, что однажды убил прорицателя за то, что тот в присутствии народа предсказал, что он умрет позорной смертью.

Совершая жертвоприношение в скальном городе, Перифас увидел хорошенькую Биссу и немедленно попросил ее руки ее отца, пообещав богатые свадебные подарки. Но священник Аристон ответил, что девушка была еще слишком молода.

С тех пор Перифаса часто встречали в окрестностях утеса Кранай, и когда на древнем алтаре приносились жертвы, он всегда появлялся во главе пеласгов. Но с того часа, как Лирк отнес Биссу домой, никто из кранаев его не видел, хотя говорили, что во время одной из своих мародерских вылазок Лирк крикнул:

“Берегись, когда настанет день возмездия, я не удовлетворюсь тем, что буду уводить коз”.

Таково было положение дел в начале нашего рассказа. Казалось, что поимка шпионов должна была послужить поводом для войны; одному из юношей удалось сбежать, и кихрейцы опасались, что во время своего пребывания среди них он мог получить известие о смерти Тидея. Этот Тидей, которого так позорно побили камнями, был братом Перифаса, и у вождя, таким образом, была двойная причина для мести — убийство его брата и его оскорбленная любовь.

Но, несмотря на опасность при таких обстоятельствах покинуть кихрийский утес, Лирк обладал слишком беспокойной натурой, чтобы спокойно оставаться дома. В тот самый день, когда столбы дыма вселили такой ужас в людей, он рано утром отправился в сопровождении шести или восьми человек на охоту на равнинах или в лесах, покрывающих гору Парнес.

IV.

Содержание

День выдался изнуряющим. Солнцу оставалось пройти еще одну шестую часть своего пути, и воздух дрожал над раскаленными скалами.

Кихрейцы искали убежища за пределами своих маленьких, тесных жилищ, чтобы подышать северным ветром. На каждой террасе расхаживали мужчины, женщины и дети, причем первые часто были одеты просто в шкуру какого-нибудь животного, наброшенную на бедра, мальчики были совершенно обнажены, а женщины - в одежде без рукавов с петлями или иногда только в

короткой нижней юбке, прикрывающей чресла. Большинство этих одежд были белыми, а остальные были сшиты из красной, желтой или синей материи; в то время люди ценили только яркие чистые цвета. Повсюду слышались веселые разговоры, и эти сотни полубоженных фигур образовывали неопределимо оживленную картину на темном фоне скалы. Страх перед пеласгами, казалось, исчез еще до того, как погасили пожары, во всяком случае, это не мешало кихрейцам наслаждаться настоящим моментом.

На одной из самых низких террас, прямо напротив Ареопага, стоял дом Лирка, а рядом с ним сарай, где он ковал свое оружие. У двери он посадил на цепь большого желтого пса молосской породы, что-то вроде бульдога, а в глубине жилища старая рабыня хлопотала у огня, над которым она подвесила покрытый сажей глиняный сосуд.

В нескольких шагах от него, у края утеса, между длинными шестами был натянут тростниковый навес. В его тени стояла Бисса, занятая сплетением разрозненных кусочков шерстяной материи в единое целое. “Цепь” располагалась перпендикулярно, так что ткачество производилось стоя; — горизонтальный ткацкий станок, который веками использовался в Египте, еще не был известен в Элладе.

Когда Бисса стояла на краю утеса, а за ее спиной было голубое небо, у нее была прекрасная возможность понаблюдать за ней. Свои темные волосы она собрала в узел, в который была воткнута бронзовая булавка, а на шее носила ряд голубых стеклянных бус. Остальная часть ее платья состояла всего лишь из красной нижней юбки, доходившей от бедер до колен. Но ее низкий лоб, спокойные черные глаза, блестящий цвет лица и полный бюст демонстрировали чувственную красоту, свойственную Югу и которая даже в ранней юности наводит на мысль о будущей матери. Короче говоря, она была истинным потомком великих эллинских женщин, которые из тумана далеких веков появляются в чарующих преданиях, достаточно красивые, чтобы соблазнить самих богов, и достаточно сильные, чтобы выдержать их пылкие объятия и стать матерями полубогов и героев.

Было приятно видеть, как ловко она работает руками и как быстро продвигается плетение. Каждое движение сильного, округлого, слегка загорелого тела молодой жены, хотя и лишенное грации, обладало особым колдовством, на котором ни один мужской взгляд не остановился бы безнаказанно.

Но все мужчины, казалось, были изгнаны из ее присутствия. Все знали, что ревность Лирка легко разжечь, и каким бы сильным ни было обаяние Биссы, страх перед свирепым воином был еще сильнее.

Казалось, мысли Биссы не были поглощены работой. Она то и дело поднимала глаза от своего ткачества.

Перед ней расстилалась залитая солнечным светом равнина Аттики. Здесь не было ни колышущихся хлебных полей, ни пышных виноградников; слой почвы, покрывавший скалы, был настолько тонок, что скудный урожай травы мог прокормить лишь несколько коз. Тут и там виднелось несколько корявых оливковых деревьев, чья серо-зеленая листва отливала серебристым блеском, а везде, где была влага, земля была покрыта пестрым ковром из крокусов, гиацинтов и нарциссов.

Находя равнину всегда пустой и безлюдной, молодая жена наконец опустила руки и, глубоко вздохнув, повернулась к рабыне.

- Как долго он остается! - воскликнула она, нарушая тишину.

“Лирк силен и хорошо вооружен”, - ответила рабыня, подбрасывая еще дров в костер. “Пеласги боятся его больше смерти. Он вернется невредимым.

Бисса продолжала работать молча, но ей было не по себе, и она отрывалась от ткачества еще чаще, чем раньше.

“ Ого! ” внезапно воскликнул раб. - Вот они! Посмотри на Бремона”. В Бульдог встал на задние лапы и наклонился вперед так, что цепь была туго натянута; принюхиваясь к ветру и нетерпеливо рыча, он изо всех сил вилял хвостом.

В Ворчун.

V.

Содержание

Бисса отошла подальше от тростникового навеса и прикрыла глаза руками. Справа обзор закрывала гора Ликабет, две вершины которой выглядели почти как одна; слева взгляд останавливался на темном Парнесе, чей боковой отрог странной формы, Харма, колесница, был отчетливо виден со скалы Кихрианцев.

Долгое время Бисса ничего не видела, затем случайно заметила, гораздо ближе, чем ожидала, белое пятно среди деревьев.

“ Вот он! Вот он! ” радостно воскликнула она, хлопая в ладоши. “Тратта, радуйся! Я вижу там светлое пятно — его белую лошадь.

В такой горной стране, как Аттика, даже равнины неровные, и подъем скрывал от нее приближающегося коня.

Наконец световое пятно появилось снова — на этот раз значительно ближе. Затем прошло несколько мгновений, в течение которых оно, казалось, увеличивалось.

Бисса изо всех сил напрягла зрение, ее грудь вздымалась от тревожного ожидания. Внезапно она сильно побледнела и, бросившись Тратте на грудь, прошептала тихим голосом:

“ Случилось что-то ужасное. Лошадь одна, без всадника.

Почти в то же мгновение она высвободилась из объятий рабыни и подошла к самому краю обрыва. Оттуда, на большом расстоянии позади лошади, она заметила медленно приближающуюся группу людей. Несколько мужчин, похожих на черные точки, казалось, несли другого, и еще несколько последовали за ними.

При виде этого Бисса громко вскрикнула и вцепилась обеими руками в волосы. Но Тратта удержала ее.

“Успокойся, дитя,” сказала она со всей властью возраста. - Сначала узнай, что произошло. У тебя будет достаточно времени, чтобы погоревать”.

Но Бисса не обратила на нее внимания. Лошадь была совсем близко и быстро скакала к своему стойлу у подножия утеса.

Прежде чем Тратта успела помешать этому, Бисса поспешила к ближайшему лестничному пролету и бешено помчалась вниз по грубо вырубленным ступеням, где малейшее оступление могло привести к увечьям или смерти. Рабыня, не без беспокойства покачивая головой, медленно последовала за ним.

Едва лошадь позволила поймать себя, как Бисса со слезами на глазах и с особенной торжественностью повернулась к старому слуге и указала на вздымающийся бок животного.

Не было видно ни малейшей раны, но струйка крови шириной в палец стекала по белому боку скакуна и спутала его шерсть.

- Я так и знала, Тратта, я так и знала! - в отчаянии воскликнула Бисса.

Затем, понизив голос, она добавила: “Это его кровь”.

Но Тратта ответил почти сердито:

“Его или кого-то другого; что ты об этом знаешь? Помоги мне загнать лошадь в сарай.

Бисса, не сознавая, что делает, повиновалась, а затем посмотрела на равнину, где увидела зрелище, заставившее ее задрожать с головы до ног.

Лирк приближался невредимый во главе своих людей.

Бисса издала радостный вопль, который эхом разнесся от утеса к утесу, когда с распростертыми руками и развевающимися волосами полетела навстречу своему мужу.

Лирк нахмурил брови.

“В чем дело? Что тебе здесь нужно? - спросил он, удивленный, обнаружив ее у подножия скалы.

Но Бисса не обратила внимания ни на слова, ни на взгляд. Обвив руками его шею, она прильнула к нему и покрыла его одежду из волчьей шкуры слезами и поцелуями.

“Лирк, ты жив”, - отчаянно повторяла она, в то время как весь страх и неизвестность, которые она пережила, нашли выход в успокаивающих рыданиях.

“Бисса, говори! В чем дело? - спросил Лирк, пораженный возбуждением, в котором застал свою жену.

Бисса взяла его за руку, отвела в конюшню и коснулась пальцем красной полосы на боку лошади.

“Простофиля!” рассмеялся Лирк. “Это не человеческая кровь. И он указал на огромного мертвого дикого кабана, которого двое мужчин едва могли нести на копье, перекинутом через плечо. “После охоты, - продолжал он, - мы хотели посадить огромного тяжелого зверя на лошадь, но он испугался, сорвался с места и убежал домой”.

Тем временем подошли мужчины. Несмотря на свой страх перед Лирком, они не могли удержаться от взгляда на прелестную Биссу, которая теперь была вдвойне прекрасна в своем волнении и восторге. Более того, некоторые не довольствовались разглядыванием ее лица, но бросали косые взгляды на ее босые ступни и лодыжки, которые были достаточно хорошо сформированы, чтобы привлекать внимание, хотя у женщин было принято ходить в одежде с петлями.

Лирк заметил эти украдкой брошенные взгляды и, нахмурившись, крепче сжал свое копье.

“Почему ты носишь эту красную тряпку?” - резко спросил он, указывая на короткую нижнюю юбку Биссы. “Разве я не подарил тебе длинную мантию?”

“Солнце так припекает, а я была одна за ткачеством”, — запинаясь, пробормотала бедная молодая жена, залившись ярким румянцем.

Говоря это, сбитая с толку, она поставила ногу на нижнюю ступеньку каменной лестницы и собралась поспешить вверх по утесу. Но Лирк схватил ее и, отшвырнув за спину, так что прикрыл своим телом, сурово крикнул своим товарищам:

“Вперед!”

Затем он сам поднялся вслед за ними, строго следя, чтобы никто не оглянулся, но оставил Биссу и рабыню следовать за ними, насколько они могли.

VI.

Содержание

На утесе наверху среди кихрейцев царила великая радость по поводу великолепной игры. Но когда с животного сняли кожу и его плоть разрезали на куски, все, не только сами охотники, но и их друзья и родственники, захотели получить свою долю добычи. От слов они перешли к драке, и Лирку понадобился весь его авторитет, чтобы сдержать разъяренных людей.

Тем временем солнце зашло за горы Коридалл. Оливковые деревья на равнине не отбрасывали теней, вся равнина была погружена во тьму. Все было тихо и мирно, время от времени из зарослей доносилось тихое щебетание.

Кихрейцы задержались, сплетничая после дневных трудов. Некоторые из них спросили Лирка и его спутников, случилось ли что-нибудь во время охоты. Лирк ответил, что вдалеке были замечены небольшие группы пеласгов, но он, казалось, не придавал этому значения, и многие кихрейцы готовились отправиться на покой, когда чистый детский голос изумленно воскликнул:

“ Смотрите, смотрите! Холмы движутся!”

Все взгляды устремились на палец ребенка.

Вдали, над какими-то невысокими холмами, гребни которых отчетливо выделялись на фоне вечернего неба, происходило странное колеблющееся движение. Это выглядело так, как будто вниз стекало какое-то жидкое тело, потому что один темный слой сменял другой, как волна следует за волной.

В этом зрелище было что-то такое, от чего кровь в жилах кихрианцев заледенела. На самой равнине ничего не было видно; все там было окутано вечерними сумерками.

Все слушали, затаив дыхание. Затем в сгущающейся темноте эхом разнесся стремительный звук — шум, похожий на движение огромной группы людей, гул множества голосов, отдаленные крики, песни и лязг оружия. Шум, казалось, усилился и приближался. Затем замерцали языки пламени, как будто их мгновенно накрыли темные фигуры. Это было похоже на живой поток, который рос и ширился, пока не окружил весь утес.

Затем зажгли факел, и небольшой отряд из десяти или двенадцати человек приблизился на расстояние выстрела из лука. Двое из них поднесли ко рту длинные рога спиральной формы, и дикое эхо разнеслось от утеса к утесу. Человек, одетый в белое льняное одеяние, выступил вперед, высоко подняв лавровый посох. Наступила глубокая тишина, и теперь был слышен его пронзительный голос, говоривший:

“Кихрианцы! Вы причинили нам большое зло. Вы построили дома на земле, которая не принадлежала вам; вы заставили мужчин нашего народа служить вам, а когда юноша Тидей отказался, вы подло убили его.

“За сдачу земли и в знак подчинения вы должны платить нам, исконным жителям страны, ежегодную дань в размере семисот копий и такого же количества мечей и щитов”.

Тут среди кихрейцев поднялся громкий шум. Они поняли, что пеласги намеревались разоружить их, и их гнев нашел выход в яростных оскорблениях.

“Слушайте собак!” - кричали они. “Прежде чем началась битва, они говорят как победители. Неужели эти хвастливые дураки воображают, что смогут снести утес своими улиточьими рожками?

Но герольд не позволил прервать себя.

“Кихрейцы!” продолжал он. - Пеласги, которых вы поработили, должны быть освобождены, и в качестве компенсации за ваше преступление убийства мы требуем, чтобы вы выдали нам Лирка, который спровоцировал войну и грабил мирных жителей этой страны. Эти требования мы осуществим с помощью оружия. Мы приходим больше не с мольбами, а с приказами”.

Снова поднялся ужасный шум, но Лирк приказал замолчать и, вскочив на скалу, с которой его было видно и слышно далеко и вблизи, крикнул:

“Пеласги! Земля, на которой мы построили, была пустынной и необитаемой; она принадлежала нам в той же степени, что и вам. Когда ты требуешь рабов и желаешь, чтобы я был передан тебе, ответ таков: *Приди и заberi нас*. Но запомните вот что: это *вы*, а не *мы* начинаем войну; мы только защищаемся от нападения. Этот ответ заслужен и одобрен нашим народом”.

Громкие ликующие крики кихрейцев приветствовали его слова.

Лирк уверенно оглядывался по сторонам; ибо, каким бы безрассудным он ни был в отношении собственной безопасности, он был осторожен там, где речь шла о благополучии людей. При первых признаках войны он привел утес в оборонительное положение.

На всех более широких подходах он насыпал кучи огромных камней, которые нужно было скатывать на врага, а там, где люди могли взбираться поодиночке, он расставил часовых. Задняя часть высоты была недоступна; здесь более чем на четыреста локтей простиралось поле для гольфа Баратрона, окаймленное по своим почти отвесным сторонам утесами высотой от девяноста до ста ярдов. Эта темная, дикая пропасть впоследствии использовалась как место казни; и именно здесь заканчивали свои дни преступники, которых закон приговаривал “к низвержению в бездну”. К северу, с наветренной стороны, утес не был покрыт землей, и здесь, у его подножия, наполовину скрытый среди огромных валунов, находился вход в пещеру, которая вела наискось вверх, к каким-то подземным гробницам, откуда крутой проход вел на одну из нижних террас. В этом проходе Лирк приказал вырубить ступени, чтобы обеспечить тайный спуск на равнину, а для большей маскировки приказал посадить кусты за пределами пещеры.

Хотя кихрейцы в целом были в хорошем настроении, по мере приближения решающего часа они оказались в серьезном настроении. Лирк в первую же свободную минуту заверил Биссу, что пеласги будут приняты таким образом, что ни один мужчина не сможет ступить на открытое пространство перед домами. Молодая жена молча обняла его; ее глаза были полны слез, и она не могла говорить. Она безоговорочно доверяла своему мужу, но, тем не менее, была глубоко тронута.

“Прежде чем сядет солнце, - подумала она, - многие закроют глаза. И какова будет судьба Лирка?”

VII.

Содержание

Большая часть ночи прошла спокойно. Они увидели, как пеласги разводят костры полукругом вокруг утеса, и почувствовали запах жареного мяса. Слышались песни и смех, а вместе с кострами, казалось, из земли выросла чаща копий.

На самом утесе царила глубокая тишина. Однако странный потрескивающий звук эхом разносился по ночи, а ветер принес легкий туман и запах гари. Вскоре в воздух поднялось красное облако, и от уст к устам пробежал крик:

“Склад в огне!”

Поджег ли его какой-нибудь безрассудный пеласгиец или один из новоиспеченных рабов? В любом случае задача была нелегкой. Склад, как и жилища, был вырублен в скале и не содержал ничего горючего, кроме семян и бревен, на которых покоилась крыша. Тем не менее, пламя быстро распространилось, когда огонь впервые достиг воздуха, и часть крыши обрушилась. Огромные зловещие клубы дыма взметнулись ввысь, и, как обычно при сгорании семян, вместе с дымом поднялись бесчисленные снопы искр, которые мелким дождем снова упали на землю. Внезапно, как раз в тот момент, когда упавшие балки вспыхнули пламенем, с крыши взметнулся высокий столб огня. Холм Нимф, Ареопак и возвышенность, известная в более поздние времена как Акрополь, озаарились багровым сиянием, и вся пеласгийская армия разразилась ликующими криками.

Несколько самых смелых подошли ближе, а старый кривоногий простак, нелепо одетый в гигантский шлем и огромную дубину, направился к утесу, где сделал движение, как будто ставил ногу на шею поверженному врагу.

Услышав этот вызов, молодой кихриец схватил свой лук и стрелы.

“*Rhai—bo—ske—lēš!* Кривоногие!” он закричал, и его голос эхом разнесся далеко по равнине: “Где ты взял свой щит?”

Тетива лука звякнула - и старик, едва успев взлететь, рухнул навзничь на землю.

Кихрейцы захлопали в ладоши и издали громкие крики радости.

При виде падения старика — вероятно, это был вождь - по рядам пеласгов пронесся кровавадный вопль. Длинное слово, ставшее неразборчивым из-за расстояния, переходило из уст в уста, пока внезапно не прозвучало ясно и отчетливо, как команда.

-*Сфендонетай!* Пращники!

Из темной толпы, собравшейся у костров, выступила группа мужчин, на которых не было ничего, кроме овечьих шкур вокруг бедер. Они выстроились в две шеренги лицом к утесу, на расстоянии двадцати шагов между рядами и на таком же расстоянии друг от друга.

Среди такой скотоводческой расы, как пеласги, праща была незаменимым орудием труда. Это служило для того, чтобы держать стада вместе; потому что, когда коза или любой другой крупный рогатый скот раз или два попадали камнем из пращи, пастушья собака замечала это и строго следила за животным. Благодаря искусному обращению с пращой пастух, таким образом, избавил себя от необходимости гоняться за животными, отбившимися от стада, а в горной местности, подобной Аттике, где едва ли можно пройти несколько сотен шагов, не поднимаясь или не спускаясь, лучше поберечь ноги.

Сама перевязь была очень простой. Он состоял всего лишь из двух шерстяных шнуров длиной в пол-локтя и толщиной примерно с палец, скрепленных с каждого угла куском кожи в форме наконечника копья с отверстием посередине для надежного удержания камня. Искусство использования орудия состояло в том, чтобы опустить один шнур в тот момент, когда камень находился в нужном изгибе, чтобы достичь цели.

Мужчины в овечьих шкурах вокруг чресел собирали с земли камни и швыряли их в сторону утеса, пока не определили расстояние, затем они достали их из мешочков, которые носили на кожаном ремешке за плечами. Эти камни, которых каждый человек нес по двенадцать-четырнадцать, весили около восьми фунтов. Впоследствии были использованы пули размером с куриное яйцо, и эти пули, помеченные греческим клеймом, до сих пор находят на Марафонской равнине.

Внезапно на Кихрийском утесе раздался оглушительный грохот от камней, которые бились о дома и падали обратно на твердую землю. Вскоре крики боли смешались с шумом, и Лирк с тревогой понял, что его люди тяжело ранены, поскольку под градом камней сверху были разбиты головы или повреждены плечевые суставы.

Юноша, сваливший старого вождя, снова схватился за свой лук, но Лирк выбил его у него из рук.

“ Несчастный! - сказал он. - наши луки и вполтину не достают до их пращей. Хочешь показать им, что это так?

Поспешно расставив часовых там, где было хоть какое-нибудь укрытие, он приказал своим людям отступить в дома. Но даже там они не были в безопасности, потому что, когда один или несколько камней попадали в крышу, бревна которой не были новыми, она падала полностью или частично, ранив мужчин, женщин и детей. Вскоре утес наполнился эхом воплей боли, и оглушительный грохот каменного дождя постепенно ослабил мужество кихрейцев, тем более что они были не в состоянии защитить себя.

Затем Лирк, который сам стоял на страже, увидел небольшой отряд людей, приближающийся из лагеря пеласгов, очевидно, на разведку. Некоторое время они двигались вдоль утеса примерно на расстоянии выстрела из лука, спокойно позволяя камням из пращей пролетать над ними. Внезапно тот, кто шел во главе отряда, поднес к губам большую раковину, издав три долгих, пронзительных звука, и среди пеласгов поднялась большая суматоха.

Пятьсот или шестьсот человек собрались перед лагерем и поспешно построились в шеренги. Было слышно, как лидеры проявляют рвение и отдают приказы. Затем они со всех ног помчались к утесу, где лазутчики, держа щиты над головами, уже пытались показать наступающим солдатам места, на которые легче всего подняться.

В тот момент, когда темные фигуры в одеждах из козьих шкур и капюшонах ступили на утес, град камней прекратился. Теперь кихрейцы вышли из своих домов и направились к грудам камней, наваленных на ступеньках. Хотя пожар на складе начал угасать, зловещее пламя все еще давало достаточно света, чтобы показать пеласгам их путь. Когда Лирк увидел, что они преодолели часть высоты, он приказал сбрасывать камни вниз. Кихрианцы с энтузиазмом принялись за работу; камень за камнем скатывались вниз, перепрыгивая с одного валуна на другой. Снова раздались громкие крики боли, но на этот раз пеласги, многие из которых оступились, полетели вниз и были искалечены при падении.

Тем не менее, многим из них, частично спасаясь от камней, а частично защищаясь щитами, удалось невредимыми добраться до открытой террасы скалы. Здесь кихрейцы бросились на них, но они защищались с упорством людей, у которых за спиной крутой утес. Долгое время исход битвы оставался нерешенным — тогда кихрейские женщины поспешили на помощь мужчинам. Они бросали пеласгам в глаза пепел и песок, а некоторые в конце концов использовали тяжелые ручные мельницы в качестве оружия. Более того, мальчики двенадцати и четырнадцати лет последовали примеру своих матерей и вооружились всем, что попало им под руку.

Когда Лирк увидел, что битва разгорается с новой силой, он повернулся к горящему складу и, увидев, что огонь почти погас, рассмеялся и воскликнул: “Я рискну”. Затем, собрав людей, которых можно было спасти, он вывел их при свете факелов через крытый проход на равнину. Здесь, под покровом темноты, он прокрался со своими солдатами за лагерь пеласгов, и, пока последние пристально вглядывались в сторону утеса, чтобы убедиться в успехе атаки, кихрейцы издали громкий боевой клич и неожиданно напали на них с тыла.

Лирк, как обычно, был одет в свою мантию из волчьей шкуры и капюшон из того же меха, на котором в качестве украшения он оставил уши животного — придаток, придававший его головному убору особенно свирепый вид. При неверном свете костров многие пеласги узнали его по капюшону с волчьими ушами, и вскоре послышался крик:

“Лирк над нами! Бегите с Лирка!” Затем началось бегство, столь стремительное, что многие солдаты, застигнутые таким образом врасплох, даже не дали себе времени выдернуть свои копья из земли.

Как раз в этот момент вождь в медном шлеме, нагруднике, понож и щите выскочил из-за скалы, как сумасшедший бросился перед беглецами и ранил нескольких своим копьем.

“Перифас!” крикнул Лирк, метнув в него свое копье. Но пеласгиец парировал удар своим щитом, и в то же мгновение лезвие меча рассекло его, и он наклонился за гремящими осколками. Ясеновое копье просвистело у него над головой, взъерошив волосы.

“Так близка смерть!” - подумал он, и ледяной холод пробежал по костям и мозгу.

Лирк выхватил меч, но толпа беглецов встала между ним и Перифасом — он увидел, как сверкающий шлем последнего развернулся и был унесен людским потоком.

При имени Лирка тревога передавалась от вахты к вахте. Как раз в этот момент громкий крик ужаса вырвался у тех, кто взбирался на Кихрианский утес, потому что, когда отблески пламени от горящего склада угасли, они были вынуждены в темноте перебраться через край обрыва. Этот крик ускорил бегство пеласгов; они сразу поняли, что не могут ожидать помощи от своих товарищей.

Лирк, опасаясь, что враг может обнаружить, насколько мал его отряд, вскоре прекратил преследование, и когда его люди по дороге домой наперебой восхваляли его как победителя, он ответил:

Их ошибкой было то, что они использовали огонь как факел, чтобы взобраться на утес; потому что, когда пламя погасло, они внезапно остались в густой темноте, с врагом впереди и крутым обрывом позади.... Я, со своей стороны, доверился тьме, под покровом которой я застал врасплох пеласгов, и тьма не обманула меня, как их ввело в заблуждение их пламя”.

VIII.

Содержание

В течение первых нескольких дней после неудачного нападения Перифас из страха перед кихрейцами прятался в пещере на горе Гимет. Об этом знал только пастух, который приносил ему провизию, а мебель состояла из нескольких покрывал из козьей шкуры, ручной мельницы, нескольких глиняных сосудов и каменного очага.

Однажды знойным днем, когда солнце светило в пещеру, Перифас лежал почти обнаженный за каменной глыбой у входа. Перед ним стоял юноша с вьющимися черными волосами и в оленьей шкуре, брошенной на его чресла. Номион был сыном соседнего вождя и дружил с Тидеем с детства.

Оба выглядели серьезными, нет, обеспокоенными; они говорили о кихрейцах и убийстве Тидея.

“Я полагаю, ты ошибаешься”, - сказал Номион. “Лирк не имеет к этому никакого отношения. Тидей вспылil; его отказ служить кихрейцам раздражал их и приводил в ярость. Каждый бросал в него камень и ранил до тех пор, пока несчастный юноша не испустил последний вздох. Это было похоже на пчелиный рой, нападающий на мула; нельзя сказать, что ни одна пчела не убила его, каждая просто уколола своим маленьким жалом, но животное от них умирает”.

Перифас покачал головой.

“Я знаю лучше”, - ответил он. “Лирк ненавидит меня и всю мою расу. Разве я не ухаживал за Биссой?”

“Нет, нет”, - настаивал Номион, который как сын вождя пользовался большей свободой слова в обращении к Перифасу, чем осмелилось бы сделать большинство других. “Если Лирк был убийцей, как он мог проникнуть в места собраний перед домами и передвигаться среди других кихрейцев? Кто будет общаться с убийцей? Разве суды по всем делам об убийстве, согласно древнему обычаю, не проводятся под открытым небом, чтобы ни обвинители, ни судьи не могли находиться под одной крышей с убийцей?”

- Я знаю, - пробормотал Перифас с угрюмым видом, - что убийца нечист на руку.

“ Не просто нечистый, но и находящийся под двойным запретом. Жертва и гнев богов. Должна ли убитая душа удалиться от света и жизни, не требуя кровавой мести? И боги, для которых убийство — мерзость, неужели они откажутся от праведного возмездия?”

Перифас, отвернувшись, хранил молчание.

“Простите меня! - воскликнул Номион. - Я забыл, что вы сами...”

“Прорицатель, — сказал Перифас, понизив голос, - да, он пал от моего копья. Но ему воздали по заслугам. Разве этот дурак не провозгласил вслух, в присутствии всех, то, что он должен был доверить мне одному?”

- И все же это было убийство.

“ Нет, друг мой, поверь мне, это было нечто совсем иное, чем их преступление. Разве ты не знаешь, Номион, что ни у одного пеласга нет больших стад, чем у меня... Что ж! Если я и оскорбил богов, то никто не приносил им более многочисленных и дорогих подношений. Кроме того, я отправился прямо в Кранаай и заставил Аристона очистить меня, согласно обычаю жрецов, от пятна крови. Что же касается семьи покойного, то я давным—давно задобрил их дорогими подарками.

— Но... расположение? - спросил Номион, глядя Перифасу прямо в глаза.

“ Расположение! ” ответил Перифас, избегая взгляда Номиона. “ Юноша, ты произносишь странные слова. Когда ни боги, ни люди не жалуются, кто спрашивает о характере?”

И Перифас разразился странным, натянутым смехом, который почти жутким эхом разнесся по пещере.

“Будь что будет”, - сказал Номион. “Если кихрейцы позволят убийцам жить среди них безнаказанными, не будут ли они тоже, не будет ли весь народ нечистым и подверженным гневу богов?”

- Похоже на то.

“ И все же кихрейцы остаются победителями, в то время как мы, мстители Тидея, рассеяны, как мякина на ветру. В чем причина?”

- Возможно, их боги сильнее наших.

“ Морская нимфа Мелита сильнее Зевса Гипсистоса! Ты не можешь в это поверить.

- Возможно, нам следовало дожждаться счастливого дня.

“Нет, - возразил Номион, - я верю, что Лирк победил, потому что он не причинил зла. Он воинственный парень и первый в бою, поэтому он не может довольствоваться тем, что уносит коз, ячмень, инжир и мед. Но он никогда не убивал человека, кроме как в честном бою. Если бы он присутствовал, Тидея никогда бы не побили камнями”.

“ Ты удивительно хорошего мнения о Лирке, ” сказал Перифас. “ Но зачем постоянно говорить об этом кихрейце? В стране есть и другие вожди.... Что ж! Посмотрим, защитят ли его боги в другой раз.

“ Перифас! Что ты задумал? - спросил я.

“Ты знаешь красивую птичку по имени Китта? Она так сильно любит свою пару, что не может жить без нее. Пусть курица будет поймана в гнезде каким-нибудь простым силком, и петух сам полетит за ней и позволит поймать себя”.

“ Во имя богов! Я правильно тебя понял? Ты хочешь украсть Биссу?

“ Тебе не кажется, что она того стоит? Что ж, клянусь Зевсом, - продолжал Перифас, и кровь прилила к его щекам, - я предпочел бы унести ее, чем коз, ячмень, инжир и мед.

“ Берегись, Перифас! Не доводи Лирка до безумия. Тогда он будет способен на все.

- Нет, пока он в *моей* власти.

IX.

Содержание

У подножия высот Агры, части горы Гиметтус, русло Илиссуса расширяется. Река здесь разделяется на два рукава, которые окружают ровный остров. В том месте, где ответвления сходятся, берега образуют обрыв с двумя ямами; здесь, просачиваясь между слоями камня, отличная питьевая вода скапливается в такой изобилии, что образует пруд. Это фонтан Каллироэ (красивый источник), который в настоящее время используется как бассейн для омовения.

Во времена, описываемые в этой истории, Каллироэ был местом, откуда жены и дочери кихрейцев, а также кранаи приносили воду, когда истощались маленькие колодцы на скалах. Источник Клепсидры находился значительно ближе; но, как следует из названия (вода, которая ускользает), ее было слишком мало, чтобы прокормить две колонии. Поэтому люди были вынуждены брать воду с берегов Илисса, расположенного более чем в двух тысячах футов от них, в пустынной местности под названием Аграй. Путешествие не было полностью свободным от опасностей, поскольку пеласги, бродившие по горе Гиметтус, считали бассейн своим собственным и косо смотрели на всех остальных, кто пытался им воспользоваться. Женщины часто подвергались там насилию и несколько раз даже похищались. Поэтому у женщин и девочек вошло в обычай ходить к фонтану группами в сопровождении вооруженных мужчин. Но прошло уже несколько лет с тех пор, как кто-либо подвергался насилию, и мужская стража начала проявлять некоторую беспечность. Вместо оружия многие из тех, кто помоложе, взяли охотничьи принадлежности и развлекались тем, что ловили в силки зайцев, которых в этом регионе водилось великое множество.

Поездка к фонтану в целом была приятной экскурсией. Поскольку все южные народы обладают способностью делать жизнь легкой и приятной, время было выбрано удачно. Во-первых, вечеринка началась во второй половине дня; солнце тогда было у них за спиной, а когда они вернулись, оно уже скрылось за горой Коридалл. Кто-нибудь из мужчин постарше брал сиринокс или флейту; молодые люди шутили с хорошенькими служанками и матронами, они сменяли друг друга в переноске кувшинов с водой, раздавались смех и песни, иногда они даже танцевали длинными рядами на открытой площадке у бассейна.

Через несколько дней после разговора Перифаса и Номиона в пещере на горе Гиметтус была предпринята одна из таких экспедиций. После недавней победы царило двоякое веселье, и шум вечеринки был слышен на большом расстоянии среди сельской тишины страны, граничащей с Илиссом. При первых звуках флейты и веселых голосов что-то зашевелилось в кустах на утесе прямо под фонтаном Каллироэ. Две загорелые руки раздвинули ветви, и появилось смуглое лицо, от которого, однако, мало что можно было разглядеть, поскольку капюшон из козьей шкуры был низко надвинут на лоб. Перифас — ибо это был он — увидел из своего укрытия, как женщины приближаются между двумя рядами мужчин.

“ Вот они! ” сказал он Номиону, который прятался за его спиной. “ Что ты скажешь о заговоре? Сначала жена, потом муж. Завтра утром, возможно, уже ночью, Лирк будет в нашей власти. Ты поможешь мне? ”

“ Нет, клянусь Зевсом, нет! ” - твердо ответил Номион. “ Напротив, я снова предупреждаю тебя. Подумай, Перифас! Не бросай последний якорь на ненадежной почве. Молодому человеку не подобает давать советы старшему — пусть Зевс откроет тебе глаза, пока еще есть время ”.

“ Убирайся к стервятникам, глупый мальчишка! ” сердито крикнул Перифас. - Ты владеешь мечом и копьем, как мужчина. Но где же твое мужество? ”

“ Клянусь богами, мне не хватает храбрости ”, - ответил Номион, соскользнув с обрыва и исчезнув среди холмов.

Тем временем отряд приблизился. Внезапно в последней шеренге послышалось движение и радостный крик: “ Заяц! Заяц! ” Не теряя ни минуты, юноши разделились на две группы, которые с длинными шестами в руках попытались загнать животное к каким-то силкам, расставленным в

конце долины. Те, что постарше, убедились, что пеласгов поблизости нет, а затем медленно последовали за ними, чтобы посмотреть на результат погони.

Если бы Лирк был здесь, этого бы не случилось; но он остался дома, чтобы выковать кое-какое оружие.

Х.

Содержание

Женщины, предоставленные самим себе из-за увлечения мужчин охотой, подошли к пруду и поставили свои кувшины с водой. Бесплодная, унылая местность, где обычно не было видно ничего, кроме нескольких коз и пастухов, теперь кишела молодыми кихрианскими женщинами в белых и пестрых одеждах. Большинство из них стояли, разговаривая, у пруда — некоторые, усталые и запыхавшиеся, растянулись на мшистом берегу реки; другие вытирали пыль со своих конечностей сухими листьями; многие собирали цветы в тени, другие заходили в ручей, чтобы освежить ноги в неглубокой, но чистой и манящей воде.

Перифас из своего укрытия видел их всех, но среди всего отряда его взгляд выискивал только одного.

Бисса сидела у бассейна в окружении нескольких молодых матрон своего возраста. Она сняла сандалии и, пока он наблюдал за ней, положила ногу на колено, чтобы осмотреть царапину, полученную по дороге от камней. Молодая женщина, чья внешность указывала на то, что она вот-вот станет матерью, подошла с охапкой цветов в руках и, улыбаясь, бросила их все на колени Биссе, что-то шепча ей на ухо, как будто это должно было храниться в секрете от самих камней. Бисса покраснела и схватила одну из сандалий, лежавших рядом с ней, чтобы сделать вид, что наказывает свою подругу; но, когда она подняла руку, сандалия выскользнула у нее из рук и отлетела далеко в воду.

Раздался общий взрыв криков и смеха.

Бисса вскочила, стряхнув на землю все цветы со своих колен, поспешно подобрала складки одежды и бросилась вброд к ручью. Но течение уже унесло сандалию на несколько большую глубину, так что, чтобы не промокнуть, ей пришлось задрать одежду выше колен. Вскоре она поняла, что задача не так уж легка. Каждый раз, когда она протягивала руку, она была сбита с толку. Маленькие водовороты в ручье резво играли со своим призом; каждое мгновение они уносили сандалию под свою легкую пену, и когда она снова появлялась, то оказывалась совсем не там, где ожидал ее владелец.

Дул холодный ветер, и Бисса, как и многие ее спутницы, была одета в корсаж из козьей шкуры. Разгоряченная долгой прогулкой, она позволила ему свободно болтаться на себе, и каждый раз, когда хорошенькая кихрианка наклонялась, чтобы взять сандалию, взгляд Перифаса мог позволить себе опасную вольность.

Из всех материалов, которые можно использовать для изготовления одежды, ничто лучше меха не демонстрирует гладкость и стройность женских форм. При виде прекрасных плеч и еще более изысканной груди, возвышающейся над грубой черновато-коричневой кожей, глаза Перифаса расширились, а когда движения Биссы, прежде чем ей удалось схватить сандалию,

все больше обнажали ее обнаженные прелести, страстное сердце полудикой пеласгийки воспламенилось.

Он бросил быстрый взгляд в сторону того места, где исчезли люди, и, поскольку ничего не видел и не слышал, зажал губами большой зеленый лист, чтобы скрыть нижнюю часть лица, натянул капюшон на глаза, внезапно выскочил из кустов и прыгнул с берега в ручей.

Женщины, визжа от ужаса, мгновенно вскочили на ноги.

Но Перифас не обратил на это внимания. Схватив Биссу, парализованную от неожиданности, на руки, он понес ее, несмотря на ее сопротивление, к берегу. Как и все хорошо развитые женщины, она была нелегкой ношей, и, несмотря на силу пеласга, он чувствовал, что ему будет невозможно донести ее до крутого берега, и поэтому опустил на землю, хотя и не отпускал ее руку. Но как только Бисса почувствовала твердую землю под ногами, к ней вернулись чувства.

“ Помогите! Помогите! - закричала она. “ Должны ли мы бояться этого человека? Неужели мы недостаточно сильны, чтобы схватить его?

И, подкрепив слова действием, она смело ухватила за пояс пеласга левой рукой, которая была свободна.

“ Быстрее! быстрее! - добавила она. — Только поддержи его минутку - мужчины сейчас вернутся.

Смелость Биссы возымела свое действие. Женщины спешили к ней со всех сторон, но те, что были ближе, дали себе значительно больше времени, чем те, что были дальше.

Перифас понял, что его положение очень критическое. Не выпуская руки Биссы, он обнажил меч.

- Берегись! - яростно крикнул он. - я зарублю на месте первого, кто приблизится.

И, поскольку Бисса все еще не ослабила хватку с его пояса, он пробормотал сквозь зубы.

“ Следуй за мной, или, клянусь Зевсом...” Он не закончил фразу, но его злобный взгляд не оставлял сомнений в значении сказанного.

Бисса задрожала, потому что подумала о прорицательнице, о смерти которой слышала.

- Ты сильнее! - сказала она и без сопротивления позволила повести себя вверх по берегу.

Наверху Перифас обернулся и крикнул:

- Женщины, первую, кто покажется здесь, я отдам своим рабам.

Но пеласгийке больше нечего было бояться. Вид обнаженного меча лишил женщин мужества.

Теперь он нес Биссу по небольшим холмам, где под присмотром раба ждала низкая двухколесная повозка, запряженная двумя лошадьми. “ Залезай! ” повелительно сказал Перифас, затем, чтобы сделать ее более уступчивой, добавил: “ С тобой ничего не случится! Я всего лишь хочу, чтобы ты служил мне заложником.

“ Я повинуюсь, - ответила Бисса, - но при условии, что ты больше не прикоснешься ко мне”.

Она заняла свое место в передней части колесницы, положив обе руки на крышку. Перифас схватил поводья, знаком отпустил раба, крепко уперся ногами в внутреннюю подножку и, встав позади жены своего врага, натянул поводья своим коням, взмахнул кнутом - и они помчались, стуча по деревьям и камням.

XI.

Содержание

Тем временем мужчины отошли на значительное расстояние от фонтана. Юношам удалось загнать зайца в силос, владелец которого считал, что имеет на него исключительное право, в то время как те, кто загнал его в ловушку, требовали свою долю добычи. Когда подошли люди постарше, их мнения разошлись, и во время спора они не обратили внимания на крики женщин, тем более что они часто визжали, занимаясь спортом, когда брызгали друг на друга водой.

Внезапно к ним подбежала очень юная девушка, едва вышедшая из детского возраста, все еще находясь на большом расстоянии, она подзывала их взволнованными жестами. Мужчины заподозрили, что произошло что-то необычное, и поспешили навстречу гонцу, не забыв, впрочем, и о зайце. Горько плача, она рассказала им, что произошло.

Ее слушатели были полны тревоги.

“ Бисса унесена! ” воскликнул старейший. “ Горе нам! Горе нам! Проклятие на зайца, это причина всего несчастья ”.

Прогулка домой от фонтана сильно отличалась от обычной.

В те дни нехорошо было приносить дурные вести. Вспышки ярости Лирка были хорошо известны; было также известно, как страстно он любил Биссу, и ни у кого не хватало смелости рассказать ему о случившемся. И все же было необходимо, чтобы он это услышал.

Отряд почти достиг Кихрийского утеса, а план все еще не был составлен. Но неожиданное событие положило конец их нерешительности.

Лиркус вышел встречать возвращающуюся группу.

Он только что закончил ковку, и после стояния на жаре и в дыму дышать прохладным морским бризом было вдвойне приятно. Он никогда не чувствовал себя более радостным и беззаботным.

“ Какая ты тихая! ” крикнул он, подходя ближе. “ Женщины что, потеряли дар речи? Клянусь Паном, это было бы величайшим из чудес. ”

Но когда он подошел ближе и увидел их встревоженные лица, он сам посерьезнел и с быстротой молнии отыскал взглядом Биссу.

Мужчины один за другим прокрались за спины женщин.

- Где Бисса? - спросил Лирк.

Никто не ответил.

Теперь он задал тот же вопрос совсем юной девушке, которая оказалась той самой, что выбежала из фонтана навстречу мужчинам и принесла зловещее послание.

Пораженная неожиданным вопросом, она побледнела и тщетно пыталась ответить; казалось, у нее перехватило горло.

Лирк крепко схватил ее за руку.

“ Говори, несчастная, говори! - приказал он. - Что ты хочешь сказать?

Девушка попыталась собраться с мыслями и сбивчивыми словами рассказала, что из чащи выскочил пеласг и унес Биссу.

Затем, упав к ногам Лирка, она схватилась руками за нож, который он носил на поясе, и закричала:

“ Не убивай меня. Я ничего не сделал....”

- Где были эти люди? - сурово спросил Лирк.

Она молчала.

“ Где были эти люди? - Где они? - повторил Лирк тоном, требующим ответа.

Девушка умоляюще обхватила его колени.

- Они отправились на охоту, - почти неслышно прошептала она.

Прошло несколько минут, прежде чем Лирк открыл рот. Люди желали, чтобы земля поглотила их, но мысли их вождя были уже далеки от их небрежности.

“ Кто был пеласгом? он спросил со спокойствием, которое для тех, кто его знал, предвещало опасность.

Никто не ответил.

Наконец молодая жена, бросившая цветы на колени Биссе, выступила вперед, отвела коленопреклоненную девушку в сторону и, не поднимая глаз на Лирка, сказала, слегка покраснев:

“ Никто не знал насильника. Он держал во рту зеленый лист, скрывавший его лицо. Но Бисса была *вынуждена* подчиниться ему, иначе ее убили бы на наших глазах. Он обнажил меч.... Сразу после того, как мы слышали, как отъехала колесница.

- Значит, вождь! - сказал Лирк и, не сказав больше ни слова, вернулся тем же путем, каким пришел.

Лирк был слишком хорошим охотником, чтобы сомневаться в том, что ему следует делать. Вернувшись прямо домой, он отстегнул Бремона, завел его в дом и дал понюхать одежду Биссы, повторяя:

“ Где она? Где Бисса?

Пес тихо заскулил, опустил морду к земле и несколько раз принялся вилять хвостом, словно показывая, что он знает, чего от него хотят. Лирк пристегнул меч к поясу, схватил копье и щит, перекинул плащ через руку и вывел Бремона наружу.

Пес буквально дрожал от нетерпения и, ни разу не сбившись со следа, направил Лирка, который держал его на цепи, прямо к источнику Каллироэ.

Здесь он прошел небольшое расстояние вдоль берега реки, но вдруг, словно растерявшись, начал бегать взад и вперед во всех направлениях.

Лирк отпустил животное, но, поскольку оно постоянно подбегало к берегу и нюхало воду, вождь понял, что Бисса, должно быть, перешла вброд ручей. Поэтому он повел Бремона вдоль берега, надеясь найти то место, где она вышла на сушу.

Внезапно собака остановилась, принялась и снова начала вилять хвостом. Это было то самое место, где Перифас опустил Биссу после того, как отнес ее на берег. Бремон повел Лирка прочь от края среди невысоких холмов, но здесь он снова начал нерешительно бегать взад и вперед — несомненно, там, где Бисса села в колесницу.

Тем временем наступила ночь.

Сначала Лирк подумал о том, чтобы раздобыть факел, но вскоре понял, что при свете факела невозможно идти по следу колесницы. Ничего не оставалось делать, кроме как ждать утра.

Это было время ужасных пыток.

Бисса во власти незнакомца! При этой мысли его охватил неистовый гнев, который почти душил его. Но куда ему обратиться? Кем был похититель—Перифас? Нет, у него не хватило бы смелости на такой поступок сразу после поражения. Кроме того, похититель, по-видимому, пошел в направлении, противоположном дороге, ведущей к дому Перифаса.

Лирк не знал, что пеласг спрятался в пещере на горе Гимет.

XII.

Содержание

В то время как Лирк позволял Бремону руководить собой, Перифас продолжал свою бурную карьеру. У подножия далекой высоты Гиметт он передал колесницу рабу и поднялся на гору вместе с Биссой, которая всю дорогу хранила полное молчание.

У входа в пещеру Перифас украдкой взглянул на нее. Лицо молодой жены было мрачным и угрожающим; не только выражение ее черт, но и осанка и движения показывали, что она полна жгучего гнева. В этот момент она напоминала разъяренного лебедя, мечущегося с наполовину расправленными крыльями, каждое перышко взъерошено от ярости. Перифас понял, что должен попытаться успокоить ее.

Он привел ее в комнату в пещере, где горела глиняная лампа, а на большом плоском камне стояли блюда с ячменным хлебом, фруктами, медом и молоком.

“Не печалься, прекрасная Бисса”, - сказал он. “Человек должен обезопасить себя от такого врага, как Лирк...”

“ Похищая женщин? Бисса презрительно перебила. “ Это обычай пеласгов? Лирк не приводил домой ни служанок, ни матрон.

“ Возможно, и так, ” спокойно ответил Перифас. “ Но пеласги пошли войной на кихрейцев и потерпели поражение. Как одному из вождей, взявших в руки оружие, мне есть чего опасаться. Поэтому я искал заложницу, а где я мог найти лучшую, чем женщина, которая больше всего дорога Лирку?

“ У тебя гладкий язык, Перифас! Но я тебе не доверяю.

“ Чего ты боишься, Бисса? Заложники священны; ты в такой же безопасности, как если бы находилась под отцовской крышей.

“ А Лирк! У него не возникнет подозрений? Он подумает, что я жила под отцовской крышей?

“ Ты скажешь ему об этом, и он тебе поверит. Пещера внутри твоя; никто не посмеет тебя тронуть. Вы будете вынуждены пробыть здесь всего несколько дней, пока все не уладится между пеласгами и кихрейцами.

Бисса угрюмо смотрела в пустоту.

“ Берегись, Перифас! - сказала она. - Это наверняка принесет несчастье.

- Тебе или мне? - спросил Перифас.

“ Этого я не знаю, ” ответила Бисса. - Но кое-что я знаю. Это приведет к кровопролитию”.

Перифас пожал плечами.

“ Смотри, - сказал он, указывая на ложе из медвежьей шкуры, - ты можешь отдохнуть здесь в безопасности; ты, должно быть, устал. Пусть боги даруют тебе приятные сны — утром все будет казаться ярче”.

С этими словами он оставил ее, направился к внешней части пещеры, прошел через вход и, отойдя на несколько шагов, хлопнул в ладоши.

Среди огромных куч гниющего мусора над пещерой послышался шорох. Темная фигура, одетая в шкуры, с огромным посохом в руке выделялась на фоне серого вечернего неба. Это был пастух, который снабжал пещеру провизией.

“ Ты выполнил то, что я приказал? ” спросил Перифас. - Ты поставил часовых с обеих сторон и привел людей?

- Когда ты протрубишь в рог, Перифас, двадцать пеласгов поспешат тебе на помощь.

- Они знают Лирка, кихрейца?

- Не все, но некоторые знают.

“ Очень хорошо. Когда он придет, люди должны прятаться, пока он не окажется на полпути между ними. Затем пусть его окружают. Я сделаю богатым того, кто доставит мне Лирка живым или мертвым. Так и скажи воинам.

Затем Перифас вошел в пещеру и лег на ложе из шкур, брошенных за валуном, выступающим у входа. Был тихий, освещенный звездами вечер, но, несмотря на покой и тишину снаружи, им овладело странное беспокойство. Иногда он испытывал предчувствие надвигающегося несчастья, иногда ликовал при мысли о том, что Бисса находится в его власти. Благодаря зеленому листу, который он держал во рту, когда уносил ее, никто из кихрейцев не узнал его. Но до тех пор, пока Лирк не будет знать, куда обратиться, он не станет призывать воинов. Он продолжит свои поиски в одиночку и попадет в засаду. При этой мысли Перифас потер руки и погрузился в обдумывание того, как ему лучше всего унижить своего пленника.

Была уже глубокая ночь, когда пеласгийский вождь заснул. Станный сон посетил его. Ему показалось, что он был с Биссой, когда он почувствовал руку на своем плече. Прорицатель, которого он убил, стоял перед ним, бледный и застывший, с темным пятном крови на его белой одежде. Перифас протянул руку, чтобы удержать его, коснулся собственного тела, с ужасом ощутил ледяной, трупный холод, открыл глаза и окончательно проснулся.

Поднимаясь, он случайно положил руку на валун у входа. Было сыро от ночной росы, и он снова почувствовал озноб.

- Это был всего лишь камень, - пробормотал он с невыразимым облегчением.

Ясный рассвет окутал землю мягким серым сиянием. Горы были окутаны облаками и паром, и ласточки щебетали. Перифас вдохнул свежий утренний воздух и почувствовал себя окрепшим и вдохновленным. Его первой мыслью было, что в пещере, всего в нескольких шагах от него, находится самая прекрасная женщина в кихрейском городе, женщина, за которой он когда-то ухаживал и которая была отдана другому.

Несомненно, она, как и он сам, наконец-то заснула от усталости. Он должен пойти к ней, увидеть ее.

С легкой дрожью, вызванной скорее волнением, чем утренним холодом, он обвязал чресла козьей шкурой, застегнул пояс на талии, воткнул в него нож и босиком бесшумно прокрался в пещеру.

XIII.

Содержание

С каждым шагом Перифаса темнота сгущалась, и свет лампы во внутренней комнате был лишь слабой заменой зарождающемуся дню. И все же он мгновенно различил светлую фигуру, распростертую на черной коже.

Бисса спала, лежа на боку, наполовину отвернув лицо. Вместо того чтобы лежать на кушетке полностью раздетой, небрежно набросив на себя одежду, она, вероятно, из страха перед

каким-нибудь ночным посетителем, сохранила свою белую юбку и прикрыла грудь корсажем из козьей шкуры.

Затаив дыхание, Перифас с бьющимся сердцем прокрался к кушетке.

Голова Биссы покоилась на округлой руке, и ее длинные черные волосы ниспадали двумя потоками: один за плечи, другой на шею, где они терялись в пышных очертаниях бюста, только верхняя часть которого виднелась над лохматым краем лифа. Озабоченное выражение ее лица сменилось сладостным покоем, который прекрасно гармонировал с непринужденной грацией ее лежащей позы. Ее щеки все еще были несколько бледнее обычного, но полураскрытые губы отливали румянцем свежести юности. Во сне она подобрала под себя конечности особенно женственным образом, и из моря белых складок, образованных ее одеждой, показалась обнаженная ступня, гладкая и пухленькая, как у ребенка.

Перифас мягко склонился над спящей и прислушался к ее спокойному, ровному дыханию. Он чувствовал себя вором, который боится быть пойманным, и с ужасом думал, что она может открыть глаза. Но когда его взгляд упал на белую ступню, выглядывавшую из-под одежды, он мысленно сравнил Биссу с пеласгийскими женщинами, которые, согласно древнему обычаю, взбирались в горы, чтобы принести пастухам еду, и своей коричневой кожей и мускулистыми фигурами очень напоминали выючных животных. Он не мог отвести взгляда от босой ступни. Она показалась ему совершенным чудом, и, даже рискуя разбудить Биссу, он не смог удержаться, чтобы не прикоснуться к ней. Медленно и осторожно протянув свою огромную руку, он взял ее так нежно, словно это была маленькая птичка.

Бисса вздрогнула и выпрямилась на диване. Наполовину одурманенная сном, она обеими руками откинула с глаз длинные волосы, но едва узнала пеласга, как с громким криком оттолкнула его.

- Негодай! - воскликнула она, вскакивая, почти обезумев от ужаса, и бросилась бежать.

У входа в пещеру она почувствовала, что ее схватили, и остановилась. Она обернулась.

Перифас представлял собой ужасное зрелище; его смуглые щеки сильно покраснели, а глаза сверкали, как у дикой кошки.

“Женщина!” задышавшись, выдохнул он дрожащим от страсти голосом. “Ты в моей власти... ты должен повиноваться мне”.

Но Бисса перегнулась через его руку, чтобы отодвинуться от него как можно дальше. В этот момент она вспомнила прощальное наставление своего отца: “Не бросай Зевса Гипсистоса, чтобы Зевс Гипсистос не бросил тебя”.

Она громко воззвала к имени бога.

Перифас рассмеялся.

“Зевс далеко”, - сказал он.

Бисса дико озиралась по сторонам, ожидая увидеть Лирка с копьем и щитом. Но ни вдаль, ни вблизи не было видно ни одного живого существа — ничего, кроме облаков и гор.

Перифас снова рассмеялся.

“ Никто не придет, ” пробормотал он. - Если хочешь спастись, помоги себе сам.

Эти слова пронзили мозг Биссы подобно вспышке молнии.

Да!это был “голос судьбы”, знак, посланный богами, ответ на ее призыв, вложенный в уста Перифаса, сам того не подозревая, самим Зевсом.

Волнующий трепет пробежал по ее телу, и со всей силой, которая воодушевляет человека, верящего, что действует от имени бога, она выхватила нож из-за пояса пеласга и со скоростью света вонзила его по рукоять в его обнаженную грудь.

Перифас, пошатываясь, отступил на шаг. Он не чувствовал особой боли, потерял очень мало крови, но все же почувствовал, что происходит перемена, которая не может означать ничего, кроме смерти.

Страшно побледнев, он пошатнулся и закрыл глаза обеими руками, словно желая избежать зрелища, полного благоговения и ужаса.

“ Прорицатель! - воскликнул он. “ Я вижу его... посреди тьмы.... Он протягивает руки, чтобы обнять меня”.

Затем слабеющим голосом он пробормотал:

“ Таково было предсказание... это подло... смерть от руки женщины.

С этими словами, не пытаясь спастись, он распростерся на земле за валуном у входа в пещеру, вокруг него поднялись клубы пыли.

Бисса, такая храбрая несколько мгновений назад, дрожала с головы до ног. Колени больше не держали ее, и она опустилась на камень по другую сторону входа.

Ее глаза, словно по какому-то волшебству, были прикованы к фигуре за валуном. Она видела, как плечи пеласга сотрясали последние конвульсии; она видела, как его руки судорожно сжались; она видела, как восковой оттенок трупa разлился по его телу — и не могла отвести взгляда.

XIV.

Содержание

Как долго Бисса сидела так, она не знала.

Она не испытывала ни надежды, ни страха; она не имела четкого представления о том, что произошло.

Перед входом в пещеру промелькнула тень; раздался радостный вой, и Бисса почувствовала, как ее прижало к скале.

Это был Бремон, который в восторге от того, что нашел ее след у подножия горы, выхватил свою цепь из рук Лирка и теперь прыгнул на нее, осыпая ласками.

Привязанность собаки ободрила сердце Биссы; она очнулась от оцепенения и покрыла преданное животное слезами и поцелуями.

Снова чья-то тень скользнула мимо входа в пещеру.

Лирк, вооруженный копьем и щитом, стоял перед ней, дико вглядываясь в пещеру, как будто его взгляд кого-то искал. Затем он испытующе заглянул ей в глаза, словно хотел прочесть самые сокровенные мысли в ее душе.

Бисса поднялась - ее колени больше не дрожали. Словно отвечая на сомнение во взгляде мужа, она указала на пеласга, распростертого в пыли, и сказала:

- Я убил его.

Дрожь пробежала по телу Лирка, и он уставился, словно не веря своим глазам, на безжизненное тело, лежащее в темноте.

-Бисса! - воскликнул он, протягивая руки, чтобы обнять жену.

Но она отпрянула, вскрикнув:

- Нет, нет, не прикасайся ко мне. - Затем она тихо добавила: - Мне пойти в Меконе, чтобы очиститься от крови?

Мгновение Лирк ничего не отвечал, потом ответил:

“ Нет. Иди к своему отцу. Это было праведное убийство.

Когда вскоре после этого они покинули пещеру, Лирк задержался и, незаметно для своей жены, вытащил смертоносное оружие из раны и засунул его себе за пояс.

Едва Бремон последовал за парой на улицу, как от радости запрыгал и затанцевал вокруг них, лая изо всех сил.

Мгновенно вся гора, казалось, ожила. Камни над пещерой снова задребезжали, и, подгоняемый каким-то мрачным предчувствием, верный пастух Перифаса поспешно спустился вниз. В то же время из ближайшей пропасти с каждой стороны появилось по полдюжины вооруженных людей, они зевали, протирали глаза и поправляли свои кожаные плащи, словно внезапно пробудившись ото сна.

Пастух вошел в пещеру, но тут же вышел снова, выглядя очень бледным и встревоженным, поскольку, указывая на две удаляющиеся фигуры, гневно крикнул:

“ Схватите их! Они убили его... его собственным ножом.

Сонные пеласги открыли глаза, и некоторые узнали кихрейского вождя.

“Это Лирк!” - крикнули они противнику.

“Давайте окружим его”, - последовал ответ.

Мужчины приблизились с двух сторон и быстро образовали круг вокруг удаляющейся пары. С каждым их шагом кольцо становилось все меньше. Бремон заметил опасность, оскалил зубы, зарычал и больше не отходил от своего хозяина.

- Держись поближе ко мне, жена, - сказал Лирк.

И, чтобы получить большую свободу движений, он снял с себя верхнюю одежду и бросил ее ей. Затем, слегка пригнувшись за своим щитом, он подождал, пока трудности марша по неровной поверхности горы не пробьют брешь в кольце пеласгов.

- Следуй за мной! - крикнул он Биссе и пустился бегом, но, чтобы дать ей время, не разогнался на полную скорость, и, прежде чем он успел опомниться, его окружили.

С мужеством, приданным превосходящей силой, Лирк теперь пытался пробиться сквозь толпу. Он повалил на землю двух пеласгов, а Бремон яростно атаковал двух других и сделал их непригодными к бою. Но бедный пес вскоре был убит, и Лирку потребовалось все его умение владеть оружием, чтобы защитить себя.

Как раз в этот момент совсем рядом раздался громкий крик.

“ Держитесь! Во имя богов, держитесь!

Юноша в полном доспехе внезапно пробился к Лирку и закрыл его своим телом.

“Пеласги! ” воскликнул он. “ Такой храбрый воин не должен так умирать... один против многих”.

Нападавшие Лирка побросали оружие и удивленно огляделись. Люди молодого вождя уже обошли их с флангов.

Несколько человек повысили голоса:

- Этот кихрианин убил Перифаса.

“Я знаю это, - ответил юноша. - Я слышал, как пастух звал тебя. Но Перифас пал из-за своих собственных поступков. Он украл жену этого человека”.

Лирк воткнул свое копье в землю и пустил в ход меч, когда нападавшие наседали на него. Теперь он вытащил его и приблизился к молодому предводителю.

“Кто ты, юноша?” - спросил он с удивлением, ибо по оружию и одежде вновь прибывших понял, что они пеласги.

“Меня зовут Номион”, - ответил юноша. - “Я сын Хиллуса по прозвищу "старый". Десять дней назад он передал мне командование нашим племенем. Через несколько часов после того, как я собрал других вождей на совет. Мое самое горячее желание - установить мир и дружбу между пеласгами и кихрейцами”.

Лирк покачал головой.

“ Это будет нелегкая задача. Между нами кровь.

“Я могу сгладить убийство Перифаса, ” сказал Номион, - но убийство Тидея - дело более сложное. Как он погиб?”

- Однажды, когда я был на рыбалке, он погиб в массовой драке.

Номион удовлетворенно кивнул.

“Я думал, что тебя нет”, - сказал он.

Затем, повернувшись к своим людям, он громко крикнул:

“ Этот кихрианин и его жена свободны. Они могут идти, куда пожелают.

XV.

Содержание

День был уже далеко за полдень, когда Лирк и его жена добрались до Кранаая. Отягощенная грехом убийства, Бисса не могла посещать места общего собрания, и лишь с трудом и окольными путями она приблизилась к дому своего отца, священника Аристона.

Внешняя комната была пуста — вошла Бисса и молча села у очага. Лирк воткнул окровавленный нож, который принес из пещеры, в землю у ее ног.

Затем он повернулся, чтобы уйти, но прежде чем сделать это, устремил на Биссу наполовину встревоженный, наполовину жалостливый взгляд. Он бы с радостью протянул ей руку, произнес слова ободрения. Но не осмелился. Беглый убийца до тех пор, пока не был совершен обряд очищения, был подобен человеку, пораженному чумой.

Лирк молча удалился. Бисса закрыла лицо руками, слезы потекли сквозь ее пальцы.

Тихо сидя там, она слышала, как домашние дела идут своим чередом. Ее отец точил свой жертвенный нож, ее мать возилась с ручной мельницей, а рабыня колола дрова снаружи. Затем ее мать начала напевать гимн:

Зевс Омбрий, мы молим тебя,
ниспошли Нежный, плодотворный дождь,
Благослови, освежи нашу родную страну,
Прикажи положить конец мучительной засухе.

Как хорошо Бисса знала эти ноты! Всей душой она тосковала по родителям — и теперь она должна причинить им такое большое горе.

Она с ужасом ждала момента, когда войдет отец и увидит ее сидящей у очага, запятнанную преступлением и нечистой. С какой радостью она предупредила бы его, чтобы удивление и стыд не убили старика! Но одно-единственное слово, слетевшее с ее губ, могло принести несчастье.

Поэтому она продолжала сидеть молча, закрыв лицо обеими руками. Затем она услышала шорох, и странный сухой кашель подсказал ей, что вошел ее отец.

Конвульсивная дрожь пробежала по ее телу. Она не осмеливалась поднять глаза.

Аристон пришел, чтобы поставить сосуд, используемый для хранения подношений, на свое место в нише в стене. Он был одет в серую одежду, которую носил, когда был занят в доме. Когда он поднес блюдо к свету, чтобы проверить, ярко ли оно, его взгляд остановился на Биссе.

При виде своей дочери, смиренно сидящей у очага, он уставился на нее так, словно она была каким-то ужасным видением во сне или призраком, восставшим из Ада. Он не мог поверить в то, что увидел, — и тут заметил нож, воткнутый в землю у ее ног.

Его лицо побелело почти так же, как его белоснежная борода, сосуд выпал у него из рук, и он на мгновение застыл, словно обратившись в камень. Затем он прижал обе руки к груди.

“Ужасно! - пробормотал он, запинаясь. “ Бисса... моя нежная Бисса... пролила кровь!

В дверях появилась мать Биссы, Стрибеле. Издав громкий крик, она бросилась с протянутыми руками к своей дочери.

Аристон поспешно встал между ними.

- Пойдем! - сказал он и решительно вывел жену из комнаты.

“Аристон, ” прошептала бедная мать, “ не произноси никаких проклятий, никаких злых слов. Помни, она твоя дочь”.

Когда Аристон вернулся, он был облачен в свои священнические одежды. Длинное белое одеяние ниспадало к его ногам, а на лбу у него был венок.

Он подошел к Биссе. В глубокой тишине дома было слышно, как мать рыдает и молится.

Аристон, повысив голос, сказал с большой торжественностью:

“Зевс был, Зевс есть и Зевс будет; о, верховный бог Зевс! Во имя твое, Катарсий, очищающий от всякой вины, во имя твое, Мейлихий, всемилостивый, Я говорю тебе... эта женщина....”

На последнем слове его голос дрогнул.

“Таков твой приказ, о Зевс. Очищение будет дано тому, кто смиренно придет просить об очищении. Никто не должен спрашивать его имени, никто не должен спрашивать имя того, кто убит; ибо подобает хранить молчание в присутствии нечистого. Но никто, ни мужчина, ни женщина, не откажется дать ему благословение очищения”.

Затем Аристон принес животное для жертвоприношения, крошечного поросенка-сосуна. Кровь текла из раны на шее.

При виде красной струи он устремил обвиняющий взгляд на голову дочери, а затем поднял глаза к Небу, словно ища убежища от невыразимой муки.

- Женщина, - прошептал он, - приготовься!

Бисса протянула руки.

Аристон держал животное перед ней и поливал ей руки кровью, тихо повторяя:

“Кровь искупает кровь”.

Затем он принес чашу с освященной водой, в которую мать Биссы, чтобы усилить ее действие, поместила головню с алтаря перед домом.

Призвав Зевса как бога очищения и защитника молящихся, он омыл руки Биссы. Когда это было сделано, он сжег лепешки и другие подношения, сначала вылив на них в качестве возлияния воду, смешанную с медом, и одновременно помолившись, чтобы Зевс обуздал гнев богини мщения и проявил себя милосердным.

Затем, взяв Биссу за руку, он отвел ее от очага.

“Дочь моя, - сказал он, - кровь искуплена, а нечистота смыта освященной водой. Ты больше не изгой, ненавистный богам. Ты можешь снова войти в места собраний и храмы, посвященные божествам; ты можешь еще раз смешаться со своими товарищами, среди связанных и свободных. Но это еще не все. Теперь, когда ты получил прощение богов, ты должен отвечать перед людьми...”

Встревоженный Стрибел вошел, приблизился к Аристону и схватил его за руку.

- Что с ней сделают? - спросила она.

“Правосудие”.

- Она будет наказана? - спросил я.

- Да, если она согрешила.

С этими словами Аристон повел свою дочь во внутреннюю комнату. Холодный пот выступил у него на лбу, а мышцы вокруг губ задрожали. Тот, кто очистил Биссу от крови, еще не знал, чью кровь она пролила.

- Говори! - приказал он. - и ничего от нас не скрывай.

Стрибеле молча пожала руку дочери.

Бисса подняла свои спокойные черные глаза на лицо отца и ответила:

- Мне нечего скрывать.

Затем она рассказала об экспедиции к фонтану, похищении и пребывании в пещере на горе Химеттус. Но когда она заговорила о своей мольбе к Зевсу и о священном трепете, с которым она, быстрая, как молния, повиновалась божьему знаку, глаза Аристона сверкнули, и, низко склонившись со скрещенными на груди руками, он сказал:

“Зевс никого не бросает. Но хвала тебе, дочь моя, за то, что ты услышала голос бога. Спасая себя, ты убила врага кихрианцев. Нация, к которой принадлежит твой муж, обязана тебе благодарностью и почестями.

Стрибеле прижала Биссу к груди, и мать с дочерью, заключив друг друга в объятия, долго плакали вместе.

XVI.

Содержание

В полдень Лирк вернулся в Кранаай за своей женой. Он нашел ее примилившейся с богами и людьми, веселой и счастливой, окруженной благоговейным восхищением своих родителей. Аристон гордился тем, что его дочь получила знак от Зевса, а Стрибела нежно пригладила ее темные волосы, как будто она все еще была ребенком.

Встреча Лирка и Биссы была такой трогательной, как будто между ними была долгая разлука.

Вернувшись в Кихрейский город, они обнаружили, что место собрания заполнено встревоженной толпой. Несколько мальчиков, возвращаясь с ловли птиц в силки, увидели вдалеке отряд пеласгов, направлявшихся к утесу.

Лирк отнес Биссу в дом, а затем, поспешив к краю утеса, окинул взглядом равнину.

Ему не пришлось долго ждать, прежде чем из-за невысоких холмов появились темные группы. Людей вождя было больше, чем одного.

Лирк уже собирался призвать свой народ к оружию, когда его взгляд упал на нескольких пеласгов, шедших впереди остальных, и среди них Номииона. Молодой вождь держал в левой руке оливковую ветвь и, вместо того чтобы положить копье на плечо, держал его под мышкой острием к земле.

При этом знаке мира Лирк почувствовал огромное облегчение, и это чувство еще больше усилилось, когда Номиион и его спутники оставили своих людей на расстоянии выстрела из лука от утеса.

Вскоре после этого молодой пеласг в сопровождении трех или четырех других вождей предстал перед Лирком. Выслушав их поручение, он пять раз протрубил в рог, давая сигнал к собранию старейших и наиболее уважаемых мужчин племени.

После того, как все собрались и образовали большой полукруг на месте сбора, Лирк выступил вперед вместе с Номиионом.

-Кихрианцы! - крикнул он. - слушайте молча, что скажет этот незнакомец.

Затем он попросил Номииона ступить на каменную глыбу, где его могли видеть и слышать все.

Молодой пеласгийский вождь отложил в сторону шлем, доспехи, копье и щит. Золотой обруч обрамлял его развевающиеся черные волосы, а белый плащ с широкой желтой каймой ниспадал изящными складками чуть ниже колен. Все взгляды с удовольствием остановились на красивом юноше.

—Кихрейцы! — сказал он ясным, громким голосом. - Мы, пеласги, пришли - если вы согласны - заключить мир и заключить союз с вами.

Эти слова были встречены одобрительным гулом, ибо, хотя кихрейцы недавно победили, ужасы войны были слишком свежи в их памяти, чтобы не предпочесть мир.

“Как вы знаете, ” продолжил Номиион, “ мы живем в дружбе с кранаями. Теперь мы желаем, чтобы между нами и вами также установилось хорошее взаимопонимание. Одного из наших вождей, который был вашим злейшим врагом, больше нет. Он был богатым и выдающимся человеком, и его похороны будут настолько пышными, что о них будут говорить повсюду. Для него будет воздвигнут огромный погребальный костер, и по углам носилок будут расставлены высокие урны, наполненные маслом и медом; овцы и быки, собаки и лошади будут заколоты и сожжены на погребальном костре. Но одного мы не сделаем - мы не собираемся мстить за его смерть. Он несет ответственность за свои поступки, и то, что он пал от руки женщины, - справедливое наказание. Поскольку он взял ее в заложницы, она должна была быть для него священной.

“Да, да, юноша говорит правду!” - пробормотали старейшины, и некоторые зааплодировали ему.

После того, как Номиион более определенно изложил свои пожелания и высказались некоторые Старейшины кихрийского народа, обе стороны согласились заключить мир и заключить союз на двадцать лет.

Лирк нетерпеливо махнул рукой и сказал:

- Тогда я смогу закрыть кузницу и сломать оружие.

Номиион улыбнулась.

“Ты же не это имеешь в виду, Лирк, - ответил он, - ибо какой человек настолько безумен, чтобы предпочесть войну миру? Разве война не похожа на бурю или землетрясение? Она переворачивает все с ног на голову. В мирное время сыновья хоронят своих отцов, но на войне отцы хоронят своих сыновей”.

Для укрепления договора Зевсу, солнцу и земле приносили в жертву ягненка - Зевсу и солнцу белую овцу, символизирующую блистательное мужское божество, а земле - черную овцу, как будто женскому божеству, которое действовало тайно. Во время жертвоприношений молитвы были обращены не только к трем богам, но и к рекам и божествам нижнего мира, которые мстят за лжесвидетельство.

Наконец, была приготовлена пенящаяся смесь из кихрейского и пеласгийского вина, и во время возлияния торжественно повторялось заклинание.

“О, Зевс! о, Солнце, о Земля!... Если кто-либо осмелится нарушить этот договор, пусть его мозги и мозги его детей будут вылиты на землю, как это вино”.

Таким образом они стремились обеспечить мир.

После того, как жертвоприношения были закончены, несколько голосов прокричали:

“Слава Лирку! Честь принадлежит ему — он обучил нас владению оружием”.

-Да здравствует Бисса! - крикнул другой.

“Честь Биссе, Биссе сильной и отважной. Она получила знак от Зевса”.

- Она убила человека, который навлек на нас войну.

“Да здравствует Бисса! Мы хотим увидеть Биссу”.

Лирк улыбнулся, но его брови нахмурились. Он чувствовал наполовину гордость, наполовину ревность.

Но крики стали такими громкими и настойчивыми, что он был вынужден уступить и поспешил в свой дом.

Когда он снова вышел, ведя Биссу за руку, все взгляды были прикованы к хорошенькой уроженке Кранааи.

На ней было просторное белоснежное одеяние, а на голове голубая сидонийская вуаль, которая венком обрамляла ее черные волосы.

Сотни голосов приветствовали ее криком:

“Здравствуй, Бисса! Мститель за себя и за свой народ”.

Бисса стояла неподвижно, бледная от волнения. Лирк сделал знак, что хочет что-то сказать, но народ закричал: “Нет, нет, пусть говорит твоя жена”.

Бисса покраснела и опустила глаза, но присутствия духа не потеряла.

Гробовая тишина царила повсюду, и, хотя Бисса говорила негромко, каждое слово, произнесенное ее чистым, звучным голосом, достигало самых дальних рядов солдат.

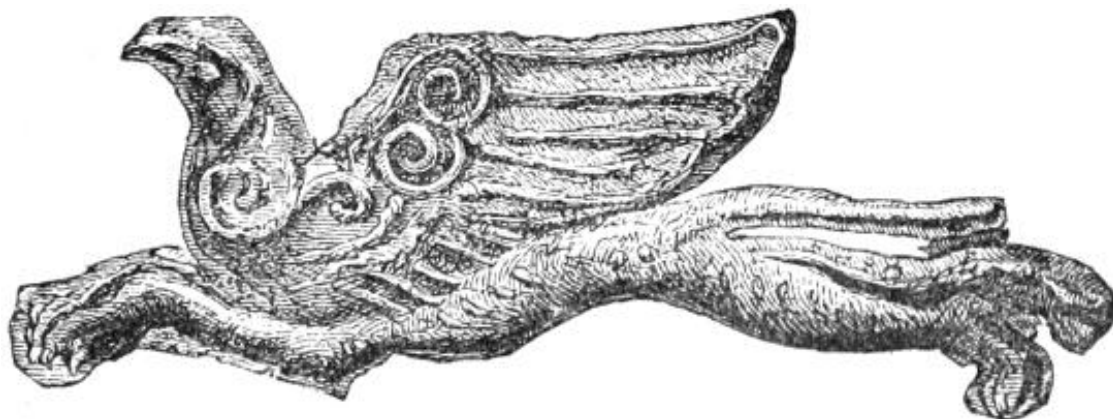
“Кихрианцы!” сказала она. - Мне кажется, женщины должны молчать среди мужчин, потому что только мужчина способен отвечать мужчинам. И все же, поскольку вы даете мне свободу говорить, знайте, что я всего лишь выполнил высший приказ. Так что возвысьте свои голоса вместе со мной и скажите: “Хвала верховному богу, Зевсу Гипсистосу”.

Затем раздался оглушительный крик сотен голосов. Даже утесы повторили:

“Зевс Гипсистос”.

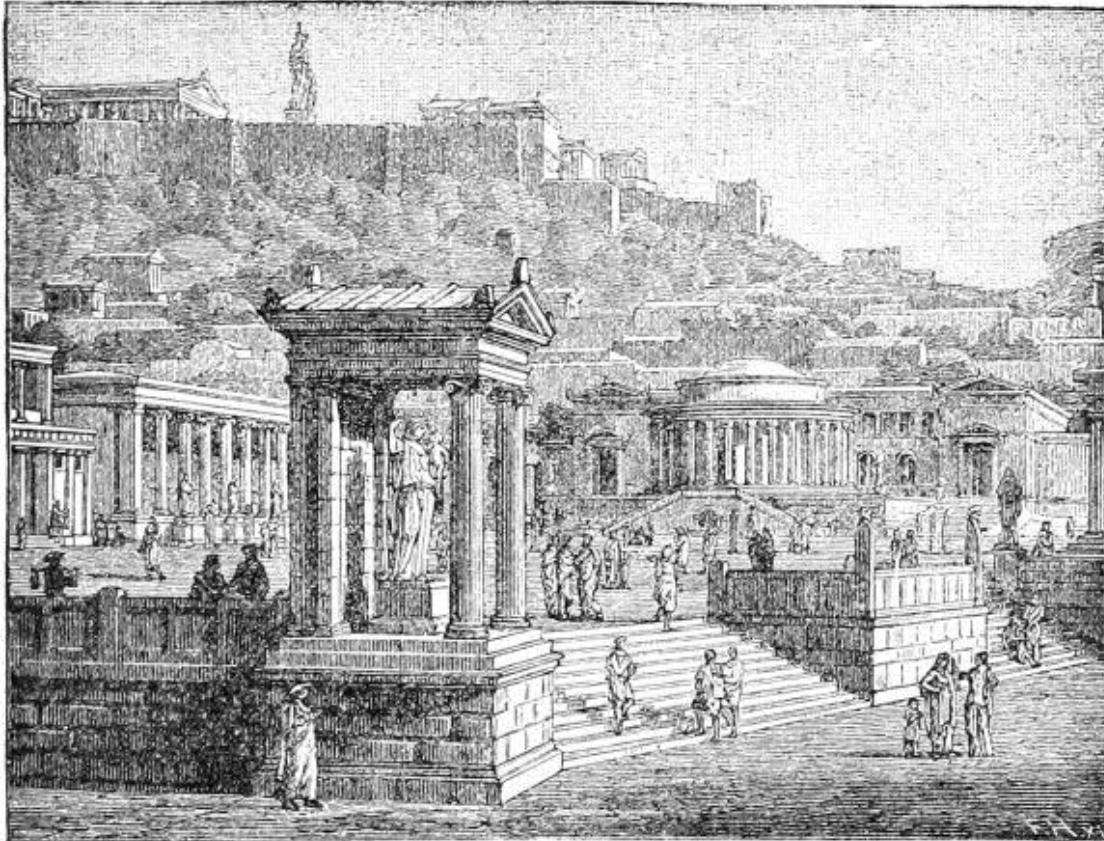
С того дня Лирк никогда не просил Биссу сопровождать других женщин в святилище Мелиты. И когда кто-то заговорил о чудесах, сотворенных богиней этого места, он улыбнулся, как человек, знающий лучше, и сказал:

“И все же Зевс - самый могущественный”.

ПОДХАЛИМ. ВТОРОЙ ГОД 89-Й ОЛИМПИАДЫ (423 год до н.э.)

Содержание

ПОДХАЛИМ.

Содержание

Я.

Содержание

Каллиппида ненавидели в Афинах все. Все знали, что он был одним из самых опасных осведомителей, который жил тем, что вымогал деньги у людей, угрожая им каким-нибудь разорительным импичментом.

Когда он входил в мастерскую, парикмахерскую или кафе, в любое из мест, где горожане собирались обсудить события дня или заключить выгодную сделку, они один за другим ускользали, пока он не оставался один. Если он покупал филе у одной из хорошеньких торговки духами на рыночной площади, она откладывала его медные монеты в сторону, чтобы они не

смешались с другими деньгами и не принесли несчастья в дневную выручку; если он заговаривал на улице с рабыней, которая знала жителей города, она поспешно уходила, а если он просто касался кончиками пальцев ее руки, она терла ее ладонью, как будто к ней прикоснулась ядовитая рептилия. Если его видели в чьей-либо компании более одного раза, то было известно, что этот человек робкий человек, который пытался льстить и задабривать его, чтобы обезопасить себя от него. В остальном он вел настолько уединенную жизнь, что хорошо известный шут, паразит Мейдиас, сказал о нем, что “единственное, что стояло рядом с ним, была его тень”.

Своего рода портик, снабженный сиденьями и свободный для всех.

И все же в Афинах был *один* человек, который ценил его. Это был Пиррандер, Илдманд, *Д.* которому он был неоценим в отслеживании гетерий или тайных обществ и который, когда упоминался Каллиппид, обычно говорил: “Он лучшая ищейка в нашей стае”.

*Д*Илдманд— рыжеволосый, кажется, это было прозвище Клеона, который в то время был казначеем. (Аристофан, "всадники", ст. 901.)

Подхалим ни в коем случае не был устрашающим по своему внешнему виду. Напротив, он был статным мужчиной. Будучи благородного происхождения, он в юности принадлежал к избранному кругу “золотой молодежи” Афин и в компании молодых Эвпатридов, Проксенидов и Теагенов за несколько лет промотал свое наследственное имущество на лошадей и колесницы. На всех скачках на лошадях и колесницах его видели среди самых возбужденных зрителей. Никто не мог сказать, как часто его сбрасывали с колесницы, когда он раскачивался по ипподрому, или как часто по нему проезжала фыркающая, покрытая пеной упряжка из четырех лошадей. В последний раз, когда это случилось, один из коней так сильно лягнул его по голове, что на нем навсегда остался след от удара. Он был так серьезно ранен, что врач Питталус уже послал гонца за плачущими женщинами.

Когда Каллиппид восстановил свое здоровье, его страсти к лошадям и колесницам пришел конец. Его состояние было растрчено, и, как и многие высокопоставленные афиняне до него, теперь он продал своего последнего самфорского скакуна и купил сандалии подхалима. В этой накидке, делавшей каждый шаг бесшумным, он крался по рыночной площади, как змея или скорпион, выслушивал злословия, подкрадывался сзади к шепчущимся парам, расспрашивал рабов и вскоре стал таким же полным неприятных секретов, как болото квакающих лягушек. Этими секретами он пользовался для собственной выгоды и разорения других.

В его почти заброшенном доме на улице Гончаров, недалеко от Пникса, рынка и Пританея, у него была странная, мрачная комната, подобной которой не было в Афинах, и которую он в шутку называл своим *Opisthodomus*, сокровищницей. Название это не было благочестивым и не свидетельствовало о глубоком почтении к богам, ибо настоящий *Опистодомус*, помещение, где хранились государственные сокровища, было священным местом за Парфеноном и находилось под защитой Афины Полиас, защитницы города. Но Каллиппид использовал этот титул только тогда, когда разговаривал со своим верным стариком Манесом, рабом почти семидесяти лет от роду, который, как и дом, достался ему в наследство от предков.

Тот, кто ожидал найти золото и серебро в сокровищнице Каллиппида, сильно ошибся бы.

Квартира была почти пуста, единственной мебелью в ней было старое кресло, что-то вроде высокого сиденья с подставкой для ног рядом с маленьким столиком. Богатство комнаты заключалось в записках, покрывавших ее белые стены, — все они были написаны твердым, элегантным почерком. Они были найдены по партитуре, составлены настолько лаконично, насколько это было возможно, и все были точно помечены днем, месяцем и годом Архонта. Над дверью, ведущей в перистиль, были следующие надписи:

ПОЛИКЛ, СЫН СТРАТОНА. *Обвиняется в дезертирстве с военной службы. Приговорен к ЛИШЕНИЮ ПРАВ ГРАЖДАНСТВА, ХОТЯ И БЕЗ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА*”.

“МАНТИФЕЙ, СЫН КТЕСИФОНА. *Обвинен в тайном сговоре со спартамцами. Сбежал. Наказан возведением позорного столба С НАДПИСЬЮ ЕГО ИМЕНИ*”.

Эти и ряд других заметок были написаны углем; но прямо над входом, на самом видном месте в комнате, была большая подборка, написанная красным мелом и охватывающая самые суровые наказания. Первая и вторая из этих надписей гласили следующее:

“СТЕФАН, СЫН ЭВКТЕМОНА. *Обвиняется в государственной измене. Приговорен ВЫПИТЬ БОЛИГОЛОВ*.”

“НАВСИКРАТ, СЫН ГЛАВКА. *Обвиняется в том, что склонил свою мачеху к прелюбодеянию. БРОШЕН В ПРОПАСТЬ*”.

И все же по-своему Каллиппид казался честным человеком, поскольку, как ни странно, то тут, то там появлялись предложения, результат которых был не в его пользу, как, например:

“ПОЛЕМАРХ, СЫН КАЛЛИЯ. *Обвиняется в мошенничестве. Приговорен Сорока к лишению прав гражданства и конфискации имущества. Указ ПРИЗНАН НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ* волею народа, поскольку основан на показаниях лжесвидетеля”.

Правда, эта надпись была помещена в самом темном углу, где никто не смог бы ее легко найти, и о чем в записи умалчивалось, так это о том, что дело едва не обернулось плохо для Каллиппида — настолько плохо, что Пиррандеру, вождю племени, потребовалось все его влияние, чтобы спасти его. Но это сокровище следует рассматривать как допустимую военную хитрость.

Несомненно, что “сокровищница” редко не выполняла своего предназначения. Сюда Каллиппид обычно приводил своих жертв, несчастных, которым угрожали опасным обвинением. Едва они оказались здесь, как он под каким-то предлогом оставил их одних. Когда они читали мрачные отчеты, читали их десятками, сначала с удивлением, затем с тревогой и, наконец, со все возрастающим страхом, мало кто был уверен в справедливости своего дела. Пока они стояли там одни с бьющимися сердцами, трепеща от страха, что все, что в скором времени будет принадлежать их Прошлому, нанесет новую надпись на эти зловещие стены, написанные буквы постепенно начали перетекать друг в друга у них на глазах; красные буквы, казалось, были начертаны кровью, и даже стойкие, храбрые люди были готовы, почти без исключения, договориться с Каллиппидом, не торгуясь о цене, если он только пообещает снять обвинение. Таким образом, “сокровищница” оправдывала свое название, в ней было не мало денег.

Как ни странно, в комнате было одно место, где целый ряд записей был стерт, оставив только темное пятно на белой стене. Все произошло таким образом.

С самого начала старому рабу Манесу не понравились эти заметки. Большую часть своей жизни он служил Филоклу, отцу Каллиппида. Последний был одним из самых выдающихся афинских граждан и занимал самые важные должности; он был командиром триремы, инспектором городских стен и членом Совета Пятисот. Посланцы из подчиненных городов никогда не приезжали в Афины, не разыскав его, чтобы принести ему дорогие подарки как одному из ее главных граждан.

Комната, в которой он обычно принимал их, была самой красивой в доме и богато обставлена медными треножниками, кушетками из слоновой кости, великолепными вазами и милезийскими коврами.

Это было помещение, которым сын Каллиппид столь недостойно воспользовался. Каждый раз, когда на стенах, которые Манесу казались такими священными, появлялась новая надпись, он чувствовал себя так, словно получил удар ножом в свое честное старое сердце. Однажды, когда их число снова увеличилось, он набрался смелости и, не спрашивая разрешения, начал мыть стены, как будто просто намеревался убрать комнату. Но едва он начал, как за его спиной появился Каллиппид.

Их взгляды встретились. Хозяин так пристально посмотрел на слугу, что впервые за много лет бледные, морщинистые щеки старика вспыхнули.

- Ну-ну! - сухо сказал Каллиппид и, не говоря больше ни слова, схватил самый большой хлыст, оставшийся у него со времен его страсти к скачкам, и хлестал несчастного по спине до тех пор, пока визжащий раб не обхватил колени и не взмолился о пощаде.

- Болван! - пробормотал Каллиппид, швыряя бич в угол. - Разве ты не знаешь, что эти записки - мой источник существования.

С того дня старик больше не трогал надписи.

Что бы ни принесла "сокровищница", Каллиппиду не удалось сколотить новое состояние. Такие мужчины, как он, с беспокойным умом и неутомимым телом, отказываются от одной страсти только для того, чтобы посвятить себя другой. Он, который в юности не интересовался ничем, кроме лошадей и колесниц, теперь, на сороковом году жизни, не мог видеть, как хорошенькая гетера застегивает платье для танца, без того, чтобы его сердце не воспыало самой пылкой любовью. Это был уже не Менипп, торговец лошадьми, а Филострат, посредник, с которым у него были дела. Незадолго до нашего знакомства с ним было сказано, что по письменному соглашению он взял напрокат ключ от садовой калитки Филострата на два месяца, чтобы иметь возможность тайком навестить свою младшую дочь, пятнадцатилетнюю Хариксену. Ходили слухи, что эта сделка, в ходе которой отец продал свою дочь, обошлась Каллиппиду в два блестящих состояния. Именно на прибыль от своих уловов, на кровавые деньги он заплатил за ключ от тихой комнаты, где Дионис и Афродита, божества радости, должны были принять его.

ЕСтатер составлял около 20 драхм — по тем временам значительная сумма. Архонт получал за свой ежедневный заработок всего 2 драхмы.

Но Афродита не позволила насмехаться над собой.

За домом Каллиппида раскинулся сад, который находился в очень запущенном состоянии, настолько зарос сорняками, что в нем едва виднелась аллея или тропинка, а статуя Гермеса

перед домом упала и покоилась набок. Старая каменная скамья под высоким платаном с густой листвой была в лучшей сохранности, и здесь Каллипид обычно искал прохлады и тени во время палящего полуденного зноя.

Однажды, отдыхая там, в полусне перебирая листы желтого свитка рукописи, он услышал, как в соседнем доме открылась дверь, и увидел молодую рабыню, вышедшую, чтобы расстелить ковер на красиво вырезанной *айоре* (качелях), которые были подвешены в самом тенистом месте между колоннами дома. Сразу после этого маленькая девочка семи или восьми лет, одетая в белое, вприпрыжку выбежала наружу, и раб поднял ее на ковер. Но едва качели пришли в движение, как они начали неуверенно раскачиваться, и ребенок, теряя терпение, откинулся на спинку сиденья и закричал:

“Нет, Клорис, только не ты! Перестань, перестань! Моя сестра умеет это делать гораздо лучше. Тогда малышка начала кричать изо всех сил: “Меллита, Меллита!”

Подхалим, чья профессия требовала, чтобы он знал все, на зов ребенка вспомнил, что молодая девушка, носящая это имя, должно быть, дочь генерала Миронидиса, который недавно унаследовал соседний дом, и что она слыла *амеханос кале*, неотразимо красивой. Поэтому он не без нетерпения ожидал ее прихода. Затем он услышал в доме голос молодой девушки, поющей:

“Среди виноградных лоз, среди листьев
Выглядывают блестящие гроздья...”

Певец приблизился, и сердце Каллиппиды забилось быстрее.

Но он не был застигнут врасплох, когда дверь открылась. Молва говорила правду; ибо она была прекрасна, прекраснее любой женщины, которую он когда—либо видел, - наполовину ребенок, наполовину дева, как чарующие корзиночницы Поликлета.^F

^FНесущие корзины. Так называлась группа избранных дочерей граждан, которые на Панафинейском празднике участвовали в великой процессии всего афинского населения. На головах они несли корзины с подношениями. Мраморное изображение этих прекрасных аттических дев было самой известной работой скульптора Поликлета.

Она так весело и беззаботно рассмеялась над нетерпением своей младшей сестры, что ее темные глаза заблестели, а белые зубки блеснули между алыми губами, затем, когда девочка повернулась, протягивая к ней ручки, она бросилась к ней, обнимая и целуя малышку.

“Покачай меня, Меллита, покачай!” закричала девочка. - Хлорис не может этого сделать.

Меллита потуже завязала пурпурную ленту вокруг своих черных локонов, сняла верхнюю одежду, надетую поверх платья с красной каймой, и велела рабыне отнести ее в дом; затем, наклонившись вперед, она привела качели в движение.

Итак, это была Меллита, неотразимо красивая Меллита.

Взгляд Каллиппиды, словно зачарованный, остановился на юной девушке с темными глазами, улыбающимися губами и стройной девичьей фигурой. Когда она стояла там в своем легком

одеянии в тени между колоннами дома, ее окружала такая атмосфера чистоты, что она защищала ее, как щит, от дурных мыслей. От черных локонов, выбивавшихся из-под пурпурной повязки, до расшитых золотом босоножек, все в ней было полно детской грации.

- Выше! - радостно закричала маленькая девочка, хлопая ногами так, что ремешки сандалий захлопали.

Меллита наклонилась еще ниже, чтобы придать качелям более сильный толчок. Это ослабило золотую застежку, скреплявшую ее платье у шеи, и на мгновение показались изящные ослепительные плечи.

Каллиппид знал себя, поэтому был удивлен, что на его лице не отразился румянец страсти. В разгар своего тайного волнения он воспринял этот факт как признак того, что он уже не тот человек.

Когда вскоре после этого Меллита остановила качели и помогла девочке выйти, ее взгляд упал на соседний сад, где Каллиппид, наполовину скрытый кустами, неподвижно, как статуя, стоял в тени платана.

Каллиппид был высоким мужчиной с выдающейся внешностью. Его темные волосы и борода были подстрижены Споргилом, лучшим цирюльником в Афинах, и кроваво-красный шрам, оставленный лошадиным копытом на макушке, был частично скрыт волосами, которые в этом месте несколько поредели. Черты его лица были смуглыми и суровыми, но в результате напряженных упражнений на ипподроме он сохранил осанку, которая делала его на десять лет моложе. Как и все афиняне благородного происхождения, он уделял большое внимание своей персоне и чаще всего носил белоснежный хитон или тунику из тончайшей милезийской шерсти с голубой верхней одеждой из персидского каунаке, разновидности дорогой грубой шерстяной ткани, импортируемой из Сард. Короче говоря, вплоть до легких подошв, которые соответствовали его призванию подхалима, он был во всем изыскан, денди, но так, чтобы не выставять себя на посмеище. В его походке не было ни малейшей наигранной скованности, с которой афинские щеголи пытались привлечь к себе внимание, и он никогда не носил под плащом короткий посох и не ходил с ароматным срединным яблоком в руках, когда появлялся на улице.

У женщин быстрые глаза. Меллита с первого взгляда получила представление обо всей его персоне. Высокий, серьезный бородатый мужчина показался ей похожим на ее отца — единственного свободного гражданина, которого за всю свою монотонную жизнь в женских покоях она имела возможность заметить. Она пропустила девочку вперед и снова повернула голову. Меллита очень любила своего отца. Ей хотелось проверить, была ли она права — похож ли на него мужчина в соседнем саду.

При этом движении молодой девушки волна радости захлестнула сердце Каллиппида, и он стал еще счастливее, когда ему показалось, что он прочел доброжелательность во взгляде, которым Меллита смотрела на него.

Подхалим не был избалован доброжелательностью.

Когда Меллита исчезла, он направился к дому, словно во сне. У солнечных часов он нашел старика Грива, который, склонившись над булавкой, отсчитывал время. Он пристально посмотрел на него, но раб, казалось, ничего не заметил.

Каллиппид вошел в “сокровищницу” и сел в кресло. Ему показалось, что он все еще видит Меллиту с пурпурной лентой вокруг ее черных кудрей, с ее темными глазами, улыбающимися губами и ослепительными плечами. В свежей юности этой девушки было что-то такое, что тронуло его до глубины души. Он, сладострастник, который всегда стремился изобрести какое-нибудь новое наслаждение, думал, что наивысшим наслаждением, которое он мог себе представить, было бы держать Меллиту за руку в своей.

“Клянусь Грацией! - воскликнул он. - она настоящий человеческий цветок”.

Внезапно ему стало очевидно, что за несколько мгновений, гораздо меньших, чем требовалось для того, чтобы закончились водяные часы, он стал совершенно другим человеком. Дрожь пробежала по его телу, и, словно боясь услышать собственные слова, он тихо пробормотал:

“Каллиппид больше не принадлежит себе”.

Когда он снова поднял голову и посмотрел на стены, они впервые показались ему такими же, какими показались Манесу. Надписи ему не понравились, в них было что-то такое, что его беспокоило, поэтому он вышел в соседнюю комнату и бросился на диван, где погрузился в глубокую задумчивость. Он лежал так долго; день клонился все больше и больше, короткие сумерки сливались с глубокими тенями вечера. Когда он очнулся и посмотрел в открытую дверь, над перистилем сияли звезды.

Он позвал Манеса и велел ему зажечь лампу.

Когда он поднялся с кушетки, его взгляд упал на свои ботинки, которые, вопреки привычке, он не снял, придя из сада. При виде тонких подошв, свидетельствующих о его ремесле подхалима, он содрогнулся.

- Какой холодный ветер дует! - пробормотал он, словно пытаясь обмануть самого себя.

Затем он позвал снова, выставил ногу и сказал:

— Гривс, сними с меня подошвы и, — торопливо заговорил он, - сожги их и все другие такие же, какие у меня есть.

Старик стоял, словно окаменев. Если бы его хозяин был солдатом и приказал ему сломать свой меч, он не мог бы так онеметь от изумления.

- Ты что, не слышишь? - сурово спросил Каллиппид.

Манес опустился перед ним на колени, но его руки дрожали так, что он не смог расстегнуть пряжки.

- Ты стареешь, Манес, - сказал Каллиппидес более мягко, как будто сожалел о своей резкости.

Затем он поставил ногу на край кушетки, чтобы самому расстегнуть ремни, но, прежде чем дотронулся до них руками, вскочил и двумя сильными пинками отшвырнул их в самый дальний угол комнаты, где они с хлопком упали на пол.

“ Ты слышал? ” обратился он к Манесу. “ заговорили немые подошвы. Это было их прощание.

Затем Каллиппид снял со своего пояса ключ с тремя метками, который отдал Манесу, сказав:

- Отнеси это Филострату завтра утром.

Кобылы переходили от одного сюрприза к другому.

- Что мне ему сказать? - робко спросил он.

- Что мне это больше ни к чему.

Старик едва верил своим ушам. Он сцепил руки, но не осмелился заговорить.

“Что бы ты сказал, Манес, - спросил Каллиппид, - если бы однажды увидел меня со шлемом на голове во главе отряда всадников?”

При этих словах старческое лицо просветлело, и старик с почти отеческой нежностью устремил взгляд на учителя, с которым в детстве часто играл у себя на коленях.

“В тот день, когда я увижу тебя предводителем отряда всадников, - воскликнул он, - в тот день, когда зажгутся факелы новобрачных...”

Манес не договорил; при последнем слове Каллиппид вскочил и прикрыл рот рукой.

“ Замолчи, старый дурак! ” сурово крикнул он. “ Ты говоришь о вещах, которые тебя не касаются. Ты хочешь, чтобы я вырвал у тебя изо рта язык и бросил его собакам?

Раб бесшумно пополз прочь, дрожа с головы до ног.

Вопреки своему обыкновению, Каллиппид в последующие дни оставался дома и не преминул провести послеполуденные часы в саду. Но день проходил за днем, а он так и не увидел Меллиту ни малейшим проблеском. Дверь соседнего дома часто открывалась, но это была всего лишь рабыня, которая выходила собирать цветы, срывать фрукты или приносить из сада выстиранные вещи. С каждым днем Каллиппид впадал во все большую депрессию.

Однажды ночью, когда он полулежал на своей кушетке, не в силах заснуть, он увидел сквозь открытую дверь узкий луч света, падавший на каменные плиты внутреннего двора. Удивленный, он встал; из комнаты Манеса лился свет. Опасаясь, что старику может быть плохо, он сразу же пошел к нему.

Манес сидел и работал над парой сандалий, ремешки которых были не в лучшем состоянии. Когда вошел Каллиппид, он был явно поражен и смущен и попытался спрятать что-то за своим стулом.

“Что ты делаешь, Манес?” - спросил Каллиппид.

“Пристегиваю новые ремешки к паре старых сандалий”.

- Чьи они? - спросил я.

-Мой.

- А эти? - спросил Каллиппид, доставая из-за спинки стула пару маленьких сандалий для ребенка семи-восьми лет. - они тоже твои?

Манес молча старался избегать взгляда своего хозяина.

Теперь Каллиппид понял кое-что, о чем до сих пор не задумывался, и понял, кому обязан скудными трапезами, которые подавались ему в течение последних нескольких дней.

Однако он ничего не сказал. Каллиппид был немногословен.

Он постоял еще немного, молча глядя на старого раба, который едва ли знал, осмелится ли он продолжать свою работу или нет. Внезапно Каллиппид положил руку ему на плечо и сказал со странной мягкостью в голосе:

“ Иди отдохни. Манес, ты сегодня достаточно поработал.

Старик схватил руку своего хозяина и поцеловал ее. В этот момент он был готов умереть за него.

На следующий день Каллиппид, вопреки своему обыкновению, вышел в сад еще до полудня. Какое-то предчувствие подсказало ему, что на этот раз это будет не напрасно. Он пробыл там всего несколько минут, когда через полуоткрытую дверь соседнего дома ему показалось, что он слышит детский голос, произносящий имя Меллиты.

Почти в тот же момент вышла молодая девушка в сопровождении старой рабыни. Взяв у нее из рук изящный кувшин, она начала поливать более редкие цветы, которые были посажены ближе всего к дому. Затем она поискала бутоны, сорвала увядшие цветы и подвязала поникшие ветви; короче говоря, она долго возилась среди цветов, и при каждом движении ее стройная фигура излучала какое-то свежее девичье очарование.

Сегодня на ее темных локонах была золотая застежка, скреплявшая голубую ленту над бровью, а ее белое одеяние было отделано двойной каймой того же цвета. Каллиппиду показалось, что молодая девушка выглядит немного серьезнее, но еще красивее, чем когда он впервые увидел ее.

Подойдя к зарослям кустарника, ближайшим к следующему саду, она увидела Каллиппида. Рабыня, державшая красный зонтик над головой своей молодой госпожи, проследила за направлением ее взгляда, но едва успела заметить подхалима, как уронила зонтик и схватила девушку за руку, как будто ей угрожала какая-то опасность.

Меллита удивленно обернулась, и рабыня поспешно произнесла несколько слов, которые заставили ее госпожу нахмуриться. Казалось, она противоречила своей служанке, которая становилась все более и более яростной.

У Каллиппида был острый слух — он был льстецом, — и расстояние от двух говоривших до того места, где он стоял, составляло всего тридцать или сорок шагов. Сначала он уловил одно из слов рабыни, потом еще, пока, наконец, отчетливо не услышал, как она сказала:

“ Так же точно, как то, что ты дочь генерала Миронидиса, он принадлежит к ядовитому племени, чей путь полон проклятий, крови и трупов. Ты сам видишь, что он отмечен гневом богов! Разве его тень не чернее, чем у других людей?”

Когда Каллиппид стоял в зеленых сумерках под платаном, а за его спиной виднелась белая стена дома, на него действительно падала такая густая тень, что с освещенного солнцем места, где стояли две женщины, невозможно было различить цвета его одежды.

Встревоженной словами рабыни, Меллите самой показалось, что она увидела в этом высоком темноволосом мужчине что-то призрачное и угрожающее. С пронзительным криком она уронила кувшин с водой, подобрала вокруг себя складки своего одеяния и бросилась в дом. По тому ужасу, с которым она закрыла за собой дверь, Каллиппид понял, что она закрылась между ними навсегда.

Спокойно, как всегда, хотя и несколько бледнее обычного, он вернулся в дом. Иногда ему казалось, что он снова слышит, как хлопает дверь, и каждый раз ему казалось, что его сердце вот-вот разорвется.

Одинокое и опустошенное состояние, оторванность от общения с другими людьми, в котором он провел свои последние годы, часто давили на него тяжелым, нет, почти невыносимым бременем, но никогда еще его сердце не было таким пустым, таким мертвым для всякой надежды, как сейчас. “Увы!” пробормотал он. — все могло бы быть по-другому, совершенно по-другому, но уже слишком поздно“. Он пристально смотрел в пустоту, и его глаза выражали мрачную решимость.

Вскоре после того, как он вернулся из сада, он сел писать, но дважды порвал то, что набросал, прежде чем был удовлетворен. Затем он сделал его точную копию.

“Теперь нужны только подписи свидетелей”, - сказал он себе, надевая кольцо с печаткой на палец.

Постояв некоторое время, погруженный в глубокую задумчивость, он достал из сундука флягу в плетеном чехле, называемом *лагинос*. Убедившись, что она пуста, он понюхал ее и уже собирался позвать Гриву, когда внезапно остановился.

“Зачем ее мыть?” спросил он, глядя на фляжку со странной улыбкой. - Там не могло быть ничего хуже того, что я намереваюсь купить.

Затем Каллиппид ушел из дома и не возвращался до вечера.

Едва Манес зажег лампу с двойным наклоном, как его хозяин сказал отрывистым, повелительным тоном:

- Принесите воды, сотрите эти надписи и вымойте стены дочиста.

Старику хотелось обнять своего хозяина, но он не забыл, как плохо ему пришлось, когда тот обронил слово о гимнейных факелах. И все же никогда еще он не выполнял приказ с большей радостью. И все же, несмотря на все его усердие, Каллиппид действовал недостаточно быстро.

С очень необычным беспокойством он расхаживал взад и вперед, ежеминутно поторапливая рабыню.

Наконец стены были частично отмыты, но вода стояла большими лужами на вымощенном плитами полу.

“Пусть остается, - коротко сказал Каллиппид, - скоро он уйдет в землю”.

Затем он добавил:

- Подойди сюда, Манес! - и, посмотрев на него долгим, серьезным взглядом, сказал с той же странной мягкостью, что и накануне вечером.

- Ты всегда был моим верным слугой.

Что-то в словах и тоне старика удивило.

“Хозяин уходит?” - спросил он.

-Да.

- Надолго?

- Возможно, и так, - ответил Каллиппид со слабой улыбкой.

Ближе к рассвету Манесу приснился странный сон. Ему показалось, что огромная сияющая Фигура, сотканная из тумана, с крыльями на шапке и пятках, подплыла к его хозяину и взяла его за руку. Едва это произошло, как его хозяин сам превратился в туманную фигуру, и оба бесшумно воспарили прочь.

Старик, вздрогнув, проснулся. Он почувствовал холодок на лбу, как будто вокруг него взмахнули крылья, и точно не знал, бодрствует он или видит сон.

Охваченный мрачным предчувствием, он поднялся со своего ложа. К его ужасу, спальня Каллиппида была пуста. Диван был нетронут, подушка не примята, а в ногах лежала аккуратно свернутая старая верхняя одежда. Было очевидно, что ночью на нем никто не спал.

Войдя в “сокровищницу”, он почувствовал огромное облегчение, увидев своего учителя, сидящего в кресле. Его голова покоилась на высокой спинке, глаза были закрыты. Он, по-видимому, спал.

Старик приблизился — до него донесся пронизывающий, неприятный запах, исходивший от кубка на столе, — запах болиголова.

Теперь он все понял.

- Мертв! - пробормотал он. - Мертв! - повторил он, как будто не мог поверить собственным словам.

Неподвижный и, как обычно, тщательно одетый, Каллиппид сидел в доставшемся ему по наследству кресле с высокой спинкой. Его темные волосы и борода благоухали духами, на его легкой одежде не было видно ни единого пятнышка, а на пальцах сверкали кольца. Единственное, что свидетельствовало о том, что он провел свою последнюю битву, было то, что его правая рука была прижата к боку, словно от приступа боли, в то время как левая свободно свисала с подлокотника кресла. Черты его лица были темными и серьезными, но не темнее и не серьезнее, чем обычно, и луч занимающегося дня придавал иллюзорное подобие жизни его бледным щекам.

Прямо над ним на белой стене виднелись две строчки неумело размытой надписи.

Манес, устремив на него взгляд, прочел:

... “Приговорен к
употреблению болиголова”.

При виде этих слов, которые стояли там, как надпись на могиле, отмеченная перстом возмездия, слезы потекли из глаз старого раба.

“Зевс Сотер, будь милостив к нему”, - пробормотал он. “Он приговорил себя!”

Сразу после этого Манес увидел лист папируса, лежащий на столе. Взяв его дрожащей рукой, он прочел:

Копия
Последней воли
Каллиппида.

“Пусть все будет хорошо! Настоящим я распоряжаюсь своим имуществом следующим образом. Маленькое арендованное жилище в Пирее будет продано тому, кто предложит самую высокую цену, а вырученные деньги пойдут на мои похороны, которые должны быть достойны моего рождения. Могила должна быть построена на дороге в Будорон, напротив сада, пристроенного к загородному поместью генерала Миронидиса, а мемориальный камень должен представлять собой простую колонну с выгравированными на ней именем и датой рождения и смерти. Ничего больше.

“Я освобождаю моего раба Манеса и, поскольку у меня нет родственников, отдаю ему в собственность мой дом на улице Гончаров с принадлежащим к нему садом при условии, что он всегда будет ухаживать за могилой.

“Папирус, снабженный печатью, копией которого я являюсь, хранится у Филона, сына Софила. Свидетелями являются: Ликон, сын Гегесия, и Харикл, сын Терона.

Рядом с папирусом лежала записка, в которой было написано:

“Гривам:

“Скройте способ моей смерти, чтобы я мог сойти в могилу непо потревоженным. Скажи, что ты нашел меня мертвой в кресле.

“В шкатулке на столе лежит кольцо с искусно вырезанным камнем, изображающим Чарис, купающую свою госпожу Афродиту в священной роще в Пафосе. Отнеси украшение Мелитте, дочери генерала Миронида, и скажи ей: ‘Мой покойный учитель Каллиппид, твой сосед, умоляет тебя принять это кольцо, которое принадлежало его матери. Ты можешь носить его без опаски; с того дня, как он впервые увидел тебя, он не был подхалимом.

“Вам, мои верные Гривы, я говорю: прощайте и не печальтесь. Лучше иметь яд в теле, чем в душе”.

Г.Существовал обычай наказывать самоубийц отсечением правой руки.

Старик дал волю своим слезам.

Словно во сне он услышал щебетание птиц в саду; освежающий аромат росистой зелени проник в комнату, наполняя ее, и в тихом утреннем воздухе все ближе и ближе раздавался грохот колесниц. Снаружи слышался обычный крик ачарнийцев на улицах:

“Купи уголь! Купи уксус!”

Неожиданное и обычное, тишина и пробуждающееся движение, смерть и жизнь так странно смешались в этот час, что старик испытал чувство, которого никогда прежде не испытывал.

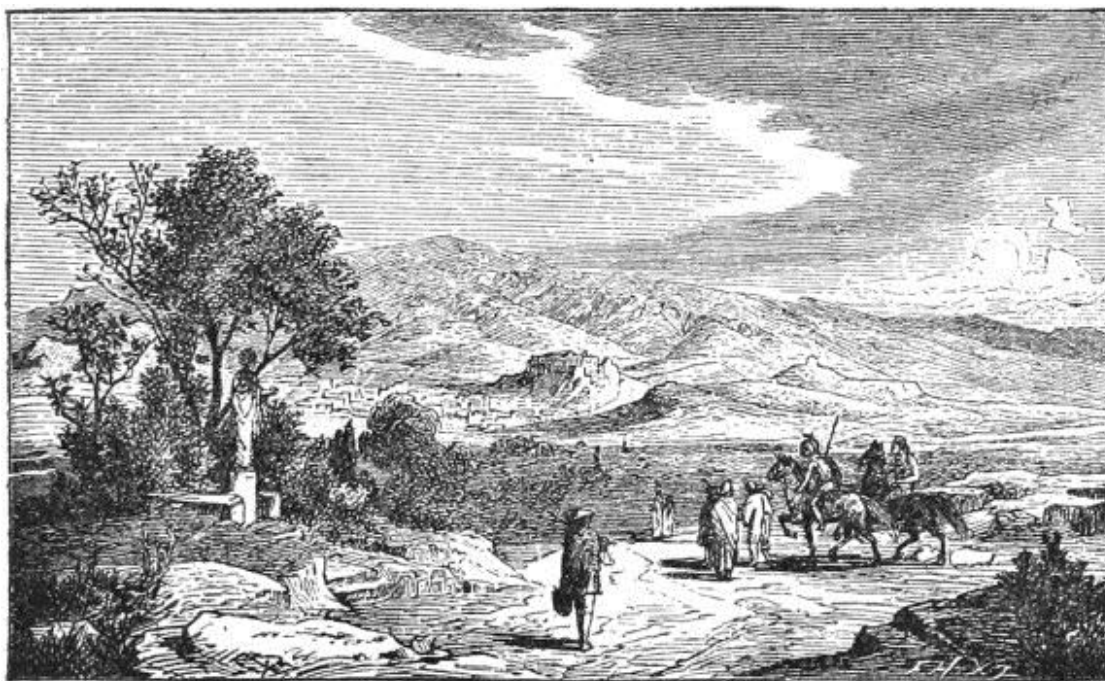
Сам не сознавая, что делает, он опустился на колени и поцеловал руку своего мертвого хозяина, затем, сжав свою, воскликнул в своей простой, честной манере:

“Пусть двенадцать олимпийцев даруют ему все благословения! Он был добрым учителем”.

ГЕТЕРИЯ. ВТОРОЙ ГОД 91-Й ОЛИМПИАДЫ (415 г. до н.э.)

[Содержание](#)

ГЕТЕРИЯ.

Содержание

Я.

Содержание

Хипиллос не упомянул, куда он направляется. Старый Мирмекс, сопровождавший его с пылающим сосновым факелом, не стал ломать голову, чтобы выяснить это, а с тупым безразличием поплелся дальше, шаг за шагом следуя за своим молодым хозяином. Самым отчетливым его ощущением было то, что он начинает уставать. Они уже проехали большую часть Афин, а в то время — в тот год, когда Хабрий был архонтом, — Афины были большим городом.

Вскоре после захода солнца хозяин и раб вышли из дома Хипиллоса, сразу за Ахарнийскими воротами, и прошли через Колон, самую северную часть города. Затем они прошли мимо “Больших камней” Акрополя с их многочисленными нишами для обетных подношений, которые все еще можно увидеть в наши дни. Из Пританиума они пошли по улице Треножников с ее храмами богов и огромными медными треножниками, а из Одеиума прошли через Театр Диониса, перед оркестром которого люди имели обыкновение срезать путь, поскольку огромное здание, за исключением нескольких фестивальных дней, пустовало почти круглый год. Затем они пошли по Улице Храмов вдоль южного края цитадели, где у подножия темного утеса в сумеречных тенях поблескивало не менее шести мраморных храмов.

Хипиллос сделал этот обход, чтобы занять время до тех пор, пока в домах не зажгутся лампы. Теперь этот момент настал, все больше и больше точек света мерцало в сумерках.

С улицы Храмов мастер и человек свернули в узкий переулок, петлявший между домами, деревьями и садовыми оградами. Между воздухом этого квартала и атмосферой остальных Афин была и остается заметная разница. К югу от Акрополя над сельской местностью и городами обычно дует освежающий морской бриз.

Хипиллос, с наслаждением вдыхая влажный воздух, продолжил свою прогулку. У него было радостное лицо, и вся его фигура, освещенная красным светом факела, производила поразительное впечатление. Его белая верхняя одежда, украшенная синей каймой, составляла живописный контраст с его загорелой кожей и черными локонами, а каждое движение его хорошо сложенных конечностей было твердым и непоколебимым, гармонируя с выражением его лица.

Старый Мирмекс не любил морского бриза. Он страдал от люмбаго, и при первом дуновении влажного воздуха взял факел в левую руку, а правой потер бок — действию, которому не препятствовала его одежда, состоявшая из темного *экзомиса*, обычной одежды рабов, которая, чтобы обеспечить свободу движений, оставляла обнаженными правую руку, плечо и бок.

Примерно посередине улицы тропинка вела к боковому зданию, несомненно, женской квартире в величественном доме, который, по-видимому, принадлежал богатому горожанину. Из одной из скудно разбросанных *тирид*, своего рода вентиляционного отверстия, в темноту струился свет лампы. Хипиллос помолчал. Должно быть, этот свет обладал для него каким-то особым очарованием, он не мог отвести от него глаз.

Словно в настроении, когда какая-то тайная радость делает людей общительными, он внезапно похлопал старика по плечу, сказав:

“ Мирмекс, ты знаешь, откуда исходит этот свет? И, не дожидаясь ответа, добавил: “Из комнаты, которую занимает Клития, прекраснейшая из всех афинских дев”.

Мирмекс уставился на Хипиллоса с широко открытым от изумления ртом.

- Хозяин, хозяин! - заикаясь, пробормотал он. - что тебе взбрело в голову?

Хипиллос не расслышал. Но Мирмекс опасался, что его хозяин совершает какой-то необдуманный поступок, и он знал, что, когда гражданин виновен в преступлении, но отрицает свой проступок, было предписано подвергнуть пыткам одного из своих рабов. Закон был основан на вере в то, что раб даст показания против своего хозяина, а если он этого не сделает, невиновность хозяина будет доказана.

Поскольку это, по-видимому, была не одна из женщин, ведущих распутный образ жизни, а дочь горожанина, тщательно охраняемая девица, Мирмекс в воображении уже чувствовал себя растянутым на дыбе, избиваемым щетками и бичами, замученным шурупами для большого пальца, нагруженным черепичными камнями на животе и наполовину захлебывающимся уксусом в обеих ноздрях. Поэтому он повторил еще громче.

- Господин, господин, что ты вбил себе в голову?

Хипиллос подобрал камешек, но как раз в тот момент, когда он швырял его в стену, словно повинуюсь условленному сигналу, он увидел две тени на красной занавеске внутри отверстия.

-Айбой! какое невезение! - она не одна, - пробормотал он, роняя камешек.

Затем, поцеловав руку яркому лучу света, он с некоторой неохотой двинулся дальше, в направлении Керамикуса, северо-западной части города.

Мирмекс думал недолго; но когда идея однажды пришла ему в голову, он не отпустил ее так легко и теперь спросил в третий раз:

- Господин, господин, что ты вбил себе в голову?

На этот раз Хипиллос услышал его. Он бросил взгляд на своего спутника и, увидев его встревоженное лицо, понял связь мыслей и разразился громким смехом.

“Бедный Мирмекс, ” сказал он, щипая старика за щеки, “ ты боишься шурупов? Пух! Ты сбежишь! Это не вопрос жизни и смерти, и гражданин может быть принужден подвергнуть раба пыткам только в случае, если речь идет о жизни и смерти.... Ты слышал, ” продолжал он озорно, “ историю Килликона из Милета? Он предал свою родину жителям Прины, и когда его друзья во время приготовлений спрашивали, что он имеет в виду, неизменно отвечал: ‘Ничего, кроме хорошего’. Что ж! когда вы спросите, что пришло мне в голову, я могу с еще большим основанием ответить: “Ничего, кроме хорошего’. Ибо эта девушка принадлежит к очень уважаемой семье, и я намерен, чтобы она стала моей женой.

II.

Содержание

Хипиллос некоторое время шел молча, потом вдруг воскликнул:

“Мирмекс, ты не знаешь — никакими словами не передать, насколько она хорошенькая.... Прошло чуть больше месяца с тех пор, как я впервые увидел ее. Она возвращалась домой из храма Деметры в сопровождении своей матери и нескольких рабынь. Ветер приподнял ее вуаль и обнажил лицо, которое, залитое румянцем от того внимания, которое она привлекала, было самым прекрасным из всех, что я когда-либо видел. Молодая девушка была высокой и одета в белоснежное платье с широкой фиолетово-синей каймой; ее блестящие черные волосы были зачесаны высоко над шеей, а поверх вуали на лбу блестела золотая застёжка, украшенная большим синим камнем. Ремешки от отделанных серебром сандалий так изящно облегли ее маленькие ножки, что даже мужчины, обычно слепые к секретам красоты, пробормотали восхищение. Всякий раз, когда ветерок раздувал ее одежду, делая ее движения более заметными, в ее осанке сквозили сдержанность и скромность, которые невозможно описать словами, и, когда она проходила мимо, мне казалось, что я ощущаю атмосферу свежести, смешанную со слабым ароматом какой-то дорогой мази.... Никогда еще ни одна женщина так не околдовывала меня! Ночью мне снились ее ослепительно белая шея и мягкие черные волосы — силы небесные, как же она хороша! Но ты не понимаешь меня, Мирмекс; с таким же успехом я мог бы довериться деревьям и камням на обочине.... Все молодые люди, которых она встречала, оборачивались — никто не довольствовался тем, что просто смотрел, как она проходит мимо. Здесь, где девушки проводят свои дни в узких рамках женской квартиры, мужчина не трижды в жизни встречает такую девушку на шоссе.

“Когда она и ее мать подошли к дому, где мы только что видели свет, один из рабов выбежал на фалерианскую улицу, чтобы постучать в дверь, и теперь я знал, кто эта молодая девушка. Особняк принадлежал архитектору Ксеноклу, а девушка, несомненно, была его дочерью Клитией, красоту которой, как я часто слышал, восхваляли. У угла стены ветер подул сильнее, так что женщинам пришлось бороться с ним. Внезапно вуаль молодой девушки распахнулась и улетела по ветру. Издав громкий крик, она остановилась и закрыла лицо руками. Бросившись вперед остальных за вуалью, которая кружилась в воздухе, я поймал ее, когда она падала, и повис на тонкой ветке. Когда я приблизился к молодой девушке, которая опустила руки и стояла, пунцово покраснев, опустив глаза в землю, она выглядела такой чарующе красивой, что, совершенно вне себя, я схватил руку, которой она взяла вуаль, воскликнув:

“Прелестная Клити, подними свои глаза на мои, ибо здесь, в присутствии твоей матери, я клянусь, что ты и никто другой не станешь моей женой”.

Молодая девушка побледнела и вырвала свою руку из моей хватки, но сделала то, о чем я просил. Она подняла свои большие темные глаза и устремила их на меня — как мне показалось, не с неприязнью.

“Мать, однако, очень рассердилась и оттолкнула меня, сказав:

“Кто ты такой, юноша, который осмеливается так дерзко разговаривать со скромной девушкой? Клити — *твоя* жена! Да упасут все боги! Знай, что ее отец обещал ее другому...”

“Клянусь Зевсом!” Я перебил: “Тот другой уступил бы, будь он даже самым царем Персии”.

Мирмекс поднял глаза на своего хозяина и рассмеялся в бороду над его дерзостью.

“На следующее утро, - продолжал Хипиллос, - на стенах, коре деревьев и камнях вдоль дороги были слова, написанные разными руками:

*-Клити прекрасна. Нет
никого прекраснее Клити.’*

“Я один не писал; но в тот час, когда все собирались на рынок, я ехал на своем черном самфорском скакуне по узкой улочке. Там очень редко можно было услышать стук копыт, и, как я и ожидал, в дверном проеме появилась хорошенькая горничная. Ее комната оказалась там, где я и ожидал. Она поспешно отступила, но по ее взгляду я понял, что она узнала меня. На следующий день я снова проезжал мимо. Она исчезла не так быстро, но я не заговорил с ней, потому что не знал, одна ли она. В последний раз, когда я проезжал по улице, я проезжал совсем рядом с домом и положил в петлю цветок лавра; когда я возвращался, его заменили на цветок нарцисса, который лежал там, где его можно было легко сорвать. Затем я послал Манидороса — ты его знаешь, самого смелого и хитрого из моих рабов — на Фалерианскую улицу. Он быстро втерся в доверие к Дорис, самой молодой из рабынь Ксенокла, и как же я был счастлив, когда однажды днем он пришел домой и сказал:

“Все произошло так, как вы пожелали. Дорис сказала мне, что ее молодая хозяйка совершенно не похожа на себя с тех пор, как увидела вас. Она плачет, видит сны и шепчет твое имя. Но человека, которому ее отец пообещал ее — великого оратора и автора трагедий, — она

ненавидит больше смерти. Дорис заявляет, что вы применили какое-то заклинание и что девушка околдована”.

Старый Мирмекс покачал головой.

- Пусть все это принесет тебе счастье! - пробормотал он.

III.

Содержание

Хозяин и рабыня продолжили свой путь к Керамикусу.

Район, по которому они шли, был самой труднопроходимой частью Афин, и повсюду взгляд наткался на гордые очертания крутых гор. В нескольких сотнях шагов справа возвышался Акрополь; чуть дальше, слева, располагался Музеум, а в пятистах шагах впереди вздымались ввысь широкий Пникс и крутой Ареопаг. Большинство из этих высот представляли собой внушительные утесы, а два ближайших, Акрополь и Музеиум, возвышались на сотни локтей над каменистой почвой, по которой пролегала дорога.

Был ясный вечер месяца Боздромион. Ветер стих, но каждый раз, когда налетал слабый ветерок, он приносил специфический пряный запах дикого тимьяна, который рос на горе Гиметтус. Полумесяц стоял высоко в небе. Акрополь с храмом на его вершине казался огромной темной массой, на фоне которой вырисовывались сероватые склоны Музеума, залитые лунным светом, так что можно было сосчитать маленькие белые домики.

Внезапно откуда-то издалека громкий крик боли эхом разнесся в вечерней тишине и покое. Низкий мужской голос застонал, как будто кто-то испытывал мучительную предсмертную агонию. Более двадцати раз прозвучало: *Ой, мой! Oi moi!* (Горе мне! Горе мне!) повторилось. Каждый слог, каждая интонация разносились в мягком воздухе с особенной отчетливостью. Немного позже звук стал слабее, пока, наконец, не затих в глухой, захватывающей дух тишине.

Хипиллос вздрогнул, хотя и раньше слышал жалобные вопли в этом месте.

Крики доносились с той части возвышенности, где не было домов. Внутренняя часть утеса, несомненно, была обитаема, так как примерно в двадцати ярдах над тем местом, где дорога вилась, свет пробивался через двадцать или тридцать небольших отверстий в скальной массе. Эти ямы, расположенные в два ряда, можно увидеть и в наши дни, а внутри них находились — и все еще остаются - несколько древних пещер в скалах, происхождение которых высмеивает человеческие предположения, поскольку даже в тот период — почти двадцать три столетия назад — не было известно, чьими руками они были созданы или — если это были гробницы — чьи кости истлели там. В то время эти помещения использовались под тюрьмы, и многие преступники, приговоренные к смертной казни, были здесь — откуда невозможно было сбежать — вынуждены осушить отравленную чашу.

Услышанные вопли напомнили Хипиллосу, что “одиннадцать” имели обыкновение приходить на закате в тюрьму, чтобы снять цепи с осужденного преступника и сообщить ему, что настал его последний час. Затем несчастный принял ванну, а затем был вынужден выпить кубок сока болиголова и расхаживать взад и вперед по узкой комнате, пока у него не похолодели

конечности. Затем он был вынужден лечь на кушетку, закрыть лицо руками и ждать смерти. Именно во время этого мучительного ожидания даже самый сильный человек издавал причитания.

Тот, кто знал этот факт, мог понять причину, когда, как и в этот вечер, крики боли эхом отдавались в темных каменных покоех.

Многочисленные подземные помещения находятся в юго-западном квартале Афин, древнего города на скалах, который сейчас почти необитаем. В определенной части восточного основания Музеума есть три входа, центральный из которых несколько обветшал, которые ведут в две комнаты длиной 10-11 футов и похожий на колодец воздушный проход, соединенный с нижними коридорами. Эти камеры в скалах теперь носят название *hē fylakē tu Sokratus*, темница Сократа, и отмечены как таковые устной традицией.

Даже Мирмекс очнулся от своего безразличия и трижды плюнул себе на грудь, чтобы отвратить несчастье.

“Делай, как я, - сказал он своему хозяину, - отгоняй неудачу”.

Хипиллос ускорил шаг.

“Я ничего не боюсь за себя, - ответил он, - и я не могу помочь обреченному человеку”.

На лице его в этот момент застыло серьезное выражение, свидетельствовавшее о том, что, несмотря на свою молодость, он многое повидал и пережил.

IV.

Содержание

Отец Хипиллоса, Херетадес, один из опекунов детей-сирот, был уже преклонным человеком, когда потерял свою жену, мать Хипиллоса. После короткого тридцатидневного траура он женился на молодой вдове по имени Клеобула, славившейся своей красотой, но о которой в других отношениях не было сказано ничего хорошего. Не прошло и шести месяцев после этого, как ходили слухи, что она завела интригу с молодым каристианином, который жил в этом доме.

Слух об этом дошел до ушей Хипилла через рабов, и, тронутый до глубины души, он обвинил Клеобулу в ее позоре, но она призвала всех богов в свидетели того, что ее заподозрили несправедливо, и выглядела такой жалкой и прекрасной в своем отчаянном горе, что Хипилл не знал, чему верить. Но после того, как Каристианка покинула дом, ласки, которые она, как его мачеха, могла отважиться оказать сыну своего мужа, стали теплее, чем следовало, и когда на великом Панафинейском празднике он вернулся с процессии, одетый в праздничное одеяние, с гирляндой на волосах, она выбежала ему навстречу, обняла его и назвала своим юным Ипполитом, своим юным Тесеем. Он оттолкнул ее так яростно, что она упала на выложенный плиткой пол перистилия, и с этого часа Клеобул преследовал его с самой лютой ненавистью. Поскольку он оставался один - Шеретадес был полностью в ее власти — это постепенно развило в его натуре преждевременную твердость и решительность. Тем не менее, он был вынужден подчиниться многим вещам. Клеобула в конце концов заявила, что он общался с распутными

гуляками, и убедила своего мужа отправить его во флот из двадцати кораблей, с которыми Формион со второго года войны охранял устье Коринфского залива.

Хипиллос обнаружил флот у Антириума, напротив пелопоннесских галер. Казалось странным внезапно оказаться так близко от врага, что он мог слышать боевые песни спартанцев и видеть, как их копья и мечи сверкают на солнце. На борту молодые и пожилые были уверены в победе, поскольку недавно они разгромили коринфский флот, вдвое превосходящий их собственный.

Битва не затянулась надолго.

Ранним утром пелопоннесцы вошли на веслах в бухту напротив Навпакта, города, принадлежащего союзникам Афин. Формион спешил следом, чтобы защитить это место, когда враг внезапно сделал круг, которым они перехватили и захватили его последние девять кораблей. Хипиллос был восьмым и, обезумев оттого, что попал в руки врага, крикнул отряду мессенцев из Навпакта, которых увидел на берегу:

“Мессенцы! Будете ли вы спокойно смотреть на корабли, которые спешили на помощь вашему городу, захваченному врагом? Помогите нам спасти эту галеру. Когда мы окажемся на свободе, мы быстро спасем остальных”.

Люди на суше немного посовещались, затем вошли в море и помогли своим союзникам. Но едва корабль был освобожден, как он поплыл к следующему, и когда были спасены два, им легко удалось отбить остальные, так что пелопоннесцам удалось сохранить только одну из афинских галер. Тем временем Формион с остатками флота поплыл дальше, но, заметив, что пелопоннесцы не соблюдают порядка, он атаковал и разгромил их, захватив шесть кораблей. Афиняне подняли знак победы, насмехаясь над пелопоннесцами за то же самое.

Гипилла восхваляли повсюду, ибо он не только призвал мессенцев на помощь, но и храбро сражался и убил брата Ликофрона, одного из командиров вражеского флота.

Вернувшись в Афины, Хипилл застал своего отца на постели больного. Стыд за проступок Клеобула, который, наконец, уже нельзя было скрывать, подействовал на старика подобно медленному яду.

Доблесть Хипиллоса в морском сражении при Риуме была его последней радостью. В тот самый день, когда он услышал рассказ об этом от одного из офицеров флота, он испустил дух, держа руку сына в своей. Хипиллос искренне оплакивал своего отца. По завещанию покойного Клеобула получила более богатое приданое, чем имела право ожидать, но была вынуждена немедленно покинуть очаг, на который навлекла позор.

В то время, когда мы познакомились с Хипиллом, он был независимым владельцем прекрасного дома, множества рабов и состояния более чем в тридцать талантов.¹ Твердость, которую он приобрел в конфликте со своей злой мачехой, теперь сослужила ему хорошую службу. Рано научившись управлять собой, он был мудрее большинства мужчин своего возраста и не растрачивал свое имущество. Когда его упрекнули в том, что он не устроил день открытых дверей для своих друзей и не отправил на игры упряжку из четырех лошадей, он покачал головой и ответил:

“Почему я должен растрачивать свое наследство впустую? Когда—нибудь Афины постучатся в мою дверь и скажут: ”Дайте мне корабль для флота или хор для театра" - тогда настанет время проявить открытость".

Талант на чердаке равнялся примерно тысяче ста долларам.

V.

Содержание

Хипиллос и Мирмекс уже добрались до тесно построенного Керамикуса. Но даже на огромном рынке, который, наполовину залитый лунным светом, наполовину скрытый глубокой тенью, расстился перед ними со своими храмами, аркадами, киосками, алтарями, гермами и статуями, — даже здесь было мало движения.

Большинство людей давно вернулись из спортзала, вольноотпущенники и рабы выполнили дневные обязанности, а после захода солнца детям не разрешалось играть вне дверей домов.

И все же жизнь не была полностью безмолвной. Из винных лавок доносились смех и песни, а из мастерских многих скульпторов доносился тяжелый скрежет пил по камню; ибо в те дни у скульпторов было так много работы, что их рабам часто приходилось работать вечером и часть ночи. Время от времени из их бесчисленных скрытых нор в скалах доносилось уханье сов, и, как обычно осенью, были слышны, словно голоса из другого мира, жалобные крики невидимых перелетных птиц, перекликающихся друг с другом в ночи, когда они пролетают на головокружительной высоте над городом.

Хипиллос свернул в боковую улочку, которая вела от великолепной улицы, тянувшейся от Дипилумских ворот к длинному холму в мелитанском квартале. Здесь он велел Мирмексу погасить факел; затем, оглядевшись вокруг и прислушавшись, пока не убедился, что никто не следует за ним, он направился к одинокому дому у подножия холма, который при лунном свете представлял собой необычный вид.

У него был гиперон, или верхний этаж, который простирался только над частью здания, и на него можно было подняться по лестнице снаружи. Это был старомодный, но очень удобный архитектурный стиль, особенно когда этот верхний этаж использовался под комнаты для гостей. В те дни, когда таверны были почти неизвестны, почти каждый дом ежегодно посещали дальние гости, которые по большим праздникам приезжали в Афины, чтобы присутствовать на шествиях и факельных гонках или на представлениях в Театре Диониса. Оба этажа были настолько низкими, что человек, встав другому на плечи, мог бы дотянуться до крыши с помощью посоха. Тем не менее, дом имел определенный вид особняка, возвышавшегося на огромной известняковой скале, в осыпающихся стенах которой были высечены десять или двенадцать ступеней.

Когда Хипиллос и его спутник направились к дому, на внешней лестнице послышался шорох, и на фоне серого вечернего неба внезапно появилась фигура мальчика с коротко остриженными волосами — несомненно, молодого раба, приставленного нести вахту. При виде приближающихся фигур он начал петь во весь голос, очевидно, чтобы привлечь внимание обитателей дома, начало старого хора Гармония:

“Никогда еще в Афинах не было такого человека, никогда гражданин так не служил городу...”

Затем он внезапно остановился, и в тишине, которая казалась вдвойне глубокой, чем прежде, в доме слышался собачий лай. Хипиллос подошел к двери дома и сделал знак Мирмексу постучать медным кольцом. Едва успел обрушиться тяжелый удар, как слышался неистовый оглушительный лай, прерванный коротким воем, как будто собаку заставили замолчать пинком. Слышались тяжелые шаги, и грубый голос спросил:

- Кто стучит так поздно?

Хипиллос оттолкнул Мирмекса в сторону и, когда тот произнес имя своего господина, сам приложил губы к двери и тихо ответил:

“Зевс Филиос и Ника”.

Очевидно, это было заранее заготовленное слово-лозунг, потому что дверь мгновенно открылась. Привратник, крупный, сильный раб с темно-каштановыми волосами и бородой, высоко поднял копящий светильник и, узнав Хипилла, сказал таинственным тоном: “Пришли Ксенокл и Акестор”. Затем он повел его через внутренний двор шириной всего в пять или шесть шагов в комнату, из которой доносилось эхо громких голосов и смеха.

VI.

Содержание

Хипиллос приподнял занавесь, висевшую над дверью, и вошел в маленькую низкую комнату, освещенную лампой с двумя фитилями, установленной на высоком бронзовом пьедестале. Остальная мебель состояла из четырех кушеток и стола, уставленного кубками, венками, повязками для волос и алебастровыми флаконами с духами с такими узкими горлышками, что драгоценное содержимое могло вытекать только капля за каплей.

В этой комнате находились трое мужчин. Двое полулежали на том же диване, наполовину прислонившись друг к другу, третий стоял перед ними, скрестив руки на груди, и разговаривал с парой. Один из пары на диване был невысоким седовласым мужчиной в белом одеянии со странно блестящими глазами, другой - статным мужчиной с длинными черными локонами и кольцами на пальцах, одетым в эффектную желтую мантию. Тот, кто стоял перед ними, был крупным, плотным лысым мужчиной с обветренным лицом и седой бородой, очень просто одетым в серый хитон, но в его осанке было что-то такое, что привлекало внимание. Он высоко держал голову, и весь его внешний облик нес на себе отпечаток непоколебимой уверенности в себе и несгибаемой гордости. Очевидно, он был человеком действия и не раз принимал командование, когда речь шла о жизни и смерти. Его манеры ясно показывали, что он был хозяином, а остальные - его гостями.

Когда вошел Хипиллос, он сделал несколько шагов ему навстречу, похлопал по плечу и сказал отрывисто и громко: “Мне нравятся юноши, которые приходят в нужный час, несмотря на гонки на колесницах, игральные кости, женщин и вино. Клянусь Зевсом, когда я был молод, я всегда опаздывал.

Туфраст — так звали говорившего — раньше был капитаном всадников и был известен под именем Кодон, зазывала. Из-за астмы или привычки он редко произносил больше пяти-шести слов за раз, причем так резко, что его речь действительно чем-то напоминала собачий лай.

“Ha! ha! ха!” - подхватил маленький седовласый человечек. “И я часто был вне дома до поздней ночи. Но, хотя мой отец был всего лишь бедным мельником, он достаточно строго следил за своим хозяйством. Долгое время я велела нашей старой рабыне поставить пару пыльных сандалий у моей двери, чтобы он думал, что я дома. Однако однажды ночью он обнаружил, что комната пуста, так что с фокусом было покончено. Ах, тогда я был молодым человеком — кажется, это было так недавно, — а теперь я стар”.

Гипиллос приветствовал говорившего с подчеркнутым уважением. Это был архитектор Ксенокл, отец прекрасной Клити.

“Старый!” — повторил человек в желтой мантии - оратор и актер—трагик. - “Старый, не говори так!” И, взглянув на остальных, он добавил: “Несмотря на свои седые волосы, Ксенокл - самый деятельный человек среди нас. Подобно лебедю, птице Феба—Аполлона, у него нет возраста”.

“Хм, ” едко пробормотал Туфраст, “ не слушай его. Ораторы - искусные льстецы. Старый друг, ” продолжил он, положив руку на плечо Ксенокла, “ мы оба знаем лучше. Возраст - это болезнь всего организма. Мы можем — за сотню шагов — отличить *жеребца Коппа* от животного, предназначенного для жертвоприношения; мы можем, если необходимо, жевать наш ячменный хлеб, но... девушки отворачиваются от нас.

Хипиллос обменялся холодным приветствием с величественным Акестором, признанным поклонником Клити.

Последний, казалось, едва заметил молодого человека, потому что Хипиллоса знали немногие, в то время как каждый ребенок узнавал оратора Акестора. Он хорошо знал, что нравится толпе, и с одинаковой легкостью и беглостью рассказывал о кампаниях, судебных делах, искусстве, разработке рудников и выращивании виноградников. Всем, что он узнал, он был обязан исключительно своей превосходной памяти — он был далеко не настолько богат, чтобы владеть библиотекой. Книги стоили необычайно дорого. Три небольших трактата Филолая, философа-пифагорейца, стоили 110 мин.[Джей](#)

[J](#)Около 1800 долларов.

То ли из-за недостатка воли, то ли из-за недостатка убежденности, Акестор в одном отношении был неспособным оратором. Он никогда не мог контролировать собрание, которое было ему неуютно. Признаки неодобрения со стороны большинства полностью расстраивали его, затуманивали разум и заставляли противоречить самому себе. И все же он был способен влиять на аудиторию так, как ему заблагорассудится, когда был уверен, что его слушатели рядом с ним. Казалось, он был создан для того, чтобы вводить в заблуждение доверчивых людей; тысячи и тысячи аплодировали ему, и многие думали, что как оратор и спорщик он превзошел Антифона Рамнузийца, а как трагик заслуживал того, чтобы встать в один ряд с великими Пратинами. Более проницательные, с другой стороны, придерживались совершенно иного мнения; они говорили, что он “возгордился до такой степени, что город стал для него слишком мал”, считали его голос визгливым, а заявления ненадежными, а что касается его трагедии, то они вместе со

старым Кратинном заметили, что его “следовало бы выпороть, пока он не научится писать короче”.

Его злейшие противники пошли еще дальше. Они открыто называли его *карийцем* или *фригийцем*, более того, даже дали ему рабское имя *Сакас*- все для того, чтобы показать, что они считают его не коренным афинянином, а иностранцем, который тайком проник в список граждан. Наказание за это наложение было очень суровым и состояло в стрижке волос и порабощении. И все же не было ничего более распространенного, чем для иностранцев, более того, даже беглых рабов, давать взятки регистраторам и заноситься в реестр граждан. Пересмотр этого реестра привел к ошеломляющему, почти невероятному открытию, что не менее 4760 человек инсинуировали себя среди 14 240 коренных жителей.

Хипиллос еще не успел занять свое место, когда снаружи снова послышался звучный голос мальчика-раба. Удар дверного молотка эхом разнесся по дому, и собака в прихожей принялась, но, вспомнив о пинке, ограничилась рычанием. Вскоре после этого по перистиллю разнеслись необычайно твердые шаги.

“Тише!” воскликнул маленький Ксенокл. “Что за шаг. Если бы приближался сам Геракл, звук не мог быть другим. Держу пари, это Ламон.

VII.

Содержание

Дверная занавеска отодвинулась, впуская широкоплечего мужчину среднего роста, с мускулистыми конечностями, загорелой кожей, короткой шеей, вьющимися локонами и густой бородой. Он носил пурпурную повязку на волосах и был одет в мантию ослепительной белизны. Это был Ламон, прославившийся своей недюжинной силой, который на 88-й Олимпиаде завоевал бы приз по борьбе, если бы случайно не раздавил насмерть своего противника, гераклеотийского атлета. Ламон был фуллером по профессии. В те дни, когда обычно носили белую одежду, этот бизнес был очень распространенным и очень прибыльным занятием, поскольку тонкую шерстяную ткань каждый раз, когда ее нужно было очищать от пятен и загрязнений, приходилось поручать валяльщику, где, помимо прочих процессов, ее подвергали искусному отбеливанию. Поэтому Ламона, безусловно, не без оснований, считали очень состоятельным гражданином.

В приветствии всех присутствовало молчаливое восхищение, смешанное с оттенком покорности. В то время сила была силой, перед которой преклонялись все. Один только Туфраст не выказывал особого почтения. Этот человек, принадлежавший к одной из самых знатных семей Афин, рано продемонстрировал многочисленные доказательства ума и мужества. Однажды, во время похода против мятежной Мегары, он был отделен от тяжеловооруженных войск густым туманом и очень сильно тесним врагом. Ночью он приказал каждому из своих людей собрать две подстилки из листьев, а на рассвете отступил. Мегарцы погнались за ними, пересчитали кучи листьев и, полагая, что аттических всадников вдвое больше, чем было на самом деле, не осмелились напасть на них, а держали совет. Тем временем подошел Перикл со своими тяжеловооруженными войсками, и мегарцы были окружены, что положило конец кампании.

Но Туфраст сознавал свое отличие. У него была своеобразная манера пользоваться глазами: он медленно опускал их, как бы оценивая человека, с которым разговаривал, с головы до ног. Ламон был таким образом осмотрен, после чего он приветствовал его, правда, с некоторой сдержанностью, как один великий человек приветствует другого, но с очевидной доброжелательностью.

Величественный актер вскочил со своего ложа, подошел к фуллеру и, пожав ему руку, сказал:

“Я приветствую тебя, Геракл наших дней!” Затем, повернувшись к остальным — обычно он, казалось, обращался к как можно большему количеству людей одновременно— “С Ламоном среди нас мы можем смеяться над всеми стукачами и рабами городской полиции. Хвала Ламону, он наш щит, наша броня!”

С этими словами Акестор поднял голову и выпятил грудь, как будто, поклонившись другому, он поспешил занять подобающее ему место.

Ламон, который, как большинство удивительно сильных мужчин, был несколько серьезен и неразговорчив, теперь впервые открыл рот и, не обращая ни малейшего внимания на лесть Акестора, сказал:

“Уже поздно. Если бы пришли Стенелус и Лизитель, мы могли бы начать.”

С этими словами он откинулся на ложе напротив Ксенокла и поманил к себе Гипилла.

VIII.

Содержание

Желание Ламона, по-видимому, было озвучено в удачный час; едва оно было произнесено, как в доме снова поднялся переполох, и сразу после этого в наружном перистиле раздались голоса. Это был своеобразный обмен словами, который вряд ли можно было назвать разговором, поскольку было слышно только каждое второе предложение. Особенно у одного из говоривших был такой низкий голос, что он терялся в слабом бормотании. Другой, напротив, говорил очень высоким, чистым тоном, подчеркивая каждый слог с отчетливостью, которая могла возникнуть только в результате долгой тренировки. Нетрудно было догадаться, что манера его речи была связана с его профессией обращаться со словами к многочисленному собранию. И все же, хотя его голос был так хорошо развит, в тоне было что-то легкомысленное, насмешливое, почти дерзкое, что исключало мысль о том, что этот человек мог быть оратором.

Диалог снаружи начался со скулящего бормотания, которое звучало почти так, как будто исходило от безутешной собаки.

“Почему? - ответил громкоголосый оратор. - Что в этом странного? Где двум оборванцам вроде нас лучше встретиться, чем на Агоре Гиматиополиса (Тряпичном рынке)?”

Снова слышалось бормотание, похожее на слабый протест.

“Простак!” - ответил громкий голос, и каждое звучное аттическое слово прозвучало так отчетливо, что невозможно было не прислушаться. “Как ты можешь стать богаче, чем ты есть? Мой плащ, моя мантия, каждая ниточка, которая у меня есть, принадлежат торговцам одеждой,

это моя собственность! Но вино, которое у меня здесь есть, ” (слушатели знали, что оратор похлопал себя по животу), - принадлежит мне, оно мое, — мое собственное, вы понимаете? — даже если за него не заплачено. Так разве я не прав, что ценю вино больше, чем одежду?”

Ответом на этот вопрос был грубый смех, который вряд ли мог исходить от человека с низким голосом, но, несомненно, был произнесен привратником, когда он следовал за гостями через перистиль.

- Отлично! - воскликнул Ксенокл, улыбаясь. - А вот и наш веселый брат-актер Стенелус.

“И другой”, - добавил Акестор, как будто последний посетитель не заслуживал упоминания по имени.

Занавес поднялся, и вошли два человека, каждый по-своему странной фигуры. Красноречивый человек, комик Стенелус, был пухлым парнем лет сорока, с красным лицом, еще более розовым носом, маленькими пронизательными глазами и взъерошенными каштановыми волосами. Его костюм состоял из поношенного серого халата, белая кайма которого была вся в пятнах. При первом шаге через дверь он низко склонился набок - он сильно хромотал. Он не был рожден с этим недостатком, но однажды, на одном из великих празднеств, изображая Кекропса с развевающимися перьями, расшитым золотом плащом и мечом с рукоятью из слоновой кости на боку, он неосторожно сошел с доски и упал. Наполовину оглушенный случившимся, он услышал, словно во сне, неистовый смех толпы. Ибо где был Кекропс? Шлем и маска героя валялись в пыли, и внезапно появилось красное лицо комедианта, в то время как под великолепными одеяниями скрывались какие-то поношенные лохмотья с парой тонких ног, непропорциональности которых огромному *укотурни* было бы достаточно, чтобы вызвать веселье у толпы. Но это падение, вызванное смехом тысяч и тысяч людей, имело серьезные последствия; с того дня Стенелус стал хромым.

Никто не жалел его. Кто много знал о бедном комике? В каком бы образе он ни появлялся, зрители видели только тесную льняную маску, закрывавшую всю голову, и костюм, подходивший к маске. "Агонист" может сниматься в трех или четырех частях, год за годом по большим праздникам, может состариться на сцене, но завоевать восхищение и привязанность — невозможно! Это была реалистичная маскировка, маска и одеяние, которым народ аплодировал. *Кто* скрывался под ним, никто не знал, да и никому не хотелось знать.

Поскольку хромота Стенелуса сделала его бесполезным как актера, он был вынужден пробивать себе дорогу в мире, насколько это было в его силах. Скучной милостыни, которую государство раздавало всем калекам, было далеко не достаточно для его нужд. Сначала он продавал свои сценические принадлежности, маски, кинжалы и т.д., А затем бродил по маленьким городкам по соседству с Афинами, веселя жителей. Он перешел, как сам говорил, от трагедии к комедии. Шутки стали его средством к существованию, и, чтобы поддержать мужество, он выпивал при каждом удобном случае, а в те дни такие возможности не были редкостью.

“ Почему? почему? - воскликнул он, входя. - Вы так же серьезны, как сами Ареопagitы. Клянусь Гераклом, там, где я был, было намного оживленнее! Я родом из Галипедона; добрые люди там развлекались, прыгая на кожаных бутылках. Наконец толстый торговец сосисками наступил своей плоской ногой на одну из них, так что она с громким треском лопнула, и он шлепнулся на спину посреди грязи. На нем не было ни единой сухой нитки. Ha! ha! ha!”

Другой новоприбывший, Лиситель, маленький, сморщенный, горбатый человечек, дернул Стенела за мантию, предупреждая, чтобы тот не шумел. Затем он поприветствовал собравшихся, но неловко, смиренно, как будто знал, что никто не заметит приветствия, после чего еще больше ушел в себя, так что от его лица не было видно ничего, кроме большого бледного лба, покрытого сетью морщин.

Этот человек был одним из вконец разорившихся бездельников, которых было так много в Афинах. В юности он был привлекательным, веселым, надменным и экстравагантным, но все, что осталось от “великолепного” Лисителя, - это дряхлый шестидесятилетний старик, у которого с возрастом покраснели слезящиеся глаза. Шут Мейдиас утверждал, что Гермес превратил свои глаза в два источника, которые день и ночь оплакивали его утраченное состояние. В целом, Лиситель привык, что его делают объектом шуток. Несколько распутных молодых людей однажды затащили его на обед в дом Эгидиона, хорошо известной гетеры из Коринфа. После банкета был задан этот вопрос.

- Может ли кто-нибудь сказать, почему Лиситель более кривой, чем любой другой афинянин?

Эгидион, которая, одетая в полупрозрачное одеяние из Аморгоса, полулежала на кушетке, протянула свою гладкую руку, украшенную золотым браслетом, и поманила Лизителеса. Устремив на него свои темные глаза, она легонько похлопала его по худому животу и сказала: “Пустому мешку трудно стоять прямо”.

IX.

Содержание

Туфраст пригласил последних прибывших сесть.

Лизитель занял самое дальнее ложе в задней части зала, в то время как Стенелий растянулся во весь рост на одном из передних, рядом с хозяином дома.

Затем на выложенный плиткой пол поставили высокий сосуд для смешивания. Это была ваза из обожженной глины, украшенная маской Силена, окруженная фруктами и цветами. В этот прекрасный сосуд было налито чианское вино, предварительно смешанное — по общему желанию — в пропорции одна часть вина к трем частям воды. Один только Стенелус возразил. “Это лягушачье вино, а не человеческое!” - сказал он.

Туфраст подарил каждому из своих гостей по венку и поставил перед ложами маленькие столики с кубками.

Для любого, знакомого с аттическими обычаями, в этих приготовлениях было что-то примечательное. Не было ни одного раба, который мог бы прислуживать компании. Это исключение слуг едва ли было естественным; но оно соответствовало тому, что у дверей дома требовали слова-лозунга. Очевидно, это была не обычная попойка.

Когда кубки были наполнены, Туфраст выступил вперед среди мужчин с определенной торжественностью. Налив немного смешанного вина в неглубокую чашу для питья, он сказал: “За добрый дух”, отхлебнул ликера и передал чашу своему ближайшему соседу.

Пока вино разливалось по компании, он обвел присутствующих серьезным взглядом, затем, повысив голос, сказал в своей необычно резкой манере:

“Вскоре — в одиннадцатый день месяца — состоится народное собрание и выборы магистратов. Кто может предвидеть результат? Выйдем ли мы, радуясь как победители, или скорбя и раздраженные поражением?”

Один из фитилей лампы вспыхнул. Взгляд Фуфраста остановился на Лизителесе, который сидел, съежившись, в конце группы. Старый капитан счел его поведение недостаточно внимательным.

- Человек! - крикнул он, словно хотел пробудить его ото сна.

Лизитель вздрогнул и приблизился нетвердыми шагами, выглядя еще более горбатым, чем раньше.

“Выборы не за горами”, - повторил Туфраст, повысив голос, как будто обращался к глухому. “Многие, ” добавил он, кладя руку на плечо Лисителя, - видят в тебе человека, жестоко преследуемого богами, которому никто ни в чем не должен отказывать. Другие люди раньше были вашими друзьями и компаньонами за столом. Вы можете выиграть голоса — много голосов, если захотите.”

“Но, - сказал Акестор, - у него легкие мозги; он может предать нас”.

Стенелий привстал со своего ложа. Казалось, между ним и Лисителем установились особые дружеские отношения. Он сам насмеялся над ним, но никому другому не позволил бы этого сделать.

“Безмозглый? - повторил он и, пристально глядя на Акестора, свернул ковер, расстеленный на кушетке, в узел и, опершись на него локтем, немного приподнялся. “Друзья мои, ” продолжал он, взмахнув рукой жестом оратора, “ прислушайтесь ко мне! Я знаю человека, который в прежние времена был красив, богат и экстравагантен. Его называли “Великолепный”. Теперь он всего лишь тень и считает себя червем. Я знаю и другого человека. Он такой же эффектный и величественный, как один из павлинов Пирилампия, пустой и шумный, как барабан; но из-за того, что многие восхищаются им, он воображает себя полубогом и ведет себя так, как будто победил самого персидского царя. А теперь я спрашиваю, кто из этих двоих более легкомысленный?”

- Клянусь Зевсом вторым! - воскликнул маленький Ксенокл скорее поспешно, чем благоразумно.

Все, кроме мрачного Ламона, разразились взрывом смеха, потому что такой ответ дал Ксенокл, друг Акестора.

В глазах Акестора вспыхнул гневный огонек; его губы приоткрылись. Но Туфраст опередил его.

“ Никаких ссор! - резко крикнул он. “ Лизитель поклялся в верности. Он сдержит свою клятву.

“ Так и будет, - сказал Стенелус, бросив взгляд на Акестора. “Разве он не знает — как и все мы, — что обнаженный меч висит над нашими головами?”

“Ах!” добавил Ксенокл. - Это злые дни. Какие перемены произошли за последние несколько месяцев! Первое счастье, ликование, опьянение битвой, когда был определен поход на Сицилию. Молодые люди стекались в школы борьбы и бани, те, что постарше, - в мастерские и винные погреба; был описан и зарисован остров с окружающим морем и городами, обращенными к Ливии. Все цитировали слова Алкивиада: ‘Сицилия — это всего лишь задаток, Ливия и Кархедон - плата за битву. Когда мы однажды овладеем ими, мы завоюем Италию и окружим Пелопоннес. Перед нами великое будущее; Афины достойны править миром!’”

“Да, - сказал Акестор, - и вот, посреди веселья появились дурные знаки и предзнаменования. О чем люди шептались друг другу на ухо?” Добрый дух Сократа предсказал зло — прорицатели и оракул Амона предсказали ужасные вещи — человек изуродовал себя на алтаре двенадцати богов, а вороны склевывали золотые плоды с бронзовой пальмы в Дельфах”.

“По правде говоря, - продолжал Ксенокл, “ предзнаменования не были ложными. Вскоре наступило то роковое утро, когда все гермы на рыночной площади, за исключением тех, что находились снаружи дома Леагораса, были найдены сломанными и позорно изуродованными. Должно быть, многие наглые руки объединились, чтобы совершить столько зла за одну ночь. Кто когда-нибудь забудет ужасный переполох в городе, когда стало известно о святотатстве? Все утро раздавались голоса герольдов, созывавших людей сначала в совет, а затем в народное собрание. Незадолго до полудня за первое обвинение была предложена награда в десять тысяч драхм. Это открыло дверь всем силам зла. Граждане, метисы и рабы соперничали друг с другом, выдвигая обвинения в совете. Какой толк от того, что Алкивиаду было приказано плыть с флотом? На этом дело не закончилось”

“Напротив,” пробормотал Туфраст, “ день ото дня судебных преследований становилось все больше. Каждый раз, когда герольды созывали народ на совет, возникал ужас и смятение. Мирные горожане, беседовавшие на рынке, поспешно разошлись друг от друга — каждый опасался ложного обвинения и искал убежища у своего собственного очага”.

“И не без причины”, - заметил Ксенокл. “Что стало с теми, кого осудили, такими как Диоклейд или богатый метик Тевкр?— все пропали, либо беглецы, либо приговоренные к смертной казни! Вспомните двух членов совета, которые сначала искали убежища у алтаря богов, а потом — когда за них был внесен залог — вскочили на коней, оставив жен, детей и все, что у них было, — радуясь спасению только своих жизней! Хвала богам, в последнее время в городе стало спокойнее.

“Не перестраховывайся”, - предостерегающим тоном сказал Акестор. “Фанус, клерк и доверенное лицо Клеона, не забыл того времени, когда его хозяин был казначеем. Он терпел недоброжелательство всех гетерий, но после смерти Клеона стал в три раза хуже. Теперь, когда он присоединился к Пейсандру, Хариклу и другим открытым или тайным правителям, он видит в каждой дружеской встрече угрозу безопасности государства и имеет на своем жалованье целую свору осведомителей, которые, подобно ищейкам, понимают, как учуять гетеру, часто без какой-либо иной зацепки, кроме случайного слова или туманного намека ”.

Лизитель застонал; все остальные замолчали.

Х.

Содержание

Прошло некоторое время, прежде чем разговор возобновился. Казалось, между этими “друзьями” не было особой дружбы; у каждого были свои надежды и пожелания.

Туф-Краст хотел быть избранным государственным посланником в один из городов-данников, которые угрожали восстанием. Это был офис, который просуществовал всего тридцать дней, но за это короткое время предоставил прекрасную возможность для зарабатывания денег. Посланнику нужно было только внушить городу страх перед суровым наказанием, побудить его заключить соглашение, в котором он выдвигал свои требования как можно выше и требовал оплаты каждого отдельного пункта наличными деньгами. Это был универсальный метод действий, и Туфраст без колебаний последовал ему. Сам по себе гордый капитан “хорса” мало ценил деньги; но он был плохим управляющим и постоянно влезал в долги. Это было небезопасно в период, когда безответственный должник мог быть продан в рабство, поэтому для него было чрезвычайно важно быть избранным, и он с тревогой ожидал, что принесет следующее народное собрание.

Ксенокл не стремился так высоко. Он хотел быть зрителем общественных акведуков. Они, снабжавшиеся водой с соседних гор, не имели никакого сходства с римскими акведуками, а состояли из глубоких каналов с резервуарами, из которых вода поступала в город. Никто не был так хорошо знаком с этой гигантской работой, как Ксенокл, ибо в юности он работал у Метона, который руководил раскопками и кладкой всей новейшей части.

“Если бы ты не был членом нашей гетерии, - сказал Стенелус, - у тебя никогда не было бы моего голоса”. И когда Ксенокл спросил о причине, он ответил: “Потому что, клянусь Зевсом, ты слишком хорошо знаешь акведуки — ты будешь дорогостоящим зрителем”.

Ламон лелеял совершенно другие желания. Он хотел быть гимназиархом — должность, для которой он подходил как благодаря своей ловкости в физических упражнениях, так и благодаря необычной силе. Он был одним из тех, кто ежедневно посещал Лицей. Было приятно бродить среди толпы в мраморных залах без крыш, расположенных вокруг открытых площадей, и смотреть на желтовато-белый песок, где сотни самых красивых юношей, борющихся обнаженными на солнце, демонстрировали свою ловкость и силу.

К. Инспектор гимназии.

Акестор соглашался с Фуфрастом, льстил Ламону и говорил то, что, по его мнению, понравилось бы Ксеноклу; но в глубине души он презирал их всех и считал себя главным человеком в гетерии. Тем не менее, он, казалось, не желал ничего, кроме как стать одним из народных защитников. Каждый, кто знал его высокое мнение о себе, удивлялся, что он не стремится к какой-то более высокой цели. Гипилл также заметил, что Акестор был необычно молчалив на последних собраниях гетерии, и пришел к выводу, что он вынашивает какой-то тайный план. Туфрасту тоже показалось странным его поведение, и он решил не спускать с него глаз.

Хипиллос находился совсем в другом положении. Поскольку с его состоянием он принадлежал к классу "рыцарей" и был обязан служить в конных войсках с оружием, лошадьми и другим дорогостоящим снаряжением, необходимым для выполнения этой обязанности, мысль о получении должности капитана полиции была естественной. С помощью Туфраста и других ему удалось быть избранным, и таким образом он достиг цели своих желаний, но, поступив так, он ни в коем случае не ослабил уз, связывающих их с гетерией.

Стенелус хотел бы стать общественным глашатаем, но он был калекой, а глашатаи, эти священные и безупречные люди со змеиными посохами, "друзья Зевса", должны быть людьми без каких-либо физических недостатков. Поэтому, подобно Лисителю, он был вынужден ждать, пока не будет избран один из их более удачливо расположенных "друзей". Многие из тех, кого выбрали на государственные должности, могли бы иметь клерков, и для Стенела и Лисителя, из домов которых никогда не поднимался дым, жалование клерка, пусть и небольшое, было бы настоящим благословением богов.

Туфраст говорил о многочисленных судебных делах, которые посыплются на него, когда истечет срок его посольства. Угнетенные граждане, доносчики, знавшие, что он раздобыл деньги, завистливые коллеги—адвокаты - все бросились бы к нему.

"Так что стоит, друзья, проявить твердость", - сказал он. "Ты, Хипиллос, - добавил он с обаятельной улыбкой, - должен постараться, чтобы твой дядя предстал перед судом".

Очевидно, это был намек на очень аристократичного и выдающегося человека. Было обычным делом приводить влиятельные семьи в суды, чтобы произвести впечатление на судей. Ксенокл, который с самой своей бедной юности питал особое почтение ко всем выдающимся личностям, поднял голову, как лошадь, наострившая уши.

"Дядя Хипиллоса? - кто это? - спросил он.

- Бывший архонт Евтидем.

- Архонт! - повторил Ксенокл, глядя на Хипилла так, словно тот внезапно вырос выше ростом.

Хипиллос подумал о красотке Клити и не упустил своей возможности.

"Ну да," небрежно сказал он, "говорят, что наша семья происходит от Паллантидов, старых противников Тесея. В нем насчитывалось немало архонтов, среди них тот, чье имя вы все знаете, — Лакратейд.

"Что?! - воскликнул Ламон с неожиданной энергией. "Тот, в чьем архонстве случилась суровая зима. Моя бабушка часто говорила об этом. Дороги были занесены снегом, и бедняки боролись за место в банях, так что некоторые падали на печи и обжигались".

Ксенокл уставился на Хипиллоса.

"Потомок Лакратейдов!" воскликнул он, всплеснув обеими руками. "Превосходный молодой человек! Ты принадлежишь к одной из благороднейших рас Афин — и до сих пор ни разу не упоминал об этом!

Туфраст, которому это молчание показалось долгим, громко откашлялся.

“К делу! - резко сказал он. “Что думаешь? Будем иметь дело с Мегасом, красильщиком?”

“Он человек весьма уважаемый”, - ответил Ламон. “Вся его семейная родня видит его глазами и говорит его устами. Он располагает большим количеством голосов”.

“Мегас!” воскликнул Стенелий. - Красильщик без мастерской ... да, клянусь Зевсом, я знаю его. Он человек строгих спартанских манер — всегда ходит просто одетым и босиком.... Но когда этот образец мужественной трезвости встречается со своими товарищами по ночам, нет — клянусь вам - такого позора, который не был бы совершен. Для меня этот Мегас отвратителен”.

“Ну, есть еще Медон, литейщик меди”, - сказал Ксенокл. “С ним приятнее торговаться. Ты его знаешь?— Полный, загорелый мужчина, который любит вино и всегда смеется. Его семья даже более многочисленна, чем та, главой которой является Мегас.”

“Почему бы не выиграть их обоих?” - спросил Хипиллос.

“У нас недостаточно денег”, - ответил Туфраст.

- Это будет Медон? - спросил Ксенокл.

После некоторого обсуждения это было в целом одобрено.

— Но, - сказал Хипилл, более вдумчивый, чем некоторые из старших мужчин, - если Мегас узнает, что мы идем в Медон, не рассердится ли он и, возможно, не предаст нас?

XI.

Содержание

Как капитан конной полиции Хипиллос был обязан иметь шлем, нагрудник, щит, копье, меч и шпоры; помимо доспехов, необходимых для защиты лба, груди и боков лошади. Большая часть этого дорогостоящего снаряжения была изготовлена оружейником Сауром. Последний жил, как большинство тех, кто занимался его ремеслом, не в квартале Скамбонидов в городе, а на улице солнечных часов, и его кузница находилась в переулке наискосок напротив пристройки к дому Ксенокла. Это было место, которое Хипиллос никогда не уставал посещать; просто знать, что он находится рядом с красоткой Клити, доставляло ему удовольствие.

На следующий день после встречи в доме Туфраста он должен был примерить кирасу. Он добрался до лавки Саура в сумерках. Кузнец ушел, но молодой раб, который подпиливал металлическую пластину, думал, что он скоро вернется. Мастерская была наполнена дымом и неприятными запахами, поэтому Хипиллос предпочел подождать снаружи.

Роскошный сад простирался до склона, вдоль которого тянулась дорожка, заросшая виноградными лозами, поддерживаемыми поперечными перекладинами, опирающимися на высокие шесты. Конец этой аллеи, где стоял Хипиллос, был закрыт полуразрушенной стеной.

С этого места открывался широкий вид. Слева возвышался холм Музеиум, а дальше в воздух вздымался Акрополь. Улицы, деревья и дома между ними выделялись смутными очертаниями во мраке сумерек. Тут и там горели фонари. Небо было слегка затянуто тучами, и от листвы исходил сильный запах, как будто собирался дождь. Время от времени сонный порыв ветра шевелил

влажный воздух. Все выражало умиротворение и покой, и в этом квартале города царила глубочайшая тишина.

Внезапно чуть поодаль послышались легкие шаги и таинственный шепот.

Хипиллос заглянул в щель в разрушенной стене и увидел нескольких женщин, приближающихся с другого конца дорожки. Первый нес фонарь с роговыми вставками и, казалось, показывал второму дорогу. За ним последовала третья фигура.

Женщина с фонарем была одета в странный, диковинный костюм. Над ее головой синяя ткань, расшитая серебряными звездами, была натянута длинными складками, две из которых ниспадали на грудь, а в волосах надо лбом, вместо заколки, поблескивало золотое солнце. На ней было голубое платье, а через грудь и плечо проходила широкая белая лента, на которой были вышиты золотые солнца, полумесяцы и звезды.

В это время в Афинах жила женщина иностранного происхождения по имени Нина, которая называла себя жрицей фригийского бога Сабазия. Она предсказывала будущие события и варила любовные зелья, призывая богов и демонов. Ходили слухи, что у нее было большое количество клиентов, особенно женщин.

Хипиллос не сомневался, что это был именно тот человек, которого он видел. На вид ей было около сорока лет; ее лицо все еще было красивым, хотя и необычайно бледным, холодным и неподвижным, словно высеченным из камня.

Ее спутница была плотно закрыта вуалью и закутана в длинную темную мантию, надвинутую на лицо наподобие капюшона. Хипиллос не мог разглядеть ни малейшего проблеска ее черт, но, насколько он мог судить по ее фигуре, осанке и походке, она была молода, и такой же казалась женщина-рабыня, которая следовала за ней.

Вновь пришедшие направили свои шаги к увитой виноградом аллее, где стоял Хипиллос. Жрица Сабазия поставила фонарь на каменный стол прямо внутри разрушенной стены и достала из корзины множество странных предметов. Насколько Хипиллос мог разглядеть в тусклом свете, среди них были металлические чаши, лавровые ветви, пурпурная шерсть, железная решетка, несколько восковых фигурок и колесо.

Во время этих приготовлений ее спутница под вуалью часто проявляла признаки нетерпения.

“О, если бы я никогда не приходила!” - воскликнула она. “Дочь вне дома своего отца после наступления темноты! Если моя мать будет скучать по мне — какой позор!”

Голос, который ясным музыкальным эхом разносился в вечерней тишине, заставил сердце Хипиллоса учащенно забиться. Он никогда не слышал, чтобы Клити говорила, но ему показалось, что она *должна* говорить именно так.

“Не бойся, прелестная девушка”, - сказал Нинус необычайно глубоким голосом с иностранным акцентом. “Пусть Дорис сбегает обратно и посторожит. Тогда вас сразу же позовут.

- Да, дорогая Дорис, беги, беги!

Раб медлил, но был вынужден повиноваться.

Услышав имя Дорис, Хипиллос укрепился в мысли, что перед ним Клития, потому что рабыню, от которой он узнал от Манодороса, что ее госпожа любит его, звали Дорис.

“Поторопись, добрый Нинус”, - сказала фигура в вуали, когда она осталась наедине со жрицей. “Я дрожу от страха”.

“Дай мне время”, - пробормотал Нинус. “Как ты думаешь, можно ли призывать богов, когда мы черпаем воду или рубим дрова? Было бы жаль, ” добавила она, указывая на многочисленные предметы на столе, “ если бы все это было сделано напрасно. Мне пришлось торговаться с рабами и подкупать их. Как еще я мог достать мужской ботинок или бахромку от его верхней одежды? Но торговаться и давать взятки...”

Нинус сделал паузу, искоса взглянув на молодую девушку, которая хранила молчание. Жрица поняла, что должна говорить яснее.

“Но для подкупа, - добавила она, - нужны деньги, очень много денег”.

- У меня их нет, у меня никогда не было денег.

Очевидно, Нинусу не в первый раз давали такой ответ. Она поняла, как помочь себе.

- Ну-ну! - воскликнула она. - Если у тебя нет денег, мой милый, то у тебя, наверное, много колец, застёжек и тому подобных вещей.

Фигура в вуали откинула плащ; на мгновение показались две ослепительно белые руки и сняли брошь с ее лба. Но свет от фонаря был таким слабым, что Хипиллос скорее вообразил, чем увидел черты лица, которые были для него самыми дорогими в мире.

“Возьми это украшение, - сказала она, - у меня их много.... Возьми также эту булавку и застёжку”.

Нинус склонила голову, чтобы скрыть свой восторг.

- Великодушная девушка! - воскликнула она. - Кто бы с радостью не служил девушке, прекрасной, как Афродита, и цветущей, как Артемида?

“Передай свою благодарность Дорис”, - сказала фигура в вуали. “Она убедила меня прийти. Она рассказала вам все, даже ту ужасную вещь — самое страшное несчастье, которое могло со мной случиться.”

XII.

Содержание

Хипиллос напряг свое внимание до предела.

Сама Нинус, казалось, несколько задумалась, услышав слова девушки.

“Почему бы тебе не поговорить со своей матерью?” - спросила она.

“ Ах, нет, нет! Мама не рискнет помочь мне. Она хочет только того, чего хочет мой отец.

Нинус с минуту молчал.

“И все же другого выхода нет”, - сказала она. “Ты должен либо пойти к своей матери, либо поступить так, как советует Дорис”.

“Последовать совету Дорис?” порывисто воскликнула фигура в вуали. “Нет, никогда, никогда! О чем ты просишь? Я должен был бы умереть со стыда”.

С каким нетерпением Хипиллос слушал. Здесь было кое-что, чего он не понимал.

“Верно,” ответил Нинус, - это, должно быть, пытка для порядочной девушки. И все же для него...”

Закутанная фигура поспешно перебила ее.

“Да, - сказала она, - я знаю, кого ты имеешь в виду”.

Слабая улыбка промелькнула на бледном лице Нинуса.

“Ага!” пробормотала она. “Ты боишься, что я произнесу его имя и это может быть дурным предзнаменованием. Значит, ты очень часто думаешь о нем, прелестная девушка?”

Молодая девушка склонила голову с чарующим видом смущения.

- Значит, это правда, - настаивал Нинус, - ты часто думаешь о нем?

- Всегда, - последовал ответ.

Хипиллос мог бы обнять колдунью за одно это слово.

- Девочка, - внезапно спросил Нинус, - твой разум благочестив, а тело чисто?

- Прежде чем прийти сюда, я помолился богам и помазал себя.

Нинус некоторое время молчала, затем, подойдя вплотную к закутанной фигуре, спросила шепотом:

“Ты когда-нибудь слышал о камнях, одушевленных душами, которые упали с небес? Мы называем их *баэтили*, но среди вашего народа они известны под именами *оритес* или *сидериты*.”

“Я ничего о них не знаю”, - ответила молодая девушка, затем вопросительным жестом схватила жрицу за руку и прошептала: “Скажи мне, что дают эти *баэтили*?”

“Адвокат”.

“Что? Камни разговаривают?”

“Тише, тише! Во имя богов — тишина. Это великая тайна.

Хипиллос внимательно слушал. Он уже слышал о странной связи между демонами и камнями; он знал, что в храме Аполлона в Дельфах был упавший с неба камень, который ежедневно смазывали маслом. Это был камень, который Рея позволила проглотить Кроносу вместо Зевса.

- Как ты знаешь, прекрасная дева, - продолжил Нинус, - я с радостью буду служить тебе.

- Я не буду неблагодарным.

Нинус покачала головой.

- Обещания - это слова, начертанные на воде, - пробормотала она.

Молодая девушка, не отвечая, начала снимать с пальца кольцо, но Нинус помешал ей.

“Кольцо стоит восемь драхм”, - сказала она. “Колдовство с камнем обойдется в десять раз дороже. Знайте, что до сих пор ни один эллин не заставлял *баэтила* говорить. Таким вещам можно научиться только во Фригии.... Прощай, дева; мы должны расстаться...”

“ Не оставляй меня! ” закричала девушка, хватая Нинуса за халат. “Смотри!” - добавила она, снимая с руки сверкающее золотое кольцо. “Если этого достаточно, возьми”.

“Меня легко удовлетворить”, - сказал Нинус, хватая золото. “Что ж, тогда я расскажу тебе все. Прежде чем *баэтил* проявит свою силу, нужно поститься трижды по семь дней и не разговаривать с людьми; затем камень нужно вымыть в родниковой воде и закутать в пеленки, как маленького ребенка. Но даже этого недостаточно. В чистой комнате в доме необходимо зажечь лампу, вознести благовония и повторить молитвы. Все это я делал с того самого часа, как Дорис впервые рассказала мне об этом.

Нинус опустил обе руки в корзину и с большой осторожностью вытащил гладкий овальный камень, завернутый в пеленки, как новорожденное дитя.

Протягивая камень, она низко поклонилась.

Хипиллос чувствовал себя человеком, который в неурочный час вошел в святилище и увидел то, чего не должен видеть глаз смертного.

- Девушка, - прошептал Нинус, - возьми *баэтилу* на руки и покачивай ее взад-вперед. Но остерегайтесь уронить его, потому что тогда он разозлится”.

Фигура в вуали приняла камень с явным беспокойством.

Нинус зажег немного угля на решетке от пламени фонаря, посыпал его благовониями и пустил дым перед *баэтилом*. Затем, взяв его из рук Клити, она сняла пеленки и помазала его маслом.

- Смотрите! - воскликнула она, поднимая его в воздух. - душа приближается.

Хипиллос почувствовал легкий трепет благоговения. Ему показалось, что камень слегка шевельнулся в руках жрицы.

Теперь Нинус раскачивал ее сильнее и странным тоном, похожим на монотонное жужжание египетского систра, пропел следующие слова:

Оритес, приклони ухо твое,
Камень гладкий и великолепный,
Позволь нам, духу, услышать,
сокрытому В твоём сердце.

Камень, который ты сам можешь сдвинуть,
Поднимающийся Из земли,
Безгубый ты, но шепчешь
вдохновляющие Советы.

Снова показалось, что камень слегка шевельнулся.

Жрица Сабазия, склонившись над ним, прошептала:

“Двумя великими тайнами, жизнью и смертью, я заклинаю тебя, Оритес, возвысь свой голос и ответь. Должна ли эта девушка обратиться к своей матери или ей следует последовать совету рабыни Дорис?”

Послышался хныкающий звук, похожий на плач младенца.

Нинус наклонился ниже и трижды поцеловал камень — странный, слабый голос, который, казалось, доносился из него с трудом, медленно произнес, слог за слогом, два слова:

-О-бей До-рис!“

Эта сцена не сделала Хипиллоса мудрее. Он еще не знал, что за ужасная вещь произошла с Клити и по какой причине она обратилась за советом.

Жрица Сабазия вытерла пот со лба и в абсолютной тишине вымыла *бэтилуса* и надела на него пеленки.

“Смотри!” сказала она, кладя его обратно в корзину. - дух снова уходит.... Но знай одно, девочка; ты должна поступить так, как советовал *баэтил*; “Неизвестные” не дают своих советов напрасно.

“Я сделаю это”, - со вздохом ответила закутанная фигура. “Но ... есть еще кое—что, о чем тебе рассказала Дорис?”

Нинус улыбнулся.

“Ты не видела его десять дней,” пробормотала она. - И ты думаешь, что он забыл тебя?

“Дорогой Нинус!” воскликнула девушка, прижимая руку к груди. “Он - моя надежда, моя единственная надежда. Твои заклинания не причинят ему вреда?”

В этом вопросе прозвучала такая нежная тревога, что Хипиллос почувствовал почти непреодолимое желание броситься вперед и заключить молодую девушку в свои объятия.

“Нет”, - ответил Нинус. “Эти заклинания не причинят вреда. Но, поскольку я выполняю твои желания, отдай мне кольцо, которое ты мне только что показывал.

Клити поспешила выполнить это требование.

Затем Нинус вытащил предмет, завернутый в ткань. “Это одна из его сандалий”, - прошептала она. Рассыпав серу по углям, она подержала сандалию в дыму, затем бросила соль в пламя, произнося медленным, торжественным тоном:

“Хай-пил-лос, Кли-ти-и!”

Молодой человек почувствовал, как дрожь пробежала по его телу, когда он так внезапно услышал свое имя.

Нинус огляделся по сторонам. Это был момент, когда призванный человек, влекомый непобедимой силой, должен был появиться и упасть к ногам своего любимого человека.

Жрица пожала плечами.

“Хм!” пробормотала она, словно сбитая с толку. “Твои опасения были не беспочвенны, прелестная девушка. Возьми этот сосуд, которым я пользуюсь для возлияний, и оберни его пурпурной шерстью, положи эти лавровые ветви на огонь, поднеси к ним воск и поставь блюдо под ним”.

В то же время Нинус поднял трехцветную восковую статуэтку и подбросил в огонь перед ней ароматных веток.

“Услышь меня, ужаснейшая из богинь, таинственная Геката!” воскликнула она. - Милосердно помоги нам и сделай наши заклинания более могущественными, чем заклинания Медеи и Цирцеи. Пусть его кровь горит, когда эти лавровые листья сгорают в пламени, а его сердце истекает кровью и тает от нежности к этой девушке, как этот воск тает от жара”.

Нинус вздрогнул и прислушался.

В ночной тишине послышался собачий лай.

“Тише!” пробормотала она. “Я слышу лай собак. Геката рядом — вон там, на перекрестке, где стоит ее алтарь. Ударьте этими металлическими чашами друг о друга — пусть звук скажет ей, что мы чувствуем ее приближение. О, Геката, суровая, возвышенная богиня, я совершу три возлияния в твою честь! Будь трижды проклята каждая новая прихоть мужчины, которого любит эта девушка. Пусть он немедленно покинет ее соперников, как Тесей покинул несчастную Ариадну”.

Затем, схватив руль, она привела его в движение.

“Пусть его шаги обойдут жилище этой девушки, как это колесо вращается на своей оси. Направь его стопы сюда, возвышенная богиня,” продолжал Нинус, бросая порошок на угли. - *Явись, о Хипиллос, явись!*” громко позвала она. Чистое желтое пламя взметнулось высоко в воздух и исчезло со слабым потрескиванием, похожим на вспышку молнии.

В этом сиянии молодая девушка видела, как лицо Хипиллоса появлялось и исчезало, как видение во сне — казалось, над ним раздвигалась и закрывалась стена. Ужас и удивление заставили ее издать пронзительный крик. Нинус вообразила, что наблюдает, и погасила свет.

Пока Хипиллос, ослепленный пламенем, ощупью пробирался за угол стены, он услышал, как хрустят сухие ветки под торопливыми шагами. Это были две женщины, которые крались прочь через другой конец длинной беседки. Он хотел последовать за ними, но попал в объятия раба оружейника, который искал его, чтобы сказать, что пришел его хозяин. Почти в тот же миг дверь дома Ксенокла с грохотом захлопнулась, делая дальнейшее преследование бесполезным.

Он последовал за рабом в мастерскую. Саурос заслужил похвалу за свою работу; кираса сидела превосходно. Но Хипиллос не слушал долгих объяснений кузнеца; его единственным желанием было побыть наедине со своими мыслями. Итак, когда примерка закончилась, он поспешно откланялся, позвал своего раба, велел ему зажечь факел и отправился восвояси. Его разочарование по поводу побега прелестной Клити уже улетучилось; более того, даже его тревога по поводу грозящих ей неприятностей была вынуждена уступить блаженной мысли о том, что он будет любим самой прекрасной девушкой в Афинах. Теперь он знал это из ее собственных уст, поскольку ему не приходило в голову сомневаться в том, что закутанная фигура была самой Клити.

XIII.

Содержание

На следующий день Хипиллос вернулся с ипподрома вскоре после полудня и бросился на кушетку; но кровь его была слишком сильно взбудоражена, чтобы он мог немедленно обрести покой. Он по-прежнему видел и слышал только гонки колесниц. Длинная-предлинная трасса, мраморные скамьи, заполненные страстно возбужденными зрителями, косые ряды навесов для колесниц, рушащиеся баррикады, лошади, мчащиеся вперед по четыре в ряд, облака пыли, хлопки в ладоши и крики: “Спейд, спейд!” (поспешность) и: “Аристей!” (продолжай идти вперед) — все это ударило ему в голову, как опьянение. Постепенно его возбуждение сменилось приятной усталостью, и в то же время его мысли вернулись к вчерашнему заклинанию в саду Сауроса. Он снова услышал, как жрица Сабазия сказала: “Ты часто думаешь о нем, прелестная девушка?” - и вспомнил чарующее движение, с которым молодая девушка склонила голову и прошептала единственное слово: “Всегда!”, которое почти заставило его выдать себя в своем восторге. Он достиг этой точки в своем любовном сне, когда вошел привратник.

“С тобой хочет поговорить молодая рабыня, - сказал он. - У нее письмо от ее госпожи.

Хипиллос поднялся с дивана.

— Приведите ее сюда, быстро.

Он понял две вещи: что с Клити, должно быть, действительно случилось какое—то несчастье, и что то, что посоветовала Дорис и *чтобаэтил* подтвердил, было — написать ему.

Вошла молодая рабыня с сияющим лицом и, скрестив руки на груди, склонилась перед ним.

Хипиллос поспешно двинулся ей навстречу.

“Во имя богов, что случилось? - спросил он.

“В этом письме ты все узнаешь”, — ответила Дорис — ибо это была она - и протянула ему две сложенные вместе восковые таблички.

Хипиллос разорвал ленту, которой они были скреплены, развернул таблички и прочел строки, начертанные на воске. Они гласили следующее:

“Клития, дочь Ксенокла, приветствует Гипилла, сына Херетада.

“Мне необходимо, вдвойне необходимо писать, во-первых, ради самого дела, а во-вторых, потому, что высшая сила посоветовала мне сделать это. Но я сделаю сообщение коротким, поскольку оно касается несчастья. Знай, что мой отец, по настоянию этого человека, ускорил мой брак, и свадьба состоится через пять дней. Горе мне, погребальные факелы были бы более желанны, чем эти свадебные факелы. И все же, как возможен побег? Может ли дочь противостоять своему отцу? Может ли жена противостоять своему мужу? Моя мать целует меня и плачет вместе со мной, но говорит, что не смеет этого сделать. Ты, о Хипиллос, единственный человек, у которого я могу найти убежище. Что ты будешь делать, я не знаю. Но я обращаюсь к тебе, как раб, с которым плохо обращались, летит к алтарю. Твоя клятва в тот день, по словам моей матери, не была обещанием, начертанным на воде. Я читаю искренность и правду на твоем лице, и с того часа я считаю тебя хозяином своей жизни. Ты не уступишь. Посреди моего горя у меня есть только одна радость — то, что ты меня не видишь. Мои щеки пунцовые от стыда, а глаза полны слез. Это письмо, первое и последнее, я пишу еще девочкой”.

При чтении этих строк Хипиллоса охватили самые разные чувства; он чувствовал себя одновременно опечаленным и очарованным. Он снова пробежал глазами письмо, и надпись пробудила чувство восторга. Молодая девушка, воспитанная под присмотром матери, была сама честность — ей ни разу не пришлось в голову писать анонимно. Она не произнесла ни единого недоброго слова об Акесторе, источнике ее неприятностей; она просто назвала его “тем человеком”. И какой трогательной была ее уверенность! Она не знала, что он сделает, и все же обратилась к нему как к единственному человеку, у которого могла найти убежище. И последнее предупреждение о том, что времени для действий осталось совсем немного, она выразила словами: “Я пишу это еще девицей”.

В письме было что-то настолько женственное, что Хипиллос почувствовал, как его сердце наполнилось гордостью и счастьем. Казалось, что какая-то часть личности прелестной девушки запечатлелась в восковых табличках и тонких линиях, начертанных на них, и снова он поклялся завоевать ее, чего бы это ни стоило.

Хипиллос перевел взгляд с письма на раба.

Это была цветущая девушка лет шестнадцати-семнадцати, скорее высокая, чем низкорослая, со смуглой кожей и вьющимися черными волосами. Ее одеянием был белый льняной халат, перехваченный под юношеской грудью поясом в голубую и желтую полоску.

Дорис с улыбкой ответила на его взгляд. Она все поняла.

“Почему свадьба такая поспешная?” - спросил Хипиллос. “Почему она состоится через пять дней?”

“Откуда мне знать?” - ответила Дорис. “Некоторые из рабынь считают, что Акестору нужно приданое”.

Хипиллос достал из низкого сундука тростинку “черного сорта” и свиток папируса, известного среди торговцев под именем *танеотика*.

Пока Дорис, зная, что по возвращении ей придется описать каждый диван, ковер и треногу, осматривала комнату, Хипиллос сел за маленький столик и написал так, как подсказывали его молодость и любовь:

Приветствую тебя, прекрасная Клити, мой свет, моя душа и моя жизнь!

“Ваше письмо было источником одновременно ужаса и восторга. Но ужас побежден, а восторг остается. Положитесь на меня, я ничего не оставлю неиспытанным. Но если я не смогу спасти тебя в течение пяти дней, мой совет таков: притворись больным, чтобы брак был отложен. Таким образом я выиграю больше времени. А теперь прощай, сокровище моей души! Наберитесь мужества и успокойтесь”.

Вместе с письмом в руку Дорис была вложена драхма, и, покраснев от радости, она покинула Хипиллоса с наилучшими пожеланиями ему и Клити.

Едва молодой человек остался один, как погрузился в размышления. - Пять дней! - пробормотал он. “Пять дней! Он мог бы убить Акестора, но понимал, что насилие - это не способ завоевать прекрасную девушку. Пойти к Ксеноклу и рассказать ему все, конечно, было бы самым простым способом, но нарушит ли последний данное слово, особенно за такое короткое время до свадьбы? Это, конечно, было маловероятно. После долгих колебаний Гипилл вспомнил о Туфрасте. Старый солдат был умен во всем, за что брался, опытен во всех жизненных отношениях и известен своими мудрыми советами. Кроме того, отец Клити питал к нему величайшее уважение. Возможно, он мог бы помочь.

XIV.

Содержание

В следующий момент Хипиллос был уже на пути в Туфраст. Прошел всего час между походом на рынок и посещением спортзала. Как и ожидал молодой человек, он застал старого капитана дома. Последний принял его любезно и внимательно выслушал, но, когда Хипиллос упомянул о своем настоящем поручении, Туфраст нахмурился и дал ему категорический отказ.

“О чем ты просишь?” - спросил он в своей грубой манере. “Я должен пойти к Ксеноклу и диктовать ему, за кого он должен выдать свою дочь замуж? Выставить себя на посмешище для него и других? Нет, молодой человек, ты не знаешь Туфрастоса.

Хипиллос склонил голову и уставился в землю. Его последняя надежда была разрушена.

На мгновение воцарилась тишина, во время которой было слышно, как снаружи гремит цепью собака.

Туфраст поправил свою серую мантию, потер лысину и рассеянно потянул себя за бороду. Хипиллос устыдился своей просьбы и выглядел совершенно обескураженным. Наконец Туфраст положил руку ему на плечо и сел на кушетку рядом с ним.

“Не опускай глаза, как женщина”, - сказал он, а затем добавил более мягким тоном: “Наберись смелости! Есть другие пути и средства”.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Хипиллос, поднимая голову.

Послушай, я собираюсь дать тебе совет. Старый полководец Стратокл однажды видел, как некоторые из его тяжеловооруженных солдат побледнели при встрече с врагом. Он тут же крикнул: ‘Если кто-нибудь из вас забыл что-нибудь в лагере, можете пойти и забрать это!’ Один человек робко выскользнул из рядов, за ним последовали еще пять или шесть человек. ‘Хорошо!’ воскликнул Стратокл. ‘труссы ушли! Теперь среди нас только храбрецы’. Затем он бросился вперед, и враг обратился в бегство.... Но, молодой человек, вы еще не до конца поняли?

Хипиллос сделал жест отрицания.

“Ну что ж, — продолжал Туфраст с некоторой порывистостью, как будто он не мог произнести то, что должен был сказать достаточно быстро, — я думаю, что твой соперник, Акестор, болтун и трус ... я имею в виду, что, как и тех рабов, его нужно заставить показать себя в его истинном обличье. Тогда Ксенокл, не спрашивая ничего совета, отпустит его.

“ Великолепно! Превосходно! ” воскликнул Хипиллос, хлопая в ладоши. “ Люди не хвалят твой умный совет без причины. Но как с этим справиться?

“ Клянусь Зевсом, в этом нет ничего сложного. Притворись ничтожным, как он делает себя великим — притворись робким, и позволь ему показать себя храбрым. Затем, когда он хорошенько надуется, напугайте его по-настоящему. Притворись, что о собраниях гетерий известно, что дом окружен лучниками, и когда он будет дрожать от ужаса и не будет знать, где спрятаться, поступи так, как Стратокл поступил с трусами — дай ему повод ускользнуть, и он быстро покажет впадины под подошвами своих ног ”.

Хипиллос рассмеялся. Пара поговорила еще некоторое время, и когда молодой человек ушел, все тревоги и сомнения оставили его.

XV.

Содержание

Письмо Хипиллоса было радостью и утешением для Клити, но оно не успокоило ее. Пять дней - такой короткий срок! Среди слез и ласк она доверилась своей матери и описала Хипиллос с таким любящим красноречием, что Майра (ее мать) подчинилась ее желаниям. Хотя Клития мало верила в ее заступничество, она пошла к ней и мольбами и убеждениями заставила ее пообещать рассказать свою историю Ксеноклу. Два из пяти дней уже прошли, так что нельзя было терять времени.

На следующий вечер, когда муж и жена ужинали вместе, муж удобно растянулся на кушетке, а жена смиренно сидела на ее внешнем краю, Майра — не без тайного трепета — осмелилась затронуть эту тему; но вспыльчивый маленький человечек едва понял, о чем она говорит, прежде чем вскочил и оттолкнул ее таким образом, что она не осмелилась вернуться к этому вопросу снова. Таким образом, всякая надежда на помощь Майры была отрезана, и девушке даже в голову не приходило самой поговорить с отцом. Она ничего не могла поделать, кроме как возложить свою последнюю слабую надежду на Хипиллоса.

И все же, когда наступил день накануне свадьбы без всякой надежды на избавление, Клития перестала плакать и впала в состояние тупой бесчувственности, как человек, совершенно

потерявший надежду. “Что толку притворяться больной?” - подумала она. Они скажут: “Это ничего— это пройдет!” Могу ли я противостоять им всем? Могу ли я заставить свадебную процессию ждать? Нет, даже если я пожалуюсь на болезнь, они посадят меня в колесницу и позволят этому человеку отвезти меня к себе домой”.

С этого момента она почувствовала, что у нее ни в чем нет воли.

Когда наступил вечер, последний вечер, который ей предстояло провести под родительским кровом, ее мать и несколько рабынь хлопотали вокруг нее в ее девичьей беседке. Это была маленькая комната с красновато-коричневыми стенами, освещенная глиняной лампой, стоявшей на медном треножнике. Клити сидела на низком стуле, отвернувшись от лампы, а Дорис стояла у нее за спиной и собирала ее волосы в узел. В дальнем конце комнаты Майра и рабыня средних лет, которая была сиделкой Клити, были заняты осмотром мантий, платков, поясов и верхней одежды, которые они разложили на кровати молодой девушки, маленькой кушетке из кленового дерева, покрытой вышитыми подушками и покрывалами.

Преобладало печальное, обеспокоенное настроение. Даже атмосфера маленькой комнаты была тяжелой, как будто пропитанной особой влажной свежестью чистой женской одежды, смешанной с пронизывающим запахом мазей и срединных яблок, которые клали между салфетками, чтобы надушить их. Время от времени мать Клити и медсестра обменивались несколькими словами, но так тихо, как будто старались не потревожить какого-то больного человека. Клити в совершенном молчании подчинилась заботам своей любимой служанки, и даже проворный язычок последней затих.

Вдруг снаружи послышался веселый девичий голос. Согласно древнему обычаю, невеста в канун свадьбы омывалась водой, принесенной из источника Энеакрун.

Эту воду, должно быть, принесла девственница, и молодая соседка, Коронис, дочь богатого плетельщика корзин, которая с детства была подругой Клити и смотрела на нее с восхищением, отправилась со своими рабынями к фонтану за водой.

Когда она вошла, в безмолвную комнату, казалось, ворвалось дуновение веселья и жизни. Коронис была веселой маленькой девушкой с детским личиком, чьи темные глаза, губы, щеки, ямочки — все смеялось. Она была одета во все белое и несла лавровую ветвь, используемую для очищения. Это она немедленно положила у двери, как бы говоря: “Оставайся там, ты, бесполезная, торжественная вещь”.

Ей нужно было так много рассказать, что она едва нашла время поприветствовать Клити и ее мать. Она встретила у фонтана двух других служанок невесты; они поговорили друг с другом, и поэтому Коронис знала все о свадьбах, которые должны были состояться на следующий день; она знала отцов, матерей, невест и женихов и могла многое рассказать о свадебных нарядах, подружках невесты и свадебных банкетах.

Когда ее рассказ был окончен, начались приготовления к церемонии, которую искусство тех дней изобразило на многих вазах.

Дорис поставила ванну в форме раковины мидии посреди пола и поставила рядом с ней полную гидрию. Затем, опустившись на колени перед своей госпожой, она ослабила пояс и расстегнула застежки на плечах. Двух легких движений было достаточно, чтобы одежда упала на

бедра, и из облака белых складок показалась вся верхняя часть стройной фигуры девушки, красота которой на фоне коричневой стены казалась вдвойне ослепительной и, казалось, была создана для того, чтобы пленять и глаза, и сердца.

Теперь начался знакомый разговор, который всегда происходит между женщинами в таких случаях.

“Какая ты красивая, дорогая!” воскликнула маленькая Коронис, легонько поцеловав подругу в плечо. “Какой цвет лица — что такое лучшая сирийская мазь по сравнению с ее гладкостью!”

“Да, - сказала медсестра средних лет с таким самодовольством, словно считала Клити своей работой. - Я знаю, что даже грудь Леды не была красивее ... здесь не нужна повязка на грудь”.

Дорис с улыбкой посмотрела на Корониса и медсестру.

“То, что ты хвалишь, заслуживает самых высоких комплиментов, - сказала она, - но это не то, что я ценю больше всего”. С выражением искренней любви она опустилась на колени перед Клити, взяла ее руку и поцеловала. “Что я ценю больше всего’ так это доброту моей прекрасной хозяйки. Я прислуживал ей ежедневно с тех пор, как она была маленьким ребенком, и никогда за это долгое время она не произнесла ни единого недоброго слова”.

“Поверь мне, моя Клити,” добавила мать не без некоторой гордости, хотя глаза ее были полны слез, “тебе повезет и ты будешь счастлива. Какой муж может не любить тебя — такую хорошую и такую красивую!”

Теперь Коронис взяла подругу за руку. Когда Клити поднялась, одежда соскользнула ниже и осталась лежать вокруг нее на полу, как широкая белая льняная гирлянда. Мгновение, но только мгновение, молодая девушка, слабо освещенная лампой, стояла во всей красе своих белоснежных конечностей в сумрачной комнате; затем быстрым движением она выбралась из складок своего одеяния и шагнула в ванну.

Коронис с озорным выражением лица поднял полную грудь.

“Приготовься дрожать, Клити”, - сказала она, смеясь. “Я собираюсь сделать то, что написано в купальной песне Лампруса”. И, держа его так, чтобы вода стекала по блестящему, гибкому телу, она тихо пропела:

“Медленно вылейте воду из фонтана
на белую шею невесты;
Смочите ею лоб и грудь,
руки, и ноги, и спину, и бока!
Вскоре прекрасная особа почувствует
Прохладную свежесть ванны,
Как мраморную белизну ее прекрасных конечностей
Оттеняет розовый цвет роз”.

Пока Дорис вытирала спину своей хозяйки мягкой шерстяной тканью, глаза последней следили за дрожащими капельками воды, которые бежали и смешивались друг с другом по ее белой шее, прежде чем струйками потечь по гладкой коже. Клити не кичилась своей красотой, но

когда, как сейчас, она смотрела вниз, на мягкий изгиб ее плеч и целомудренный изгиб груди, у нее невольно возникало впечатление чего-то необычайно красивого. Вода не только укрепила ее тело, но и придала свежую энергию ее разуму. Множество мыслей пронеслось в ее голове. Разве сам Гомер не рассказывал историю о кровавой войне, развязанной ради прекрасной женщины? Итак, женская красота должна быть чем-то драгоценным. И для кого она предназначена?

Она видела в воображении своего жениха Актера — статного и хвастливого, но без следа аттической утонченности, тяжелого и унылого. Она бросила на него всего один поспешный, робкий взгляд, но женский взгляд подобен вспышке молнии, и она заметила, что он смотрит на нее с выражением, которого она никогда раньше не видела. Она чувствовала, что это чудовищно, что это осквернение - быть отданной этому человеку, и втайне поклялась не гнушаться никакими средствами, чтобы избежать столь горькой участи.

Этой решимости вскоре предстояло подвергнуться испытанию.

XVI.

Содержание

Едва Майра в сопровождении медсестры вышла из комнаты, чтобы вместе с Коронисом подойти к двери и в последний раз осмотреть дом, как снаружи послышался звук, похожий на звук камешка, брошенного в стену. Каким бы слабым ни был звук, Дорис вздрогнула, а Клити, которая как раз надевала тунику, остановилась, густо покраснела и, затаив дыхание, прислушалась.

Дорис подбежала к глазку и отдернула красную занавеску. Голос прошептал несколько слов, которые прозвучали как вопрос.

Прежде чем ответить, Дорис повернулась к Клити и сказала: “Это его раб Манодорос.... Он спрашивает, одна ли ты”.

Затем она просунула голову в отверстие и ответила сдавленным голосом: “Да, совершенно одна. Но чего ты хочешь? Говори. Мать моей хозяйки только что вышла и сейчас вернется.

Снаружи снова послышался шепот.

Дорис просунула руку в отверстие как можно дальше. В тот же миг ее шея и уши покраснели, и она нетерпеливо топнула ногой. “Отпусти!” закричала она. - Отпусти! Сейчас не время для пустяков. Когда она снова повернулась, в руке у нее было письмо, написанное на свитке папируса.

“Прочтите это, дорогая хозяйка, - сказала она, забирая ванну и унося ее прочь. - Я посторожу снаружи.

Клити дрожащей рукой схватила письмо и сломала печать. Унылое выражение с ее лица исчезло, и прелестное личико засияло ожиданием и надеждой.

Письмо содержало следующие строки, которые, по-видимому, были написаны наспех, поскольку кое-где одно слово было стерто и заменено другим.

“Дорогая Клити!

“Ты один против многих; Я боюсь, что ты можешь позволить переубедить себя. Ты должен бежать; это единственный способ спастись. Жрица Сабазииуса желает принять тебя. Дорис тоже должна пойти, иначе под пытками она во всем сознается.

“Во имя всех богов, сделай то, что я советую, мой возлюбленный. Разве ты сам не называл меня господином своей жизни? Ты можешь легко сбежать через сад; затаись на несколько дней, и все опасности будут позади. Я знаю, как смягчить гнев твоего отца. Кроме того, можно ли это засчитать по сравнению со многими счастливыми годами, ожидающими нас?

Если бы это письмо пришло раньше, Клити никогда бы не решилась на шаг, столь непохожий на то, что подобает чердачной девушке. Мысль о том, чтобы покинуть отцовский кров, показалась бы ей самой невозможной из всех. Однако теперь, когда ее отвращение к Акестору стало таким же сильным, как и любовь к Хипиллосу, она сочла письмо очень смелым, но в то же время поняла, что Хипиллос сказал правду. Опасность была неминуемой, и не было иного спасения, кроме бегства, если они не собирались расстаться навсегда.

“Он прав”, - подумала она. “Я назвала его господином своей жизни. Должна ли я тогда не выполнить его первое повеление? Нет, я буду делать то, что он прикажет, — будь что будет.

Когда вошла Дорис, чтобы принести пустую бутылку с водой, Клити стояла перед ней с покрасневшими щеками и взглядом, выражавшим твердую решимость.

“Когда в доме все успокоится, - сказала она, - я полечу через сад. Ты пойдешь со мной”.

Дорис уставилась на нее с открытым от изумления ртом; пустая бутылка, которую она взяла, выпала у нее из рук и с грохотом разбилась о кафельный пол.

“Пусть боги предотвратят это предупреждение!” - пробормотала она, собирая осколки.

Но Клити не позволила себя беспокоить.

“Когда отец и мать уснут, - продолжала она, - ты должен проскользнуть в их комнату и взять ключ от сада”.

Дорис едва верила своим ушам. Она больше не узнавала Клити. Была ли это та робкая молодая девушка, которая боялась встречи с Нинусом и которую она была вынуждена вести шаг за шагом? Теперь командовала Клити, а Дорис колебалась.

- Но, как вы думаете, госпожа...?

Клити подняла руку жестом, призывающим к тишине.

В тот же момент снаружи слышались шаги. Вернулась мать Клити и, отослав Дорис, села на край дивана и притянула девочку к себе. Это был последний вечер, который дочь провела дома. Майра нежно погладила Клити по волосам, взяла ее руки в свои и долго разговаривала с ней шепотом. Когда они наконец расстались, это было неохотно, после многих объятий и ласк, и глаза обоих были мокрыми от слез.

Клити почувствовала укол раскаяния, но это не изменило ее решения.

Оторвав полоску папируса от письма Хипиллоса, она написала следующие строки:

“Дорогая мама!

“ Прости меня, я должен бежать — я ненавижу этого человека. Но не бойся! Я поищу безопасное место, где со мной ничего не случится. Дорис пойдет со мной. Через несколько дней, когда опасность минует, я вернусь. Прощай, дорогая мама, благословляю тебя за твою любовь! Я покидаю дом моего отца девственницей, и девственницей я вернусь”.

Прикрепив полоску папируса булавкой к подушке, Клити собрала несколько предметов одежды, которые ей понадобятся на время короткого отсутствия. Теперь крадучись вошла Дорис; она подслушивала за дверью комнаты. Ксенокл и его жена еще не спали, но разговаривали друг с другом; она слышала, как они произнесли слово “жених невесты”.

XVII.

Содержание

Час спустя Дорис снова скользнула по открытому коридору женской квартиры, называемой *простасом*, в комнату, которую занимали родители Клити. Она прислушалась, но ничего не услышала; разговор, казалось, прекратился. Комната была одной из немногих квартир в греческом доме, которые можно было закрыть дверью. К счастью, эта дверь была приоткрыта, но, чтобы проскользнуть внутрь, Дорис пришлось приоткрыть ее еще шире. Едва она коснулась ее, как вздрогнула от громкого, отчетливого скрипа. Она почувствовала, что ее щеки побагровели, но она должна была войти. С величайшей осторожностью она снова взялась за дверь, и на этот раз она бесшумно открылась. Бесшумно, как тень, она босиком прокралась в комнату. Ее встретила душная, тяжелая атмосфера. Она слышала дыхание спящих, но других звуков не было слышно. Из перистилия сквозь открытую дверь лился слабый свет ночного неба. Дорис смутно видела кровать; что—то светлое волочилось по полу рядом с ней - несомненно, длинное женское одеяние, свисавшее с цепочки. Она осторожно, ощупью продвигалась вперед, боясь наткнуться на что-нибудь и произвести шум. Ее охватило странное чувство неуверенности, а ноги казались тяжелыми, как свинец. Расширенными глазами она увидела, или ей показалось, что увидела, две человеческие фигуры, распростертые на кровати. Подойдя на несколько шагов ближе, она почувствовала, что парализована ужасом и вот-вот упадет. Одна из фигур выпрямилась на кровати и повернулась к ней лицом. Она не могла видеть глаз, но знала, что человек отчетливо видит ее.

“ Это ты, Дорис? Чего ты хочешь? раздался голос, нарушивший тишину.

Дорис узнала эти звуки, хотя среди темноты и тишины ночи они казались призрачными. Заговорила Майра.

Мать была так поглощена мыслями о свадьбе дочери, что не очень удивилась, увидев, как в комнату скользнула Дорис. Голос просто звучал немного удивленно.

Дорис не могла ответить; она не могла произнести ни единого слова.

“ Что тебе понадобилось так поздно? Снова спросила Майра, на этот раз с оттенком нетерпения.

Дорис заставила себя говорить ровным голосом.

- Ключ... - пробормотала она. - Я хочу забрать ключ.

-Почему? -спросила.

- Ночник погас, и я хочу зажечь его у соседей.

“ Простофиля, ты можешь зажечь ее у Клити. Она светит на колонны снаружи.

На это не было ответа — Дорис считала свое дело проигранным. Но сам масштаб опасности заставил ее успокоиться. Она глубоко вздохнула и снова почувствовала, что владеет собой. У нее *будет* ключ. И вся решимость и неповиновение, присущие твердой решимости, внезапно наполнили ее душу с такой полнотой, что, не обращая внимания на то, разбудит она Ксенокла или нет, она пошла прямо к своей цели.

- Но мне нужен ключ, - ответила она тоном, который прозвучал холодно и странно для нее самой. - Я хочу вылить воду из ванны.

“Пусть постоит до утра”.

Дорис пошарила рукой по стене у изголовья кровати и нащупала гвоздь с трехзубчатым ключом, который взяла спокойно, без особой спешки.

“Я не смею оставлять воду стоять, - сказала она. - моя госпожа приказала мне вылить ее”.

Не дожидаясь ответа, она вышла из комнаты легко, как перышко, и, задыхаясь от радости и возбуждения, побежала обратно к Клити, перед которой торжествующе подняла ключ.

Клито заключила ее в объятия и нежно поцеловала, затем, не теряя ни минуты, отдала ей узел с одеждой, накинула ей на голову косынку в синюю полоску и, держа за руку свою верную служанку, выскользнула из комнаты.

XVIII.

Содержание

Сердце Клито трепетало от волнения. Проходя мимо, она приподняла занавеску, висевшую на двери комнаты, где стояли изображения домашних богов, и, поклонившись маленьким статуэткам, совершенно невидимым в полумраке, тихо прошептала:

“Не гневайтесь, защитники моей расы! Не покидайте меня, потому что я оставляю вас”.

Затем в сопровождении Дорис она прошла через открытый холл в большую рабочую комнату, предназначенную отдельно для женщин. Темнота здесь была такой густой, что ничего не было видно, кроме двух узких серых полос; это были отверстия-петли в стене, через которые в комнату проникал дневной свет. Теплая атмосфера, жар, исходящий от человеческих тел, приветствовали беглецов, и они слышали тяжелое дыхание множества спящих. Большинство домашних рабынь проводили ночь здесь, на кушетках, сделанных из груды подушек или войлочных ковриков, расставленных вдоль стен. Направляясь к двери в сад, Дорис на что-то наткнулась, вероятно, на высокий треножник. Она поспешно схватила его, но в темноте промахнулась, и он упал с тяжелым грохотом, а медная лампа, стоявшая на нем, загремела по

каменному полу. Рабыни пробудились ото сна; крики одной привели в ужас остальных, пока все не начали кричать наперебой. По перистиллю раздались торопливые шаги, и мужской голос сердито крикнул:

“Что за шум! Почему ты так кричишь? В чем дело?”

- Тише, вы, простофили! - слышался хорошо знакомый голос Дорис. - Вы принимаете меня за вора, который снял дверь с петель или прорыл лаз под стеной?

- Что вы здесь делаете? - спросил привратник женской квартиры, потому что именно он поспешил войти.

Тем временем Дорис нашла замок и вставила в него ключ.

“ О, черт возьми! ” ответила она, как будто раздосадованная таким беспокойством. - Я собираюсь вылить воду из ванны. В темноте я налетел на треножник — он упал, и они закричали, как будто в них вселился какой-то злой демон”.

С этими словами она открыла дверь, вытолкнула Клити наружу и последовала за ней сама.

Беглецы очутились в саду. Здесь было не так уж темно, чтобы они могли без труда различать тропинки, петляющие между черными зарослями кустарников и деревьев. Сырой ветер дул им в лицо, и запах цветов был невыносимо сильным; они услышали шелест листьев, похожий на стук игральные костей, падающих на медный щит, и крупные капли падали поодиночке.

После пережитого беспокойства Клити почувствовала невыразимое облегчение. Казалось, она вдыхала свободу с каждым вдохом ночного воздуха, и она с легким радостным ужасом думала о встрече с Хипиллосом. Дорис все еще была поглощена воспоминаниями о ночном переполохе в доме, но утешала себя мыслью, что привратник все объяснит.

За садовой калиткой стояли две темные фигуры. У одного были коротко подстрижены волосы — значит, он был рабом; у другого были длинные локоны, и хотя оба казались неясными черными очертаниями, Клити мгновенно узнала Хипиллоса по величественной мантии, накинутой на него, что само по себе было достаточным признаком молодого Эвпатри.

Сердце Клити забилось быстрее, и она внезапно задрожала всем телом, как в тот вечер, когда тайком отправилась на встречу со жрицей Сабазия. Едва она вышла за пределы сада, как к ней поспешил Хипиллос.

“Я благодарю вас, - сказал он, - благословляю вас за то, что вы пришли”.

Молодая девушка ничего не ответила; она была слишком взволнована и сбита с толку, чтобы произнести хоть слово.

- Ты видел необходимость, - продолжил Хипиллос, - и, кроме того...

Он остановился и, улыбаясь, пристально посмотрел ей в лицо; он никогда не видел ее такой красивой. Косынка в синюю полоску, которую она набросила на голову, отбрасывала легкую тень на ее черты, что придавало им таинственное очарование.

... “И, кроме того, - добавил он, - ты написала, что доверяешь мне”.

Клити подняла на него свои темные глаза.

Хипиллос обнял ее за талию и, хотя почувствовал легкое сопротивление, повел таким образом к нанятому дому, где жила жрица Сабазия. Это было жилище под названием *тристегос*, трехэтажный дом, который принадлежал Сауросу, оружейнику, и стоял рядом с его мастерской.

При первом же приглушенном стуке молотка Нинус был готов и открыл дверь.

Хипиллос сжал обе руки Клити.

“Мы должны расстаться”, - сказал он. “Но, что бы ни случилось, не возвращайся домой, пока не получишь от меня сообщение. А теперь прощай, ты, красавица, ты, дорогая, ты, свет моей жизни!”

Он прижал ее к груди и, прежде чем она успела воспротивиться, сорвал поцелуй.

Но Клити вырвалась из его объятий, подобрала складки халата и легко, как олень, взбежала по ступенькам, где ее стройная фигурка растворилась в темноте.

Хипиллос посмотрел ей вслед.

“Клянусь Афродитой, - воскликнул он, - она похожа на бабочку”.

XIX.

Содержание

В ту ночь Майра почти не спала. На следующее утро она была удивлена, не увидев Дорис, порхающей по дому, и, обнаружив комнату Клити пустой, она не сомневалась, что ее дочь в саду со своей любимой нянькой. Она пошла туда и несколько раз позвала, но, когда единственным ответом была тишина, предчувствие беды промелькнуло в ее голове. Она поспешила обратно в комнату Клити, обыскала ее, нашла на подушке записку на папирусе и, затаив дыхание, торопливо прочитала ее содержание.

“ Милостивые боги! ” воскликнула она, всплеснув руками. “ Ушел— скрылся в ночи!... Клити, Клити, как ты могла причинить мне такое горе? Сделать наш дом предметом презрения завистливых соседей — Что скажет твой отец? Он будет в ярости и проклянет тебя...”

Внезапно ее охватило чувство отвращения.

“ Что ж, пусть он беснуется, ” пробормотала она, “ пусть беснуется и сыплет проклятиями.... Довести мою Клити до такого! Как она, должно быть, страдала! Но, клянусь Герой, он услышит правду.

Она уже направлялась в свою комнату, когда остановилась.

“Что я делаю!” - воскликнула она. “Первое, что нужно сделать, - это скрыть побег Клити. Никто не должен заподозрить, что ее комната пуста.

Позвав Эвною, самую старшую рабыню в доме, она сказала ей: “Клити больна. Сядь здесь, за дверью, и не позволяй никому входить, даже ее сиделке. Делай в точности, как я тебе говорю.

Эноя изумленно раскрыла глаза; она никогда не слышала, чтобы ее госпожа говорила таким резким и повелительным тоном.

Когда Майра вошла в свою спальню, в ее поведении была определенная торжественность, которая привлекла внимание Ксенокла. Растянувшись на диване, он поманил ее к себе.

Но вместо того, чтобы сесть с краю, Майра осталась стоять перед ним, пристально глядя ему в лицо. Ксенокл едва верил своим глазам. Это был первый раз за двадцать лет их супружеской жизни, когда его жена не выполнила немедленно все, о чем он просил.

- Садись, - повторил он, снова указывая на кресло.

Майра, казалось, не слышала.

“ У меня дурные вести, ” холодно сказала она. - Ночью с нами случилось несчастье.

“ В чем дело? Что это? - воскликнул взволнованный маленький человечек и, указывая на полоску папируса, которую она держала в руке, спросил: “Это и есть несчастье?”

“Это от Клити”, - ответила Майра и прочитала содержание таким тоном, который, казалось, подразумевал, что это ее не касается.

При словах: “Прости меня, я должен бежать”, Ксенокл вздрогнул и резким движением, как будто обе его конечности внезапно стали одним целым, он поднялся из лежачего положения и опустил ноги на пол так, что выпрямился на ложе. Казалось, он потерял дар речи, а его руки теребили ремень, который он еще не застегнул.

Он думал о детстве Клити, о ее хорошеньком, нежном личике, о ее невинных ласках. Его глаза наполнились слезами — он не мог поверить, что она ушла.

Майра была хорошей женой и нежно любила своего мужа, но она была не более великодушна, чем большинство представительниц женского пола. Как бы глубоко ни был тронут Ксенокл, ей и в голову не пришло пощадить его. Все, что она молча терпела годами, должно быть высказано.

“Теперь у нас нет дочери”, - сказала она в качестве своего рода преамбулы.

Ксенокл молчал, мышцы вокруг его рта конвульсивно подергивались.

Последовала пауза. В этот ранний утренний час в доме было так тихо, что было слышно, как мухи жужжат в лучах солнца на тростниковом ковре у двери.

“Было бы лучше, ” продолжала Майра, “ если бы твоя голова не была постоянно забита планами и измерениями зданий. Целые дни проходили без того, чтобы ты сказал хоть слово Клити или мне, и если я заговаривал с тобой о чем-то, что тебя беспокоило, я получал такой резкий отпор, что часто не осмеливался обратиться к тебе. Рабыня Дорис знала о делах Клити в десять раз больше. Клянусь Адрастеей, быть отцом легко, если мужчина считает, что этого достаточно, чтобы дать своей дочери дом, одежду и еду. Но если бы у вас была хоть капля любви к своему ребенку, если бы вы подозревали, на что она надеялась и к чему стремилась, если бы вы знали, чего она боялась больше смерти, — это несчастье не постигло бы нас”.

Ксенокл уставился на Майру так, словно она была незнакомкой. Он понимал, что именно материнская привязанность сделала ее такой сильной, и в то же время смутно чувствовал, что, возможно, у него есть в чем себя упрекнуть.

Он склонил голову.

“Что же делать? - пробормотал он. “Скажи мне, Майра. Ты всегда была мне хорошей женой.

При этих простых словах весь гнев Майры испарился. Она невольно села рядом с мужем и, когда их взгляды встретились, обвила руками его шею и поцеловала.

- Сначала, - прошептала она, - мы должны скрыть побег Клити. Тогда ты должен — лучше сейчас, чем позже, — пойти к Акестору и сказать ему, что Клити больна и свадьбу придется отложить. Вы можете сказать, что она бредит и никому не позволено ее видеть”.

Ксенокл поднялся.

“Это будет трудная задача”, - сказал он.

К счастью, дом Акестора находился в мелитанском квартале, так что у Ксенокла по дороге к нему было время привести в порядок мозги.

Как он и опасался, он застал рабов за украшением здания гирляндами и зелеными ветками.

“Запишите все это!” - сказал импульсивный маленький человечек. “Невеста больна. Свадьбы не будет”.

Привратник, стоявший у полуоткрытой двери и наблюдавший за рабами, услышал эти слова и, поспешив к своему хозяину, повторил их, объявляя о посетителе.

Ксенокл был не из тех, кто стоит в ожидании у открытой двери, особенно в доме своего будущего зятя. Он шел совсем рядом, но, пересекая перистиль, вздрогнул от звука удара и отчетливо услышал слова:

- Прими это, птица несчастья, как дурную весть.

Акестор принял Ксенокла с угрюмым лицом и нахмуренными бровями.

“То, что говорит этот болван, правда? - спросил он, не дав Ксеноклу времени заговорить.

“Боги дали мне испить горькую чашу”, - с достоинством ответил маленький человечек. “У моей дочери случился внезапный приступ болезни. Она бредит, и никому не разрешается ее видеть. Свадьбу следует отложить”.

Акестор ничего не ответил, но сердито уставился в пустоту.

“Странно!” пробормотал он. - Невеста, которая заболевает в день своей свадьбы, — кто когда-нибудь слышал о таком? Клянусь Зевсом, это или что-то другое кажется мне дурным предзнаменованием. Не забывай, что ты должен мне компенсацию, и, клянусь богами, двойную. Во-первых, девушка достаточно красива, чтобы многие захотели жениться на ней, даже без приданого, а во-вторых, я рассчитал оговоренную сумму как сумму, в которой был уверен.

“Я подумаю об этом”, - холодно ответил Ксенокл и ушел, еще более недовольный Акестором, чем собой.

По дороге домой он вспоминал утренние события, и, когда бегство Клити, упреки Майры и жадность Акестора промелькнули у него в голове, он тяжело вздохнул и воскликнул:

“Боги знают, чем все это закончится”.

XX.

Содержание

Через два дня гетеры собрались в доме Ламона. Дом, где на протяжении многих поколений велось крупное отбеливающее производство, стоял сбоку от Музеума. Вся использованная вода была кропотливо откачана рабами или вьючными животными; но, с другой стороны, здесь не поднималась городская пыль, поэтому ткань можно было сушить на открытом воздухе, и, более того, не было проблем с дорожными инспекторами из-за сточных вод. Он несся вниз по склону холма, никем не замеченный.

Чтобы добраться до двери, покупателям из нижней части города приходилось обходить самое длинное крыло дома; это неудобство терпели многие поколения. Они как бы следовали обычаям своих предков, и мысль о переменах не приходила им в голову.

Но Ламон понял, как помочь себе. Рядом с отбеливающей комнатой было помещение для развешивания одежды, выходившее окнами на нижнюю часть города, и его, для удобства своих клиентов, он превратил в открытый магазин, сначала заменив внешнюю стену несколькими колоннами, а затем установив прилавок с мраморной столешницей поперек каменного пола. На него клиенты укладывали свои свертки, и из него доставлялась готовая работа, которая, снабженная клеймом владельца, висела на стене внутри. Вечером место внешней стены занимал занавес, а ночью - решетка, доходившая от крыши до пола.

В этой комнате, следующей по размерам за мастерской, собралось тайное общество. Был поздний вечер, и по обе стороны прилавка горели лампы на высоких медных штативах. Зеленая занавеска между колоннами была задернута и закрывала квартиру, как стена.

Деловые дискуссии еще не начались; Туфраст и Хипиллос говорили о доспехах и оружии. Ксенокл несколько раз проявлял признаки нетерпения, пока, наконец, Стенелий не рассмеялся и не сказал:

“Оставь оружие в покое! Ксенокл хочет кое-что рассказать, и, как мне кажется, нечто важное.

“Да, клянусь Зевсом, видел!” - воскликнул нетерпеливый маленький человечек и, осторожно оглядевшись по сторонам, прошептал: “Боюсь, нас предали”.

Акестор вскочил со своего дивана.

“Предали? - повторил он с явным беспокойством.

Ксенокл вопросительно посмотрел на Стенела, который согласно кивнул.

“Сегодня утром я разговаривал на рынке со Стенелусом,” продолжал маленький седовласый человечек. “Мы стояли перед галереей Зевса Освободителя, и, расставаясь, Стенелус крикнул мне вслед: ‘Ты знаешь, что мы встречаемся сегодня вечером у Ламона’. Эти слова были произнесены статуей Зевса Освободителя. Когда я повернулся, чтобы уйти, Стенелус указал на землю. Маленькая круглая тень, похожая на человеческую голову, появилась в большой тени, отбрасываемой пьедесталом. Подгоняемые тем же страхом, мы оба поспешили за статую и увидели быстро удаляющегося худого мужчину со спутанными волосами. Он был едва ли в десяти шагах от нас.

- Кто был этот человек? - задыхаясь, спросил Акестор.

“Цефисодемос”.

“Один из самых опасных информаторов”.

- Для нас все кончено! - пробормотал Лизитель, поднимаясь.

На лбу Акестора выступили капли пота; тем не менее он старался казаться спокойным и предложил прекратить собрание и каждому разойтись по домам.

Туфраст смотрел на это дело иначе. Он хотел судить сам и поэтому задавал один вопрос за другим. Рынок огласился криками или время покупок и продаж закончилось? На каком расстоянии от статуи стояли ораторы? Он задал этот и еще несколько вопросов, затем, когда узнал то, что хотел знать, пожал плечами и сказал:

Никто не может с уверенностью судить, слышал ли что-нибудь шпион или нет, но пустой страх не должен обращать людей в бегство. Давайте продолжим, как будто ничего не произошло”.

В манерах Туфраста было такое совершенное спокойствие, что оно передалось остальным. Только Акестор и Лиситель, казалось, на мгновение заколебались; но когда остальные остались, им стало стыдно уходить, и они тоже остались.

Было легко понять, что у Акестора на уме был какой-то грандиозный план. Он был одет во все великолепие, с которым появлялся на народных собраниях; его длинные, тщательно уложенные волосы были надушены, на нем был ослепительно белый хитон, украшенный вокруг шеи и внизу вышитой голубой каймой, а на указательном пальце правой руки он носил большой перстень с печатью.

XXI.

Содержание

Актер не сразу начал то, что хотел сказать. Сначала необходимо восстановить спокойствие в умах собравшихся, поэтому, с улыбкой оглядев круг, он начал тоном, призванным привлечь к себе внимание.

“Не правда ли, о! друзья мои, вы были бы очень удивлены, если бы я сказал: ”Вы никогда не видели Афин”.

“Что ты хочешь этим сказать?” - воскликнул Ксенокл, который всегда был слишком нетерпелив, чтобы любить загадки.

“Ты знаешь, ” продолжал Акестор, “ что некоторые лица, чтобы казаться красивыми, следует рассматривать спереди, другие - сбоку. Так и с городами — одни должны быть видны с моря, другие с суши....”

- А откуда будут видны Афины? - спросил Ксенокл, которому это вступление показалось слишком длинным.

- Клянусь Зевсом, с этого места.

Ламон улыбнулся.

“Ну да, ” сказал он, “Пифоклейд из Кеоса, первый учитель Перикла в искусстве Муз, приехал сюда в преклонном возрасте. Он был совершенно очарован видом города и впоследствии часто говорил: “Никто не видел Афин, кроме того, кто созерцал их из дома Ламона в Музеуме”.

“ Ну что ж, тогда покажите нам Афины! ” воскликнул Стенелий. - Клянусь Паном, вы вызвали у меня сильное любопытство, хотя, родившись на улице Скульпторов, я думал, что знаю этот город.

Ламон подал знак Акестору, и двое мужчин, каждый со своей стороны, раздвинули зеленый занавес между колоннами.

Первое впечатление было настолько ошеломляющим, что никто не нашел слов, чтобы похвалить его. За темной рамкой, образованной крышей, колоннами и полом квартиры, все пространство было залито приглушенным светом, похожим на голубоватый туман. Самой луны не было видно; она висела наискось за домом. Переход от света лампы был настолько внезапным, что сначала группа ничего не могла разглядеть; но едва треноги с лампами отодвинули подальше, как начали проступать очертания величественных домов и темные верхушки деревьев.

Перед домом, у подножия холма, была каменная балюстрада, на которой стояли вазы с крупнолистными растениями. За ними, далеко внизу, в долине, виднелись, подобно лесу, широко раскинувшиеся кепаи, или сады, среди темных тополей и кипарисов которых то тут, то там виднелись изгибы Илисса, сверкающие, как расплавленное серебро. Недалеко от подножия холма раскинулись низкие Лимны с их лабиринтом зданий и древним святилищем Диониса, которое казалось погруженным в ночные тени. Вдалеке в сумерках мерцали красные точки света; они двигались очень медленно, встречаясь, пересекаясь и удаляясь друг от друга — это были факелы, которые пешеходы несли по дороге, ведущей от цитадели к рынку. За этим участком земля поднималась тремя или четырьмя высокими холмами, на гребнях которых виднелись дома и деревья, среди последних виднелись одинокие пальмы, но далекие и маленькие, похожие на изящно вырезанные игрушки. Между самым большим из этих холмов плоская вершина и крутые склоны Акрополя мрачно возвышались в воздухе. Вплотную к утесу, словно сравнивая себя с ним, возвышался огромный Театр Диониса, за окружающей стеной которого взгляд пронзал темную пропасть, образованную круто поднимающимися скамьями. Но на вершине, возвышаясь над низкими Лимнами, мерцал беломраморный храм с его изящными, затененными рядами колонн, над которыми снова возвышалась колоссальная статуя

богини-покровительницы Афин, видимая за многие мили, поскольку в своем неподвижном величии она, казалось, одновременно властвовала и наблюдала.

На всем этом пейзаже, где когда-то бродили боги и где, так сказать, каждое место было священным, лежало удивительно возвышенное впечатление. На возвышенности Афина Паллада посадила посвященное ей оливковое дерево, и там, на берегу Илисса, почти на том самом месте, где стоял его алтарь, Борей увез принцессу Орейфию. Иногда прохладный вечерний ветерок, следуя течению ручья, проносился по долине. Затем до слуха донесся отдаленный, неясный звук, дыхание наполовину уснувшего города; но когда ветер стих, все стихло, и дома, деревья и горы, окутанные меланхолическим блеском лунных лучей, снова предстали перед глазами в величественной тишине.

“Великолепно! Изумительно! - воскликнул маленький Ксенокл, протягивая руки к городу, как будто хотел обнять его.

- Друзья, - сказал Акестор, но сделал паузу, пока его взгляд блуждал по комнате, как будто в поисках чего-то.

Глаза Стенелуса блеснули; он знал все приемы актерского искусства.

“Почему, - сказал он, - Акестору нужен бема?” Я Но, если ты хочешь, Ламон, он, конечно, может говорить, стоя за мраморной стойкой.

ЛОраторская сцена.

Ламон, который снова задергивал зеленый занавес между колоннами, сделал знак согласия.

Стенелус, несмотря на свою хромоту, подтащил скамейку к стойке.

“Бема готова”, - сказал он, протягивая Акестору руку.

Тот взял его и неуклюже ступил на скамейку, а со скамейки - на стойку. Очевидно, он не был искусен в физических упражнениях и, посещая гимнастический зал, несомненно, делал это только для того, чтобы встретиться с ораторами и поэтами в галереях.

Запрокинув голову и закрыв глаза, чтобы собраться с мыслями, он протянул обе руки.

“Друзья, ” сказал он, и его мощный голос наполнил комнату так, что отдался гулким эхом, - что глазное яблоко для глаза, то Афины для Эллады. Как оратор и преподаватель ораторского искусства, я путешествовал по многим странам и посетил много городов. Я говорю это не для того, чтобы гордиться собой, а чтобы показать, что я компетентен судить. Я видел, что такое великие города и как ими управляют. Теперь я говорю вам: Афины идут к своей гибели! Если бы я — чего, возможно, я не совсем недостоин — стоял во главе государственных дел, я бы хорошо знал, что нужно. Тогда, как второй Перикл”.

При этом сравнении Туфраст нахмурил брови; кровь прилила к его голове, и, стиснув руки, он поднялся с ложа. Каждый знал, что он знал Перикла и восхищался им всей душой.

В комнате воцарилась абсолютная тишина. Все взгляды устремились на Туфраста, который направился прямо к прилавку, схватил Акестора за голую ногу и встряхнул его, говоря:

“Приди в себя, Сакас! Ты забываешь, как велика пропасть между тобой и Периклом.

При произнесении рабского имени Сакаса Ацестор тяжело спрыгнул на выложенный плиткой пол. Он был смертельно бледен, его глаза сверкали яростным, мрачным светом, и он занес руку, чтобы нанести удар.

Туфраст не сделал ни малейшего движения, чтобы парировать удар; скрестив руки на груди, он сдерживал своего разъяренного противника холодным взглядом, словно тот был злобной собакой. Мгновение двое мужчин стояли неподвижно, вглядываясь в лица друг друга, затем почувствовали хватку за руку, которая казалась железной.

“Не ссорьтесь!” - раздался низкий голос Ламона, и, в качестве простейшего способа восстановить мир, он обхватил Акестора за поясницу и поднял его на стойку так легко, словно тот был ребенком. “Говори дальше!” - коротко добавил он и вернулся на свое место, не глядя на него, как будто то, что ему следует повиноваться, было само собой разумеющимся.

Акестор несколько раз провел рукой по лбу и долго не мог совладать со своим голосом.

“Если мы хотим спасти Афины, ” наконец продолжил он, - мы должны добиться того, чтобы дружба правителей держалась подальше от народных собраний. Тогда уничтожить их будет нетрудно, потому что у них много врагов”.

Ламон и Стенелус неодобрительно зашептались.

Это было особое соглашение о том, что гетерии должны трудиться только на благо своих братьев и не вмешиваться в государственные дела. Обменявшись взглядами с Хипиллом, Туфраст, ко всеобщему удивлению, сделал жест, как будто ему еще не надоело слушать то, что хотел сказать Акестор. Тем не менее, последний чувствовал, что слушатели не в ладах с ним; он резко замолчал, как будто его мысли ускользали от него, а затем добавил, повышая голос все громче и громче, как будто пытаясь оглушить себя собственными словами:

“Хариклы и аристократы должны сложить свои должности, Пейсандр должен быть изгнан, а Фан, который сделал несчастными столько граждан своей погоней за гетериями, должен не только лишиться должности клерка, но и воздвигнуть на каком-нибудь видном месте позорный столб со своим именем”.

Тут Акестор внезапно остановился и уставился расширенными глазами на занавес между колоннами, как будто увидел через отверстие все ужасы Ада. Не добавив больше ни слова, он спрыгнул со стойки и дрожащей рукой указал на порог между колоннами.

Все проследили за направлением его взгляда.

С каждой стороны под зеленым занавесом виднелось по паре ног. Вид этих неподвижных ног вызвал неопишемое волнение среди мужчин. Сначала никто не поверил своим глазам, потом все поднялись со своих лож. Было так тихо, что впервые за весь вечер было слышно, как в соседней раздевалке журчит вода.

“ Тупицы из рабов! - пробормотал Ламон, указывая сжатой рукой на внутреннюю часть дома. “ Вы забыли о саде. Они напали на нас с холма.

Гипиллос обменялся многозначительным взглядом с Туфрастом и, указав на Акестора, сказал очень тихо:

“Все получилось не так, как мы ожидали. Шутка стала серьезной”.

XXII.

Содержание

Едва внезапная тишина предупредила стоявших снаружи, что их обнаружили, как занавес был отдернут.

Клерк Фан, гонитель гетерий, вошел в комнату, в то время как его спутник, младший офицер городской полиции, остался стоять у входа.

“Дом окружен!” - закричал тот громким голосом. “Никто не может убежать”.

С этими словами он отодвинул занавес подальше, и за ним, подобно живой стене, показались темные фигуры токсотернов, или лучников, чьи шлемы, копья и щиты сверкали в свете факелов.

Все взгляды были прикованы к Фаносу, невысокому, полному мужчине с бледным, красивым лицом. Прядь черных волос низко падала ему на лоб, но самым примечательным в нем были его глаза — пара ясных, светло-голубых глаз, искрящихся умом, взгляд которых был вдвойне пронзительным, потому что он немного наклонил голову и смотрел из-под нависших бровей. Было очевидно, что эти глаза никого не забывали и что каждый человек, на котором они останавливались, с таким же успехом мог быть занесен в книгу. На нем было простое белое одеяние, совершенно без украшений, и он набросил на себя коричневую мантию.

При виде Фаноса Акестор сделал движение, как будто собирался убежать через перистиль. - Куда ты идешь? - спросил я. - прошептал Туфраст. “ Ты побежишь прямо в руки лучников. Нет, прячься, прячься!— Фан слышал каждое слово.

“ Там! ” поспешно добавил Ксенокл, указывая на дверь отбеливающей. “ Он тебя еще не видел. Возможно, о тебе забудут”.

Акестор прокрался за прилавок и, как вор, прокрался в отбеливающую, тщательно прикрыв за собой дверь.

Это было очень вовремя. Полдюжины рабов городской полиции протиснулись внутрь из перистилия и наблюдали за каждым выходом, в том числе за дверью, через которую проскользнул Акестор.

Пока это происходило, Фан сурово оглядывался по сторонам, но при виде Туфраста и Ксенокла его лицо просветлело. Подойдя к Ламону, хозяину дома, он протянул руку.

“Ламон, - сказал он так громко, что офицер и рабы могли слышать, - тебе повезло, что я встретил здесь таких людей, как Туфраст и Ксенокл. Я знаю их — они не замышляют ничего дурного. Ваша гетерия не похожа на ту, которую мы так жестко преследуем. Вы ищущие должности, а не люди, стремящиеся узурпировать власть. Теперь я видел это своими глазами.... И все же — разве я не слышал, как среди вас кричал болтун? Он кричал невыносимо долго; я закрою ему рот”.

“Если вы это слышали, - ответил Ламон, - то, должно быть, слышали и наше неодобрение”.

“Что ж, ” продолжал Фан, “ говори откровенно. В какие места ты хочешь быть избранным?”

Ламон, а затем и остальные, без колебаний подчинились приказу.

“ Очень хорошо! Затем Фан продолжил: “Пообещай разогнать гетерию, и ты ничего не потеряешь. Места, которыми мы распоряжаемся, зависят не от выборов, а от назначений. Но собраний гетерии больше быть не должно. Если, несмотря на ваше обещание, вы тайно соберетесь, горе вам! Никакое наказание не будет для нас слишком суровым”.

Не склоняясь ни на дюйм и не снисходя до лести, Туфраст поблагодарил клерка за его внимание и, обменявшись взглядами с Ламоном и остальными, пообещал от своего имени и от имени своих друзей распустить гетерию.

Теперь Фан повернулся к Хипиллу, самому молодому в группе.

“Приведи ко мне этого крикуна, - сказал он ему, - единственного из вас, кто сбежал”. И с улыбкой, показывающей, что он все заметил, он указал на дверь отбеливающей комнаты и добавил: “Вы найдете его там”.

Ни одна команда не могла бы быть более желанной для Хипиллоса. Его сердце трепетало от радостного предвкушения; у него было предчувствие, что он близок к своей цели.

XXIII.

Содержание

Часовой у двери по знаку Фаноса расступился, и Хипиллос поспешил в отбеливательную.

Его встретил удушающий запах серы, смешанный с ужасным запахом мочи и мыла. На треножнике, стоявшем у стены, горела медная лампа, и он одним взглядом окинул всю квартиру. В задней части были пять углублений в стене, содержащих резервуары с водой, где лежал пропитанный материал, который рабы должны были оттиснуть на следующий день. Посреди мастерской стоял большой каменный стол, на котором лежало несколько тестяных заготовок. Слева, на шесте под потолком, висела пурпурная мантия, в нижней сложенной части которой висела железная чайная ложка. За этим предметом одежды виднелась сушильная комната, где Хипиллос заметил сотни предметов одежды, развешанных на длинных шестах. Он собирался проползти под ними, когда услышал приглушенный звук с противоположной стороны. Здесь вдоль стены в ряд стояло несколько плетеных корзин в рост человека, напоминавших курятники. Одежда была разбросана на пяти или шести местах, где, как свидетельствовал пар в комнате, недавно подожгли серу, чтобы придать ей необходимую белизну. Из одного из центральных раздался странный сдавленный стон.

“Он у меня в руках!” - с улыбкой пробормотал Хипиллос, берясь за ручку наверху в форме совы, священной птицы Афин. Когда он убрал корзину, Акестор сидел перед ним на корточках с полузакрытыми глазами, тяжело дыша и постанывая, почти теряя сознание. Сера под одеждой почти задушила его, и Хипиллосу было трудно поднять его на ноги.

Но как же совершенно преобразился величественный Акестор! Под корзиной стояли две маленькие металлические баночки, наполненные порошкообразной серой, готовые к

отбеливанию на следующий день. В замешательстве и ужасе Акестор опрокинул их и, поскольку впоследствии он схватился руками за голову, то залил серой свои волосы, брови и бороду, а также желтые пятна на носу, лбу и щеках. Не успел он сделать и нескольких глубоких вдохов, как начал чихать так, словно у него вот-вот лопнет голова. Казалось, он был совершенно ошеломлен; его конечности подгибались под ним, и он позволил вести себя, как ребенка.

Не тратя на него ни слова, Хипиллос подвел его к ожидающей группе.

При виде этой жалкой фигуры все разразились громким смехом; даже рабы, стоявшие на страже, хохотали так, что копья дрожали в их руках.

“Почему, почему, ” сказал Фан, - это тот герой, который изгоняет чиновников и воздвигает столпы позора? Кто бы в это поверил? Он похож на убийцу?

Эти слова были встречены новым взрывом смеха.

— Но, опасный он или нет, - продолжал Фанос, - он совершил преступление и заслуживает наказания.

- Что он сделал? - спросил Ксенокл.

“Он фальшивый гражданин. Имя его отца не может быть найдено в храме Покровителя Аполлона”.

Акестор поднял голову и устремил на Фаноса ядовитый взгляд.

“Вы ошибаетесь”, - сказал он. “Это можно найти там”.

- Где? - спросила.

- Рядом с именем *твоего* отца.

Фан отступил на шаг, словно пораженный невидимой стрелой; но в следующее мгновение вены на его висках вздулись, а глаза сверкнули.

“Негодяй! ” воскликнул он, и губы его задрожали от негодования. “Имя моего отца нельзя найти в храме — он был, как всем известно, вольноотпущенником. Тем не менее, мое право на гражданство является законным и даровано за заслуги перед государством. Обрати внимание на это, Гобрий, сын Тисаменоса.

Эти слова поразили Акестора подобно удару грома. Услышав свое имя, свое настоящее имя, которое, как он считал, было скрыто от всех, он понял, что все раскрыто.

Бросившись к ногам Фаноса, он покорно поднял руки.

“Пощады! - Пощады! - прошептал он. - Пощады!

“Ты знаешь подземелья в утесе?” - строго спросил Фанос.

Акестор сделал знак согласия.

“Что ж! Стенелус может рассказать тебе, что говорят о них слухи.

Мерри Стенелус, прихрамывая, подошел на несколько шагов ближе, откашлялся и ответил замогильным голосом:

- Ходят слухи, что заключенные *заходят* в них, но их *выносят* ногами вперед.

Акестор поцеловал край одежды Фаноса.

“Пощади!” - воскликнул он. “Пощади! Прости мои злые слова”.

- Пощади его, - сказал Ксенокл.

“Пусть бежит”, - добавил Туфраст.

“Ну что ж, ” ответил Фан, “ ты хвастался своими путешествиями, Акестор. Ты должен отправиться еще дальше. Если ты не хочешь, чтобы тебе подстригли волосы и превратили в рабыню за то, что твое имя было ложно внесено в список граждан, ты должен покинуть Афины до завтрашнего полудня”.

Акестор склонил голову под рукой Фаноса в знак покорности.

- Милон! - крикнул Фан.

Офицер городской стражи, который все еще нес караул за занавесом, вышел вперед.

“ Следуй за этим человеком, ” сказал Фан, указывая на Акестора, “ и не теряй его из виду. Когда он покинет Афины, доложи мне.

Милон схватил Акестора за руку и ушел вместе с ним.

Ксенокл посмотрел им вслед.

“Клянусь Зевсом! - воскликнул он. - верьте мне или нет, как хотите, но у меня всегда было предчувствие, что орел может превратиться в ворону”.

“А я, - ответил Туфраст, - всегда видел ворону, но никогда орла”.

Когда вскоре после этого городская стража покинула дом, друзья некоторое время молча смотрели друг на друга.

“Кто это сделал?” - спросил Ламон.

Туфраст пожал плечами.

- Есть ли какой-нибудь способ узнать, кто донес на гетерию? - пробормотал он.

- Вероятно, это был Мегас, - прошептал Лизитель своим слабым, надтреснутым голосом.

“Нет, ” решительно ответил Стенелий, “ если бы это был он, клянусь Зевсом, он был бы с ними. Мегас хотел бы насладиться видом наших лиц, когда мы были удивлены. Нет, это был не он. Я думаю, это был Цефидосемос, который наблюдал за Ксеноклом и за мной из-за колонны. Как информатор, он боится навлечь ненависть на свою голову, поэтому держится в стороне”.

Туфраст задумчиво провел рукой по бороде.

“Какими обязанностями может наделить нас Фанос? - спросил он.

“Я слышал, ” ответил Ламон, “ что в некоторые мятежные города будет послан сборщик налогов. С ним будут сотни солдат. Я бы не удивился, Туфраст, если бы тебя назначили на этот пост.

“Что ж! ” воскликнул старый капитан. “ Я полагаюсь на слова Фаноса. Он никогда не забывает”.

“Мы все будем доверять ему!” - хором повторила группа.

“Но, - продолжил Фуфраст, обращаясь к Ксеноклу, - как бы нам ни повезло, есть *один* человек, который проиграет...”

- Кого вы имеете в виду?

“Клянусь Зевсом, твоя дочь! Разве она не была помолвлена с Акестором, и разве свадьба не должна была состояться в этот самый день?

Ксенокл сделал отталкивающий жест.

- Не говори об этом! - закричал он.

“Что ж, - ответил Туфраст, - я дам тебе зятя, и, клянусь богами, лучшего, чем этот болтун”.

Ксенокл поднял голову с вопросительным взглядом.

“Мужчина, которого я приведу тебе, недалеко отсюда”, - продолжал Фуфраст. “Вот ты видишь Хипиллоса! Он любит девушку. Мы знаем о нем то, чего никто не знал об этом крикуне, — что он богат. Он показал свое мужество в битве при Антириуме — в его семье есть архонты. Чего еще ты можешь желать?”

“Ничего, клянусь Зевсом!” - ответил Ксенокл, смеясь и пожимая руку юноши. - “Какие у меня могут быть возражения против зятя, который сделает меня родственником Лакратеидов?”

Хипиллос сжал руку Ксенокла обеими руками.

“ Отец! ” горячо воскликнул он. - отдай мне свою дочь Клити! Ни ты, ни она не раскаетесь в этом — клянусь всеми богами.

Вскоре после этого Хипиллос прокрался в перистиль и позвал своего раба.

“ Мирмекс, ” прошептал он, “ поспеши в дом Сауроса, оружейника. Попроси Нину, жрицу Сабазия, и пусть она проследит, чтобы юная леди и ее рабыня немедленно вернулись домой незамеченными. Смотри, вот деньги”.

Когда Хипиллос вернулся, состоялась последняя дискуссия среди гетерий. Это продолжалось час; наконец члены общества освободили друг друга от своих клятв и разделили внесенные деньги.

При первой же возможности Хипиллос ускользнул, не попрощавшись ни с кем, кроме Ламона, хозяина дома.

XXIV.

Содержание

Хипиллос быстро спускался с холма. Он хотел первым донести радостную весть до Клити.

Примерно на полпути он встретил Мирмекса, который, по-видимому, возвращался, выполнив свое поручение. Поскольку путь был каменистым, а луна часто скрывалась за облаками, старик зажег факел, но Хипиллу не нужен был ни он, ни его факел — он позволил луне освещать себя, как только могла, и поспешил мимо него, восклицая:

- Следуйте за мной и погасите факел, когда выйдете на улицу.

Затем, скорее прыгая, чем идя вниз по склону, он свернул в темные, затененные Лимны и вскоре увидел знакомый луч света, струящийся ему навстречу из пристройки к дому Ксенокла. Поспешив к нему, он поднял с земли камешек и швырнул его в стену.

Красная занавеска отодвинулась, и в проеме показался предмет его вождения — Клити! Когда лампа вернулась в комнату, лучи разделились, оставив ее почти в темноте, но юная фигура образовала неясный контур, которого было вполне достаточно, чтобы заставить сердце влюбленного трепетать. Хотя Хипиллос не мог различить ее черт, пышные волосы, детская округлость щек и изящный наклон плеч обладали чарующими намеками на юную красоту, и Хипиллос знал, что эти признаки не были иллюзией.

Несмотря на темноту снаружи, Клити узнала его и воскликнула:

“ Вечные боги! Что случилось? Добрая или злая судьба? Говори, говори, умоляю тебя.

Хипиллос слушал с восторгом. Каждое слово, произнесенное губами молодой девушки, серебристым эхом отдавалось в ночной тишине.

Он оттолкнул ногой бревно от стены и вскочил на него.

“ Дорогая, прелестная Клити, ” прошептал он, “ дай мне свою руку! То, что я должен сказать, несомненно, стоит того, чтобы сжать пальцы”.

Теперь он в нескольких слов пересказал ей события вечера, но, по-видимому, простым пожатием руки его не удовлетворило.

Внезапно улицу озарил широкий луч света, и, хотя тень Хипиллоса, гигантская и странно искаженная, падала на стену и люк, вновь пришедшим было нетрудно разглядеть, что он прижимается губами к ослепительно белой руке, которая тщетно пытается ускользнуть от ласки.

“Ага! - раздался сердитый голос. - Красивое зрелище, клянусь Гераклом...”

Клити с полузадушенным воплем исчезла в отверстии, а Хипиллос, повернувшись, спрыгнул с бревна.

В сопровождении раба, несущего пылающий факел, Ксенокл, пройдя по тропинке через холм, только что вышел из кустарника. Хипиллос и не думал, что этот подвижный маленький человечек, несмотря на свой возраст, почти так же проворен в походке, как и он сам.

Ксенокл, казалось, пришел в ярость и яростно ударил юношу сжатыми кулаками.

“ Убирайся! ” крикнул он. “ Убирайся с глаз моих. Неужели ты думаешь, что я отдам свою дочь повесе, который крадется в комнату девицы в темноте ночи? Убирайся отсюда, я говорю; Клити никогда не будет твоей женой.

При этих словах Хипиллос смертельно побледнел, и у него закружилась голова. Теперь, когда все препятствия были устранены, теперь, когда он поверил, что достиг цели своих желаний, это произошло так неожиданно, что казалось, будто земля разверзлась у него под ногами.

Бросившись к ногам Ксенокла, он обхватил его колени и со слезами на глазах воскликнул самым умоляющим тоном: “Отец мой, накажи меня, позволь твоим рабам бичевать меня — я сам подставляю им спину, но прости меня! Твоя дочь мне дороже света моих очей.

Странная судорога исказила черты Ксенокла; он отвернулся, но, не в силах совладать с собой, разразился громким смехом.

“ Молодой человек, ” сказал он, когда к нему снова вернулся дар речи, -признайтесь, что я ужасно напугал вас. Но, ” добавил он, повысив голос, “ вы оба заслужили это — она не меньше, чем ты. Теперь я понимаю, в чем дело — если бы ее не сопровождал ты, она никогда бы не осмелилась сбежать из дома своего отца ночью.

Гипиллос сам не знал, как он распрощался с Ксеноклом. Теперь, когда все закончилось благополучно, он был совершенно опьянен радостью. Сопровождаемый Мирмексом, он бродил, упиваясь своим восторгом, лунной ночью. Какое ему было дело до грубых бунтовщиков, которых он встречал, или воров в масках, которые подкарауливали за алтарями на перекрестках.

Не казалось ли вам, что все вокруг улыбается ему? Он вошел в “Сады”, самую красивую часть Афин. В центре площадки, спускающейся к реке, возвышался высокий платан, у подножия которого журчал фонтан; вокруг него простирались заросли деревьев Agnus castus, на темном фоне которых отчетливо выделялись белые статуи. Из девяти святилищ в этом квартале мраморный храм Афродиты поблескивал среди темных высоких кипарисов; под ним волны Илисса, посвященного Музам, искрились в своем глубоком русле, а с тропинки вдоль берега ручья в ночной тишине доносились веселые разговоры. Внезапно юношеский голос, казавшийся воплощением беззаботности, заиграл следующую песню:

- Зачем, прошу тебя, мне учиться
Справедливости, закону и ораторскому искусству?
Почему я должен обращать свои мысли
К вещам, не имеющим для меня ценности?
Позволь мне скорее весело искать
С моими друзьями веселья и утех,
Научи меня говорить нежные слова
И с прекрасной игрушкой Афродитой”.

Хипиллос тихо повторил последние слова песни. Ему казалось, что он, подобно самим богам, ходит по облакам. Как раз в этот момент его внимание привлекли повторяющиеся стоны, и, обернувшись, он увидел, что его старый раб едва поспевает за ним.

“В чем дело, Мирмекс?” - добродушно спросил он. “Разве ты не видишь, что я счастлив, как бог, а ты становишься хуже самого Сизифа”.

“ Не сердись, ” захныкал старик. “ Становится поздно. Разве мы недостаточно далеко зашли сегодня?

“Ну что ж, тогда домой!” — смеясь, ответил Хипиллос. - “Но завтра...”

- Что ты собираешься делать? - с тревогой спросил Мирмекс.

“Завтра я пойду в Лицей слушать мудрые поучения Гиппия из Элиды. Тот, кто может похвастаться тем, что способен ответить на любой вопрос, несомненно, должен быть человеком разносторонних знаний”.

- И чему ты хочешь, чтобы он тебя научил?

“Первая, кто сделал богиню домашнего обихода счастливой” .,

-А что дальше?

-Чтобы связать ей крылья.

- Чтобы она всегда могла оставаться с тобой?

- Именно так, мудрый Мирмекс.

СЛИШКОМ СЧАСТЛИВ.

ТРЕТИЙ ГОД 98-Й ОЛИМПИАДЫ (386 ГОД до н.э.)

Содержание

СЛИШКОМ СЧАСТЛИВ.

Содержание

В один прекрасный летний день месяца Метагитнион большой корабль проплыл мимо восточной оконечности Крита и с помощью двух лопатообразных рулей вошел в Эгейское море. Свежий восточный ветер трепал пурпурный флаг и заставлял белый парус, укрепленный сетью веревок, раздуваться над волнами.

Корабль назывался Samian, и его глубоко изогнутый нос свидетельствовал о том, что он был построен для перевозки большого груза. Хотя длиной оно было почти в четверть стадиона — или примерно такого же размера, как самое большое военное судно тех дней, - оно, очевидно, было мирным торговцем; ибо под защищающей фигурой-головой - Доридой, дочерью Океана, — которой был украшен изгиб носа и чье имя носил корабль, тщетно было бы искать оружие, характерное для корабельного вооружения, - выступающий окованный железом эмболус или клюв. На корме стояла статуя богини Афины, знакомый "аттический знак", который показывал, что судно было афинским кораблем. Для усиления соединения досок корпус от форштевня до форштевня был окружен многочисленными поясами из толстых канатов, которые, как и сам корпус, были смазаны смесью смолы и воска. Вдоль бортов судна появился ряд полукруглых отверстий для воздуха, а через отверстия, проделанные для рулей, проходили тросы, намотанные на шпиль. Снаружи, прямо под головой фигуры, были нарисованы два огромных глаза - вероятно, для того, чтобы показать, что корабль понимал, как находить дорогу в море.

На изгибе носа, в самой высокой части "Самиана", где бородатый рулевой управлял двойным штурвалом, стояла небольшая группа путешественников, весело беседующих друг с другом. Это были лидийские и финикийские купцы, воспользовавшиеся возможностью отправиться в Афины, поскольку торговое судно, посетив самые важные порты Малой Азии, возвращалось домой с полным грузом на "Пирей" для ремонта.

Матросы, собравшиеся на носу, распевали свои монотонные песни или засыпали, растянувшись в тени за парусом, прямо во время пережевывания лука, в то время как несколько молодых рабов, занятых приготовлениями к предстоящему обеду, сновали туда-сюда среди них.

У подножия мачты был натянут красно-белый полосатый тент, достаточно низкий, чтобы не мешать движению паруса. Эта палатка была задернута занавеской, хотя и не настолько полностью, чтобы те, кто находился внутри, не могли разглядеть маленького мальчика в белом, четырех или пяти лет от роду, который скакал взад-вперед на пестрой лошадке для хобби. Места для игр было очень мало, и иногда он бегал среди груды сундуков и коробок, где спотыкался и чуть не падал. Всякий раз, когда это происходило, женский голос внутри павильона произносил:

— Каллиас должен оставаться там, где сказала ему мать, иначе придет Мормо.

В палатке находились два человека: владелец корабля и шкипер, молодой аттический торговец, полулежавший на кушетке, и его жена, сидевшая на краешке сиденья перед ним.

Главк - так звали торговца - был мужчиной двадцати пяти лет с красивым, несколько бледноватым лицом. Он был одет в красновато-коричневую мантию с широкой белой каймой, а поскольку летний день был невыносимо жарким, на талии у него не было пояса. В руке он держал рукопись, но уронил ее рядом с собой, как будто его мысли не были сосредоточены на содержании.

- Нет! - внезапно воскликнул он, откидывая назад свои темные локоны и швыряя свиток на стол.

- Я не могу забыть этого странного человека!

- Кто это был? - спросила его жена.

“ Откуда я знаю, Хариклея? Он приплыл на лодке к кораблю в заливе Челендерис, чтобы продать нам несколько овец, которые были у него в лодке. Ты сошел на берег с рабами, чтобы сделать кое-какие покупки. Едва он поднялся на борт, как самым простодушным образом стал расспрашивать обо всем, что видел. Он хотел знать, что дороже - индийская слоновая кость или сардийский пурпур, и можно ли построить дом за те деньги, которые стоил один из расшитых золотом ковров из Вавилона”.

- Как выглядел этот человек? - спросила Хариклея.

“Он напоминал Геракла, каким его представляют на сцене актеры. Он был высоким, с широкими конечностями, ходил согнув спину, был неуклюж в движениях, и у него были спутанные волосы, низко свисавшие на лоб”.

- Что еще он заметил на борту?

Он не уставал разглядывать все подряд. Он никогда не предполагал, что бывают такие большие корабли. В конце концов он стал настолько назойливым, что я приказал своим матросам посадить его обратно в шлюпку; но гигант защищался, и — быстрее, чем я успел вымолвить хоть слово — двое моих рулевых растянулись на палубе, у одного из них от удара по лицу текла кровь. Обезумев от ярости, я схватил его за грудь, крича: ‘Покинь мой корабль, варвар, или, клянусь Зевсом, тебе плохо придется’. Но вот! на наших глазах произошло нечто, очень похожее на чудо. При слове ‘Варвар’ он выпрямился, откинул назад волосы и внезапно предстал перед

нами совершенно другим существом. Его глупый вид исчез, глаза вспыхнули, а его огромная фигура и смуглое лицо производили ужасающее впечатление неукротимой силы и свирепости. "Мы еще встретимся, афинянин!" - сказал он и, расталкивая моих людей, как пучки соломы, прыгнул в лодку и быстро поплыл к берегу".

- Главк, - сказала молодая жена, побледнев, - я боюсь этого человека.

"Простак!" улыбаясь, ответил Главк. "Тебе следовало бы радоваться. - и, понизив голос, добавил: - Я жажду хоть какого-нибудь прикосновения невзгод. Нам слишком повезло, мы живем, как счастливые боги. Нам нечего желать.... Разве у меня нет изобилия собственности и богатства, просторного, красивого дома, больших складов в Афинах и Пирее, множества кораблей в море и прекрасной виллы на Саламине? А что касается будущего, разве мой маленький Каллиас не унаследует все, что у меня есть?"

Теперь, когда он заговорил о своем богатстве и сыне, он подумал о своей жене. В древние времена женщин мало ценили.

Приподнявшись на своем ложе, он позволил своему взгляду задержаться на фигуре Хариклеи. Ее тонкое легкое платье с рисунком в виде маленьких зеленых листочков подчеркивало изящную шею и белые плечи, а сама манера держать голову выдавала молодую *ойкодеспойну* (хозяйку дома), которая происходила из благородной расы и привыкла командовать многочисленными рабами.

Главк сжал ее мягкую, унизанную кольцами руку.

"И разве у меня нет, - добавил он, - хорошей и красивой жены?"

Хариклея подняла на него свои темные глаза и ответила пожатием руки, что означало: "А разве я не лучший и красивейший из мужей?"

- Не смотри на меня так, пчелка моя, - улыбаясь, сказал Главк. "Вся моя душа стремится к тебе. Но ты знаешь, что говорят моряки: "Корабли не должны подвергаться соблазну Афродиты, во-первых, потому, что они священны, а во-вторых, потому, что нехорошо шутить, когда между нами и смертью всего лишь доска".

Обычное ласковое обращение к женщинам. Конечно, речь шла не о пчеле, вооруженной жалом, а о производителе меда, самого сладкого, что было известно в то время.

Хариклея его не слушала.

"Значит, ты думаешь," задумчиво произнесла она, "что мы слишком счастливы. Ты боишься зависти богов?"

- Я верю, - прошептал Главк, словно боясь, что его услышат невидимые уши.

"Утешься, друг мой. У счастливых богов нет желаний. Но у меня есть одно дело, настолько важное для меня, что сомнение в его исполнении занозой засело в моем сердце".

- И что же это за желание? - удивленно спросил Главк.

Чтобы, когда наши жизни приблизятся к концу, мы могли умереть вместе. Подумай, Главк, если один из нас внезапно останется один. Милосердные боги! как часто я молила тебя предотвратить это несчастье”.

“ Берегись, Хариклея! ” серьезно сказал Главк. “ Не молись о глупостях. Жизнь и смерть находятся во власти богов — что мы знаем о них? Возможно, ты горько раскаешься в своем желании, если небесные силы исполнят его.

“О нет, нет! ” воскликнула Хариклея. “Пусть смерть придет, *когда и как* она придет, если только она заберет нас вместе”.

С этими словами она отдернула занавеску палатки в сторону. Перед ними расстиралось сверкающее море, испещренное зеленоватыми волнами, которые, казалось, сонно перекачивались на солнце. Вдалеке две Киклады вздымали к небу свои скалистые вершины, а далеко на севере возвышались несколько иссиня-черных облаков, настолько резко очерченных на фоне чистой лазури небес, что напоминали зазубренные горные вершины.

“ Если мое желание нашло благосклонность у Вас, Силы Небесные, ” воскликнула Хариклея, с южным пылом воздевая руки к небу, “ о! дай мне в присутствии моего мужа знак, что моя молитва будет услышана”.

Полностью выйдя из шатра, она огляделась вокруг. Главк поднялся с ложа и, стоя в тени, проследил за направлением ее взгляда. Даже у маленького Каллия было предчувствие, что от него чего-то ждут. Прервав игру, он подбежал к матери и схватил ее за платье.

Как раз в этот момент далеко в темном небе сверкнула ослепительная вспышка молнии, за которой через несколько мгновений последовал раскат далекого грома. Три белые птицы, одна маленькая и две большие, быстрыми взмахами своих длинных крыльев пролетели над кораблем, следуя друг за другом на точно таком же расстоянии, словно связанные вместе какой-то невидимой цепью. Они поднимались все выше и выше, словно хотели воспарить в небо, и вскоре превратились в просто расплывчатые точки.

“Смотрите!” - воскликнула Хариклея, ее лицо сияло от радости. - “Они приходят справа и движутся влево. Моя молитва будет исполнена”. И, опустившись на колени, она простерла руки к небу, говоря: “*Дечомай тон ойонон!* Я принимаю это предзнаменование.

Снова издалека, словно в подтверждение, донесся низкий раскат грома.

- Но, - заметил Главк, - там было *три* птицы, одна поменьше остальных?..

“ Друг мой, ” сказала Хариклея, сжимая его руки, - возможно, такова воля богов, что мы должны умереть, пока Каллий еще ребенок. В таком случае я принимаю предзнаменование и для него. Пусть он следует за нами!”

Какое бы впечатление ни произвела эта сцена на Главка, от его внимания не ускользнуло, что тем временем на палубе поднялась странная суматоха. Нетерпеливый, взволнованный разговор доносился с кормы, где стоял рулевой, несколько молодых рабов бежали взад и вперед, более того, даже ленивые матросы на носу начали двигаться. Некоторые из них медленно прогуливались мимо палатки.

“Что случилось?” спросил Главк. - Неподалеку замечено небольшое судно... - начал один.

“Который, похоже, преследует нас”, - добавил другой.

Главк подошел к рулевому.

“С тех пор как мы миновали Родус, - сказал последний, - вон то маленькое суденышко следует за нами, всегда держа курс в одном и том же направлении. Дважды я намеренно лавировал, и каждый раз видел, что судно поворачивает вместе с нами. Поэтому я боюсь, что это киликийский пират.

- Подойди сюда, египтянин! - сказал Главк, подзывая старейшего из матросов, лысого седобородого мужчину весьма необычного вида.

Его прозвали “Египтянином”, потому что в течение многих лет он плавал в Бусирис, Бубастис и другие города на Ниле. Никто никогда не видел его одетым во что-либо, кроме одежды из плетеных циновок, сквозь которую его худые руки и ноги казались первыми грубыми рисунками человеческой фигуры, сделанными маленьким ребенком. Его кожа казалась загорелой ливийским солнцем и никогда не казалась чистой, а рот представлял собой плотно сжатую прямую линию, как будто у него не было губ. Можно было бы предположить, что у них вырвалось всего несколько слов.

— Что *ты* думаешь, египтянин? - спросил Главк, повышая голос - человек был несколько глуховат.

“Шелест фигового листа”, - коротко ответил египтянин, пожимая плечами.

Ложная тревога.

- Как ты думаешь, что это за корабль? - спросил Главк.

- Миопарианка, - последовал ответ.

Миопариан (проворный, как мышь) - так назывались небольшие быстроходные суда, принадлежащие Кикладам. В прежние времена они часто использовались для грабежа торговых судов, но в то время использовались только в мирных целях и имели наилучшую репутацию.

Поэтому заявление египтянина было горячо встречено.

“Этот человек прав”, - сказал один из финикийских купцов, поглаживая свою заплетенную в косу бороду. “Как часто маленькие корабли следуют за большими! Отчасти это происходит потому, что их капитаны считают, что у рулевых больших судов больше опыта, а отчасти потому, что они надеются на убежище в случае необходимости”.

“Но, - возразил один из путешественников, - пираты с таким же успехом могут преследовать нас на захваченном ими миопариане, как и на любом другом судне”.

“Позволено ли мне будет сказать, господин?” обратился к Главку афинский раб, уроженец Афин. Это был молодой человек с утонченным, умным лицом, чью естественную красоту не портили даже волосы, коротко подстриженные по рабской моде.

Главк кивнул в знак согласия.

“Я думаю, рулевой прав”, - сказал юноша. “Если это судно такое быстроходное, как говорят, но все же держится в стороне, то, несомненно, здесь замышляется какое-то зло, которое не проявится до тех пор, пока время не покажется благоприятным”.

Так продолжался разговор, и высказывались самые противоречивые мнения. Спор еще не закончился при приближении заката.

Небо на западе сияло золотистым светом, и высоко над кораблем несколько тонких облаков, которые раньше едва можно было заметить, отчетливо выделялись на фоне глубокой лазури, приобретая ярко-малиновый оттенок, из-за чего они напоминали легкие перышки. Даже море разделяло великолепие заката и отражало огненное зарево, на фоне которого длинные волны казались темными движущимися полосами.

Самиец почти не продвинулся вперед. Парус слабо хлопал взад-вперед; ветра было недостаточно, чтобы наполнить его, и прежде чем солнце скрылось за морем, последний слабый ветерок стих.

Теперь гребцам пришлось занять свои места; "селевстис" начал монотонную песнь, отсчитывающую время, но, проворно двигая веслами, огромный корабль медленно продвигался вперед.

С маленьким судном все было совсем по-другому, расстояние между ними, казалось, постепенно уменьшалось, и вскоре не оставалось никаких сомнений в том, что оно догоняет аттический корабль. Вскоре те, кто был на последнем, смогли увидеть белую пену, плещущуюся под носом "Миопариана" — признак скорости, с которой он двигался, — и вскоре после этого они увидели, что на нем была сильная команда и все весла были выпущены. С этого времени судно приближалось так быстро, что, казалось, росло с каждым мгновением.

Вдруг один из лидийских купцов громко воскликнул:

“С нами все кончено! Они пираты, судно - корабль Тиамиса из Корацесиума. Однажды он уже ограбил меня, и я едва спасся”.

При этих словах на борту поднялись неописуемый ужас и замешательство. Некоторые закрывали лица, ожидая смерти, другие издавали громкие стенания и нерешительно заламывали руки; некоторые пытались спрятаться в корабельном трюме, другие хотели спустить лодки, чтобы спастись бегством, а некоторые молодые рабы, в страхе потерять жизнь, которая вряд ли представляла какую-то особую ценность, бегали взад и вперед, как будто лишились рассудка.

Среди этой всеобщей нерешительности миопариец шел совсем рядом.

Главк утешил свою жену несколькими успокаивающими словами и велел ей оставаться в палатке с маленьким Каллиасом. Он сам пошел на корму, собрал вокруг себя пассажиров и матросов и сказал:

“Друзья, если мы не отразим атаку этого негодяя, многим из нас придется расстаться с жизнью. Но нас достаточно много, если только мы решимся на это, чтобы спасти себя и корабль. Помимо

рулевого и меня, на борту находятся пять иностранных купцов и шесть матросов; таким образом, всего у нас есть тринадцать свободных людей, в то время как из рабов есть четырнадцать гребцов, четыре моих собственных раба и десять тех, кто сопровождал иностранных купцов. Поскольку на Миопариане нет лодок, нас могут атаковать только *содной* стороны и только на расстоянии, не превышающем длину вон того маленького суденышка. Двадцати храбрецов было бы достаточно, чтобы отразить такое нападение, а нас, включая свободных и рабов, насчитывается более сорока! Оружие вы можете получить у рулевого, потому что, хотя до сих пор я никогда не встречал пиратов, я всегда был готов их получить. Если мы отразим нападение, я освобожу своих рабов и назначу каждому моряку большую награду. Проявите мужество и стойкость — и победа будет за нами. Кроме того, мы будем сражаться с более высокой позиции, как если бы находились в крепости.

- Пусть они подойдут, - хладнокровно сказал рулевой, - мы примем их таким образом, что в дальнейшем они не будут нападать на аттический корабль.

Команда в ответ на эти слова хранила зловещее молчание, и, когда рулевой раздавал оружие, он заметил, что многие люди неохотно его берут.

Один из гребцов, критянин с хитрым лицом, переполошил людей, когда они направлялись к нему.

“Не будьте простаками!” - сказал он. “Вовремя выбросьте мечи в море. Те, кого пираты поймут с оружием в руках, будут немедленно убиты”.

Тем временем начали сгущаться сумерки. Яркие краски неба поблекли, черная грозовая туча поднялась выше, и море внизу простиралось угрюмое, свинцового цвета.

Миопарианец скользнул мимо корабля на некотором расстоянии. Это было гордое зрелище - наблюдать, как легкое суденышко с бахромой белоснежной пены перед носом рассекает волны, в то время как сверкающие весла равномерно поднимались и опускались. Пират обогнул афинский корабль по широкой дуге и, словно демонстрируя свое превосходство, несколько раз обошел его все сужающимися кругами, так что большой, неуклюжий самиец лежал, словно осажденный этим маленьким суденышком.

Внезапно на борту "Миопариана" зажглось с десятков еловых факелов, и в отблесках их красного, пылающего пламени, отражавшегося, как дрожащие полосы огня, над морем, стало видно, что судно кишит темными, угрожающими фигурами, среди которых то и дело мелькало сверкающее оружие. В этом мерцании было что-то странно мрачное, что заставило египтянина сказать:

“ Ты видишь это оружие? Оно режет глаз, когда наносит раны плоти.

На пустом месте у кормы "пирата" стоял его капитан, гигантский мужчина, одетый с варварским великолепием. Вокруг его темных волос была повязана широкая лента из желтого бисса, расшитая золотом; великолепное фиолетово-голубое верхнее одеяние свободно ниспадало на плечи и открывалось поверх ослепительно белого хитона, стянутого золотым поясом. На ногах у него были короткие *эндромиды* или полусапожки того же великолепного цвета, что и его верхняя мантия, а в руке он держал трезубец из полированной стали, который сверкал в свете факелов.

“Горе нам! Горе нам!” - повторил лидийский купец, который первым узнал судно. - Это Фимиами́с, самый ужасный из всех киликийских корсаров.

Главк тоже узнал этого человека, несмотря на его изменившуюся внешность. Теперь он понял, почему гигант пожелал осмотреть все на борту, когда "Сэмиан" стоял на якоре в бухте Челендериса.

Несколькими мощными взмахами весел "Миопарианец" подошел еще ближе, так что оказался бок о бок с аттическим кораблем.

По знаку своего капитана один из пиратов вскочил на планшир и крикнул команде торгового судна:

“Несчастливые люди! Почему вы ищете смерти? Зачем сопротивляться превосходящим силам? Отдайте корабль, тогда вы сможете сесть в свои лодки и грести, куда пожелаете”.

Но Главк ступил на корму своего корабля и ответил:

“Негодяи! Знайте, что у нас нет недостатка ни в людях, ни в оружии. Если вы нападете, мы будем защищаться и сражаться до тех пор, пока победа не будет за нами.

Ответом корсаров был лишь издевательский смех.

Затем на борту "Миопариана" поднялась большая суматоха. Мачта была поднята, поднимая рею, состоящую из двух частей, с которой свисал большой темный предмет, имевший определенное сходство с дельфином, поскольку имел форму прялки, самую толстую посередине и уменьшающуюся на обоих концах. Этот предмет, очевидно, был очень тяжелым; мачта скрипела и натягивалась, а рея заметно прогибалась под его тяжестью.

Пиратский корабль снова приблизился к торговому судну и встал рядом. Человек со злым, почти звериным лицом, в красном фригийском колпаке на голове, поднялся по рею достаточно высоко, чтобы посмотреть вниз, на палубу "Самиана".

“Теперь слишком поздно сдаваться!” - крикнул он. “Теперь вы все должны умереть”.

При этих словах некоторые из юных рабынь разразились громкими причитаниями, но из палатки эхом перекрывали все остальные звуки рыдания и причитания испуганного ребенка, которые нельзя было заглушить, как бы нежно их ни утихомиривали.

“Какой ужасный крикун!” - воскликнул человек во фригийском колпаке. “Подождите! Когда дельфин подплывет, он заткнет себе рот”.

Затем, перевалившись через такелаж, поддерживавший мачту, он крикнул матросам внизу: “Поднимайте!”

Пираты быстрым взмахом обрушили рей на огромный корабль. Человек в красной шапочке изо всех сил потянул за веревку, которую держал в руке, и подвешенный к рее снаряд — так называемый “дельфин”, свинцовая масса огромного веса, рухнул на палатку как раз в тот момент, когда из нее вышла Хариклея, держа за руку плачущего ребенка. Раздался ужасный, оглушительный треск, корабль задрожал от верхушки мачты до киля, как будто расходился каждый шов; почти в тот же момент послышался — на этот раз под палубой - похожий треск, сопровождаемый сильным сотрясением и странным булькающим шумом, похожим на журчание источника.

Палатку стащили вниз и частично прикрыли зияющую дыру в палубе, из которой торчали щепки длиной в ярд. Хариклея почувствовала, как какая-то ужасная, непреодолимая сила вырвала руку маленького Каллиаса из ее руки, и в тот же момент, когда она была наполовину погребена под складками палатки, теплая липкая струя хлынула ей на ногу. Хотя она этого и не видела, она хорошо знала, что это такое.

Бледная, как труп, она отшатнулась на шаг и, казалось, была на грани обморока. Затем, словно во сне, она услышала, как корсар в красной шапке расхохотался и крикнул своим товарищам:

“Вы видите, он попал! Скандалиста заставили замолчать. Он спустился в Ад на дельфине”.

При этих словах и смехе кровавый туман, казалось, застилал глаза Хариклии; она схватила меч и с воплем дикого зверя бросилась на негодея, который цеплялся одной рукой за снасти пиратского судна, а другой - за самийца. У него не было времени парировать атаку, не было времени открыть рот, прежде чем сверкающее оружие по самую рукоять вонзилось ему в грудь. Он несколько раз дернул головой и шеей, словно задыхаясь, изо рта у него хлынула струйка крови, красная шапочка слетела, руки разжались, и он кубарем полетел в темную пропасть между кораблями.

Яростный крик ярости вырвался у пиратов; они приставили лестницы к носу "торговца", и некоторые из самых смелых прыгнули на палубу — другие последовали за ними.

Как ни был глубоко тронут Главк, он приложил все усилия, чтобы вселить в своих людей мужество, но большинство из них сложили оружие и умоляли корсаров пощадить их жизни.

Теперь Тиамис отдал приказ прекратить резню и приказал морякам и иностранным купцам покинуть корабль, не взяв с собой ничего, кроме одежды, которая была на них. Рабы были вынуждены подниматься на борт пиратского судна парами.

Лодку саамца спустили на воду, и моряки наперебой прыгали в нее, полагая, что будут в безопасности только вдали от Тиамиса и его отряда. Несмотря на переполненность этой лодки, опасности не было; море было спокойным, людей, способных грести, хватало, а расстояние до ближайших Киклад было невелико.

Главка и его жену отвели на "Миопариан", в то время как Тимис поднялась на борт "Самиана". Он показал своим людям, где можно найти ковры из Вавилона, расшитые слоновой костью, пурпуром и золотом, и вскоре самая дорогая часть груза была переправлена на пиратское судно. Торговец наполнялся все быстрее и быстрее и уже лежал значительно ниже.

Тиамис приказал отвести свое судно подальше от тонущего корабля.

Темнота постепенно сгущалась, и "Самиан" выглядел как черная бесформенная масса. Часть корпуса, все еще остававшаяся над водой, становилась все меньше и меньше. Внезапно корма погрузилась, и, совершив странно неожиданное движение, нос на мгновение высоко поднялся в воздух, затем огромный корабль затонул со страшной скоростью. Ревущий шум, похожий на водоворот, эхом разнесся над морем, и пятно кружащейся белоснежной пены на короткое время обозначило место, где затонуло судно.

Главк, наблюдавший за этой сценой, пожал руку своей жене.

“Завистливые негодяи!” воскликнул он, сдерживая ярость. - Это был мой лучший и красивейший корабль.

Хариклея подняла глаза к небу в немом обвинении.

Вскоре после этого обоих привели к Тимису, который восседал во всем своем великолепии на чем-то вроде трона на корме. Когда они приблизились, он встал с учтивостью, которая не предвещала ничего хорошего.

“Не воображай, Главк, - сказал он, - что я намерен удерживать тебя и твою жену в плену, чтобы вымогать выкуп. Мы, *варвары*, хоть и уступаем вам, но тоже люди чести. Афинянин, отправляйся с миром в свой родной город”.

Пираты принесли лестницу и закрепили ее снаружи корабля так, чтобы конец касался воды; затем они выстроились в две шеренги, держа горящие факелы, чтобы осветить спуск к морю.

“Я приветствую тебя, Главк!” добавил Тимис, указывая на лестницу. - Путь открыт. Вы и ваша жена свободны!”

Главк стоял, словно окаменев от этой отвратительной шутки. Но пираты надавили на него с факелами и вынудили его и его жену подойти к лестнице. Хариклея была смертельно бледна и дрожала так, что едва могла стоять. Главк сжал ее руку, прошепав:

“Наберись смелости! Твое самое заветное желание исполнится. Разве ты не сказал: “Пусть смерть придет, *когда* и *как* она придет, если только она заберет нас вместе’. А разве вы сами не поверили этому предзнаменованию?”

Глаза молодой жены наполнились слезами.

“Прости меня!” пробормотала она. - Я не знала, о чем просила.

Взглядом, в котором любовь победила страх смерти, она подняла глаза на лицо мужа и обвила его шею руками. Главк обнял ее за талию и медленно спустился по ступенькам лестницы.

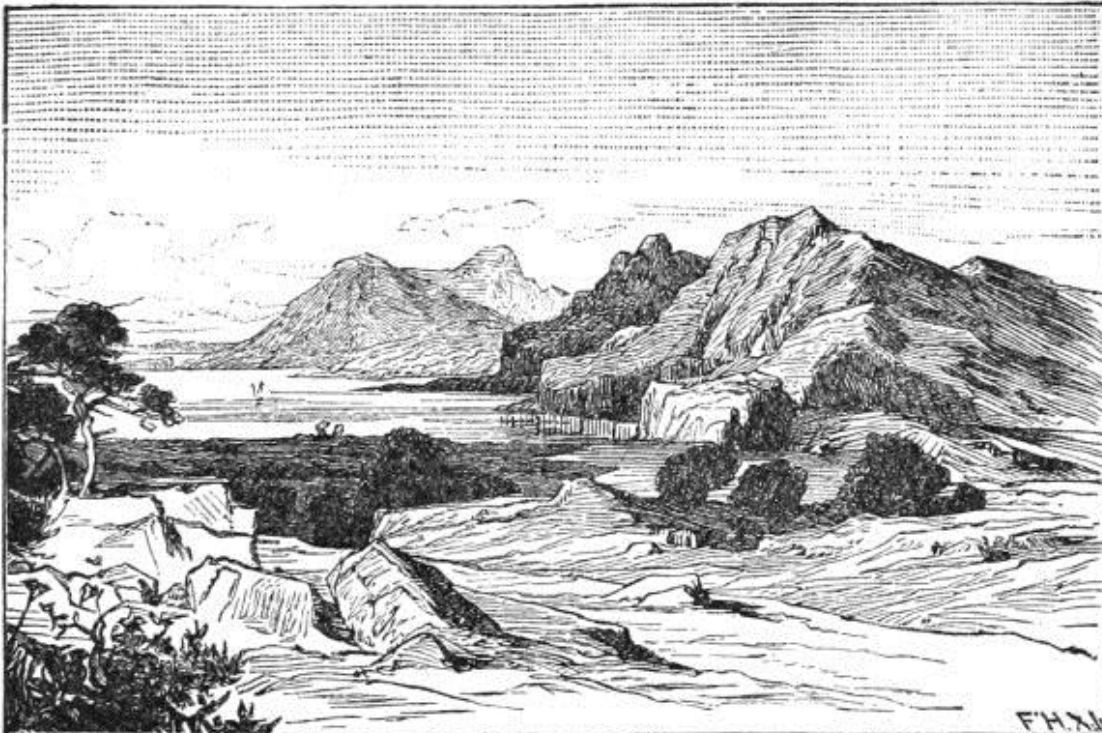
Дойдя до последнего, он остановился и взглянул на корабль. Но при виде любопытных, злобных лиц пиратов, на которых не было ни малейшего намека на сострадание, он понял, что всякой надежде пришел конец, и, слишком гордый, чтобы молить о пощаде, он крепче прижал Хариклею к груди и сделал роковой шаг с последнего витка лестницы.

Море сомкнулось над их головами, образовав небольшой, быстро вращающийся водоворот, и через этот сужающийся круг слишком счастливые смертные, объединенные в смерти так же, как и в жизни, вступили в великую неведомую страну, откуда никто не возвращается.

ЛИКОН С БОЛЬШОЙ РУКОЙ. ВТОРОЙ ГОД 103-Й ОЛИМПИАДЫ (367 г. до н.э.)

Содержание

ЛИКОН С БОЛЬШОЙ РУКОЙ.

Содержание

Я.

Содержание

У немногих молодых людей в Афинах было так много знакомых, как у Ликона, но у него не было ни одного друга. Он был вежлив со всеми, но ни с кем не был близок, обладал беззаботным нравом, любил попытать счастья в астрагалах, **О** или в кости, всегда знал, где можно найти лучшее чианское вино и самых красивых девушек, и никогда не отказывался одолжить знакомому несколько драхм. Таким образом, Ликон пользовался всеобщим уважением, более того, люди даже не замечали некоторых эксцентричностей, которые противоречили аттическим обычаям. Например, он никогда не посещал спортзал, и когда кто-то заговаривал с ним об этом, он небрежно отвечал:

ОТакой игре, как кастет.

“Что мне там делать? Ораторское искусство и тонкости речи я не понимаю — и зачем тренировать свое тело? Я и так достаточно силен, и у меня есть лучшее применение своему времени”.

Что касается внешности Ликона — у него были красивые, хотя и довольно жесткие черные волосы, мужественные, несколько суровые черты лица, большие густые брови, короткая, но густая борода, широкоплечее, крепкое телосложение и необычно большие руки, из-за чего он получил прозвище *Ликонхо макрочейр*, Ликон с большой рукой.

Он был внесен в список граждан как Ликон, сын Мегакла. Но никто не знал этого Мегакла, и никто не мог сказать, где стоял дом родителей Ликона или когда-то стоял. Все, что было известно о нем, это то, что два года назад он внезапно появился в Афинах — как он сказал, после длительного пребывания в Вифинии, где умер его отец. Время от времени поговаривали шепотом, что он был “фальшивым гражданином”, и во время одной из проверок, которым время от времени подвергались эти списки, его допрашивали демарши или районные инспекторы. Ликон рассказал им, что его отец был капитаном корабля и много лет отсутствовал в Афинах; он сам ходил с ним в море, и тяжелая работа на борту сделала его большими и твердыми руками. Один из демархов, богатый судовладелец, подумал, что сможет заманить Ликона в ловушку, расспросив его о названиях различных частей судна. Но последний не затруднился с ответом. Это в значительной степени пошло ему на пользу; судовладелец объявил себя удовлетворенным, и имя Ликона осталось в списке.

И все же в нем было много странного. Например, он так мало знал о поэтах, что, как сказал шут Стефан, его легко можно было убедить, что одна из од Пиндара была написана Гомером. Но если кто-нибудь и посмеялся над таким поразительным невежеством, Ликон сказал:

“Вы смеетесь над моим педагогом, а не надо мной. Это его вина. Он был так слаб, что подчинялся всему, и мы играли и ссорились в то время, когда должны были научиться чему-нибудь полезному”.

Одной из особенностей Ликона было то, что, хотя он никогда не отказывался от приглашений на попойки, у него не было склонности посещать ни одно из больших празднеств, на которые приезжие стекались со всех концов Эллады, островов и новых колоний, чтобы посмотреть на

процессии, театральные представления или гонки с факелами. В такие дни Ликон либо оставался дома, в своем маленьком домике в пригороде Кериады, либо отправлялся в короткое путешествие, оставаясь отсутствующим до тех пор, пока можно было предположить, что незнакомцы покинули Афины. Это необычное поведение не было замечено многими, поскольку в праздничные дни у большинства людей хватало дел, чтобы заниматься своими делами. Но те немногие, кто заметил это, были поражены.

Только один человек знал причину эксцентричности Ликона. Это был художник Аристидес из Фив, тихий, вдумчивый молодой человек, который никогда не говорил больше, чем имел в виду. Он пользовался высокой репутацией благодаря своей мощной картине битвы между персами и македонянами, картине, содержащей сотни человеческих фигур; но его шедевром было разграбление захваченного города, на котором умирающая мать отнимает от груди своего хрупкого младенца, чтобы он не пил кровь вместо молока.

Этот Аристидес однажды отправился с Ликоном на увеселительную экскурсию — оба верхом в сопровождении одного раба — в красиво расположенную Децелею у подножия горы Парнес. Измученные полуденной жарой, они искали убежища по дороге в жалкой бревенчатой хижине, принадлежавшей бедному крестьянину, который принял их любезно, напоил миской свежего козьего молока и предложил свою грубую постель; но она была такой грязной, что, переглянувшись, они попросили разрешения лечь на сено, хранившееся в сарае напротив. Мужчина повел их туда. Ликон удобно растянулся на душистом сене, зевнул и заснул. Аристидес тоже спал, но вскоре был разбужен движением Ликона и, перевернувшись на другой бок, внезапно почувствовал, что полностью проснулся.

Мантия Ликона распахнулась у горла, обнажая его плечо. На загорелой коже появился большой белый шрам, состоящий из трех отметин, которые вместе образовывали каппу.^P

^PКаппа, буква К. Это сокращение от слова Kletma, воровство. Рабам обычно ставили клеймо на лбу (или на ушах, или на руках). Клеймо, по-видимому, ставили на плечо только по особой милости, когда проступок был тривиальным.

- Рабыня! - воскликнул Аристидес. - и заклеянная!

Сначала он был почти ошеломлен; затем отошел от Ликона и сел на бревно неподалеку.

“Теперь я все понимаю, ” подумал он, “ его страх раздеться в спортзале, его неизвестное происхождение— его большие руки, его незнание поэтов и его отсутствие на больших праздниках.... Итак, он беглый раб и был наказан за воровство. Перед своим побегом он, вероятно, ограбил своего хозяина, и на немалую сумму. Он был внесен в список граждан путем подкупа, и теперь вороватый, заклеянный раб живет в Афинах как свободный гражданин и развлекается на деньги своего обманутого хозяина”.

Аристидес встал, чтобы пойти к городским судьям, но, прежде чем выйти из сарая, вздрогнул и прислушался.

Ликон смеялся во сне.

В его смехе было что-то такое радостное и беззаботное, что Аристидес невольно остановился.

“Смотрите!” пробормотал Ликон, вытягивая руку, как бы указывая. “теперь толстый Дриас прыгает!—Кожаная бутылка лопается — он упадет —пухлый! вот он лежит на животе в воде”.

И Ликон снова рассмеялся.

“Нет!” сказал Аристидес. - Человек, который смеется во сне, как ребенок, не порочен.... Кто знает, не сделала ли свобода его другим и лучшим человеком?" Конечно, о нем не известно ничего бесчестного, и он пользуется всеобщим уважением.... Возможно, его хозяин давным-давно возместил свои убытки. Возможно, он сам вернул украденные деньги; у него есть рабы, которые работают на него. Кроме того, какое отношение это дело имеет ко мне?

Художник подошел ближе к спящему и посмотрел на него.

Приятная улыбка заиграла на губах Ликона. - Возьми это! - пробормотал он, и его большая рука сделала жест, как будто он подавал милостыню.

Аристидес почувствовал внезапное вдохновение.

“Если бы боги захотели наказать его, - подумал он, - они заставили бы его выдать себя врагу, а не другу”.

Радуюсь, что нашел такое утешение для своего разума, он осторожно стянул одежду Ликона и застегнул ее у горловины. Его рука немного дрожала, когда он это делал. Если Ликон внезапно откроет глаза, что он только не сделает в своем отчаянии, увидев, что его тайна раскрыта!

Но Ликон продолжал спать. Не будя его, Аристидес обошел дом и укрылся в тени за домом, где его ждали рабы с лошадьми. Подозвав слугу Ликона, он сказал:

“Когда твой хозяин проснется, скажи ему, что сон, который я видел во сне, заставляет меня немедленно вернуться домой. Умоляй его от меня продолжать, как будто я все еще нахожусь в его обществе”.

С этими словами он вскочил на коня и ускакал так быстро, что его раб едва поспевал за ним.

С этого часа Аристид держался в стороне от Ликона, не привлекая к себе особого внимания последнего. Но всякий раз, когда позже разговор заходил об эксцентричности Ликона, Аристидес находил особое удовольствие в том, чтобы быть как можно ближе к истине. Он всегда говорил:

- Есть знак, который объясняет их.

Сделал ли он это замечание из-за смутной неприязни к Ликону или из-за детского восторга от игры с огнем? Он и сам не знал, но больше ничего не сказал.

II.

Содержание

Ликон, не подозревавший ничего дурного, продолжал вести свой обычный образ жизни. Однажды в полдень он отправился в дом вольноотпущенника по имени Опасион, который обычно устраивал у себя дома веселые развлечения, поскольку жил за счет приема молодых

людей. Маленький перистиль, едва достигавший десяти футов в длину, был заполнен шумной, смеющейся компанией. С Полдюжины юношей в мантиях всех оттенков образовали круг вокруг двух дерущихся перепелов.

- Ставлю против тебя пятнадцать драхм, Опасион! - крикнул чей-то голос.

“Я тоже”, - добавил второй.

“Перепел Хегесиаса храбрее. Смотри, твоя птица уступает, Опасион, — она снова уступает. На! ha! ha! Теперь это вне круга”.

- Побежден, побежден! - хором закричали все, к которым присоединился вольноотпущенник.

“Твоя птичка потерялась, Опасион. Долой деньги.

Вольноотпущенник, невысокий, крепкий парень с лисьей мордочкой, поднял в воздух помятую птицу и прокричал ей в ухо, словно пытаясь заглушить победные крики. В то же время другую птицу с триумфом унесли, а затем бережно взяли под мышку ее владельца, как будто это было самое дорогое сокровище.

Ликон небрежно прошел в так называемый банкетный зал, который есть в каждом большом доме, но который обычно занимал лишь очень ограниченное пространство. Он торопливо оглядел комнату, но не увидел никаких незнакомых лиц. Семь или восемь молодых людей, с которыми он встречался каждый день, только что позавтракали, полулежа поодиночке или парами на обитых кожей диванах, перед которыми стояли маленькие столики с многочисленными пятнами жира и следами от мокрых кубков.

В глубине комнаты пара полуголых юношей, рабов, деловито мыли чашки и тарелки, а недалеко от них на низком стуле без спинки сидели две молодые девушки от пятнадцати до двадцати лет. Они оживленно перешептывались, и по тому, как они не сводили глаз с молодых людей, полулежавших на кушетках, было легко догадаться, о чем шел разговор. Обе были хорошенькими, но их смелые взгляды и беззаботный смех показывали, что они были женщинами свободной жизни, привыкшими общаться с мужчинами.

Та, что постарше и крупнее, держала в руке двойную фригийскую флейту. Ее волосы на затылке были повязаны синей косынкой, а локоны на лбу были украшены заколкой из полированной стали. Весь ее костюм состоял из шафраново-желтого одеяния, первоначально прекрасного и дорогого, теперь несколько поношенного, распахнутого с левой стороны до бедра и застегнутого выше колена. Та, что помоложе и покрасивее, которая, очевидно, была жонглером, поскольку поставила ноги на ящик с короткими мечами, мячами, маленькими луками и стрелами, носила на голове красный капюшон, скрывавший ее темные кудри, и, кроме того, была закутана в выцветшую зеленую мантию, которую она плотно закутала в себя. Всякий раз, когда во время разговора она двигала руками, это свободное верхнее платье раздвигалось, показывая, что на ней было совершенно другое нижнее белье и пара коротких разноцветных бриджей, которые окружали ее чресла подобно широкому поясу.

Молодые люди не обращали внимания на девушек. Их разговор зашел о лучшем способе завладеть деньгами отца в течение его жизни. Мнения, казалось, сильно разошлись. Более опытные соглашались сами держаться в стороне от этого дела и позволить хитрому рабу

обмануть своих отцов, в то время как менее опытные предпочитали выпрашивать деньги у своих матерей под угрозой уйти в море или записаться в легковооруженные войска.

“Снова старая тема!” - с улыбкой сказал Ликон, поприветствовав и пожав руки всем присутствующим, за исключением Аристидеса, который деловито мыл руки после трапезы в тесте, приготовленном специально для этой цели.

“Ликон говорит правду”, - воскликнул бледнолицый молодой человек с дряблыми чертами лица, впоследствии известный как архитектор Дейнократ. “Мы должны поговорить о чем-нибудь другом. Эта тема не подходитему.

Ликон, у которого не было ни отца, ни матери, понял скрытую обиду, но промолчал, чтобы не вдаваться глубже в суть дела.

Разговоры на мгновение смолкли; бог Гермес — как говорили в те дни — прошел через комнату. Затем по плитам перистилия эхом разнеслись быстрые шаги, и среди них внезапно появился высокий молодой человек со светлой бородкой. Казалось, он только что вернулся из путешествия, потому что в складках его коричневой мантии толстым слоем лежала пыль, а на голове была широкополая фетровая шляпа.

- Форион! - закричали семь или восемь голосов одновременно. - Мы приветствуем тебя, добро пожаловать!

Вновь пришедший бросил плащ и шляпу одному из подбежавших мальчиков, пожал руку Аристидесу и улегся на свободное место рядом с ним.

“Откуда ты, Форион?” - спросил бледный Дейнократ.

- Из Фессалии.

Ликон, который в одиночестве полулежал на кушетке за ближайшим столом, забыл о своей ячменной лепешке и поднял голову.

- Из какого города в Фессалии?

“Метона в провинции Магнезия, на берегу Пагасейского залива”.

Взгляд Аристидеса случайно остановился на Ликоне, который смертельно побледнел и прижимал руку к груди.

“От кого из граждан вы получили гостеприимство? продолжал Дейнократ.

- От Симонида, торговца зерном.

Ликон вздрогнул так, что чуть не опрокинул маленький столик перед диваном.

“Как странно!” - нетерпеливо воскликнул Дейнократ. “Симонидес тоже был хозяином у моего отца, и я часто слышал, как он хвалил его веселый нрав и большую любовь к авторам комиксов. Ему принадлежат, если я правильно помню, многие комедии старого Магнеса, икарийца, в рукописях, поскольку автор сам их переработал, и — особенно в “Арфистах” - знает наизусть самые веселые сцены.... Вы понимаете, что я знаком с этим человеком, хотя и не видел его”.

“Увы! он уже не тот человек!” серьезно сказал Форион. “Горе и болезнь преждевременно состарили его.... Все его несчастья были навлечены на него бесчестным рабом”.

Аристидес снова посмотрел на Ликона, но на этот раз не случайно.

Пот крупными каплями выступил у него на лбу, щеки покраснелись, и он провел своей огромной рукой по лицу, как обычно делал, когда бывал глубоко взволнован.

“Сделанный несчастным бесчестным рабом! - воскликнул Дейнократ. - ты должен рассказать нам об этом”.

“История скоро будет рассказана”, - ответил Форион. “Но подойди сюда, мальчик. Отодвинь столы, очисти от косточек и фруктовой кожуры и принеси вина, вина! Я умираю от жажды”.

Когда все было устроено, раб принес серебряный сосуд и налил в него немного вина из старинного серебряного кубка, экспоната в доме Опасиона.

Форион взял сосуд. Флейтистка встала, поднесла инструмент к губам и заиграла тихую, торжественную мелодию.

“Пусть этот кубок, - сказал молодой человек, - будет предложен богам моего родного города в благодарность за их милостивую защиту в моем путешествии!”

Затем он вылил немного содержимого чашки.

Звуки флейты зазвучали громче, но не настолько, чтобы заглушить шум вина, падающего на гладкие камни пола. Затем последовала приглушенная мелодия. Форион отпил несколько глотков из мензурки и передал ее Аристидесу, который тоже отпил немного, и так продолжалось по кругу, всегда сопровождаемое музыкой флейты.

Ликон странно отсутствующим взглядом наблюдал за приготовлениями к попойке и, очевидно, испытал облегчение, когда Дейнократ попросил вновь пришедшего продолжить свой рассказ.

- Около пяти лет назад, - продолжил Форион, - Симонид купил молодого раба по имени Зенон.

Услышав это имя так внезапно, Ликон смертельно побледнел и, полуобернувшись на спинку своего ложа, сделал ощупывающее движение руками, как будто внезапно погрузился в кромешную тьму.

Аристид пожалел его и, чтобы заставить взять себя в руки, сказал:

“Ты болен, Ликон?”

Ликон провел своей огромной рукой по лицу; мышцы вокруг его рта задрожали, и прошло мгновение, прежде чем он смог пробормотать несколько слов, которые прозвучали так, словно он сделал слишком большой глоток.

“Итак, ” продолжал Форион, “ Симонид купил молодого раба по имени Зенон. Он мало что отдал за него, потому что Зенон ограбил своего бывшего хозяина, врача из соседнего города Ормениума; он был заклеямен и бежал к алтарю Посейдона в Метоне. Никто не хотел покупать его, но когда он, рыдая, упал к ногам Симонида и пообещал победить его дурные наклонности, последний был тронут и купил его меньше чем за мину. Q В течение более чем года его

поведение получало одобрение своего учителя и завоевывало его расположение и доверие. Однажды Симонида посетил человек из Ипаты, с которым у него были деловые отношения. Зенон прислуживал за столом и видел, как незнакомец заплатил Симониду почти талант, частично наличными, а частично чеком на имя известных афинских ростовщиков, и заметил, что это имущество было помещено в коробку, где уже хранилось много мешочков с дариками^R. На следующее утро сундук, куда была положена шкатулка, был найден взломанным. Шкатулка исчезла, а вместе с ней и Зенон. Симонид отправил в этот город верховых гонцов, но Зенон уже обналичил чеки, тем более что в сундуке лежало кольцо с печатью его хозяина.

“У Симонида было сообщение о великом ограблении и точное описание внешности вора, объявленное на рынке общественными герольдами; но все его усилия были бесполезны. Горе и переживания из-за этой огромной потери подорвали его здоровье. На него напал паралич, его правая сторона тела онемела, рот искривился, и на какое-то время он почти потерял дар речи. Когда-то веселый мужчина теперь стал всего лишь тенью своего прежнего “я”. Хотя он слишком горд, чтобы жаловаться, я думаю, рабы пользуются его состоянием и делают то, что им заблагорассудится. В доме не осталось ни малейшего признака прежнего порядка. В вестибюле валялись осколки разбитых винных кувшинов, фруктовые кожуры, выцветшие гирлянды и ручки обгоревших факелов. И все же даже своему лучшему другу, виноторговцу Поликсу, он не упомянул об их небрежности. Единственной жалобой, сорвавшейся с губ больного, покинутого своими слугами, было пожелание: ‘Если бы у меня только был сын! Я мог бы положиться на него’”.

^QМина = равна примерно 20 долларам.

^RПерсидская золотая монета, названная в честь Дария, стоимостью чуть более 5 долларов.

“Клянусь Гераклом! — воскликнул один из безрассудных молодых людей. - ему будет трудно исполнить это желание, несмотря на его слабость”.

“А почему бы и нет?” - серьезно ответил Форион. “Какое значение имеют здесь просто кровные узы? Не нужно ничего, кроме сыновней привязанности. Да, - тепло добавил он, - среди тех, кто знал Симонида в его счастливые дни, почему бы не найтись человеку, который с удовольствием пришел бы на помощь больному и загладил зло, причиненное ему другими?”

Опасион высунул свою лисью мордочку из-за одной из колонн и, заметив, что разговор почти прекратился, сделал знак молодым девушкам.

Флейтистка заиграла веселую мелодию; жонглер сбросила свою поношенную верхнюю одежду и достала из ящика, который она использовала в качестве подставки для ног, девять коротких мечей, рукояти которых заканчивались острием. Эти мечи она прочно воткнула в щели между плитняками, расположив их в два ряда, выставив все их острые обоюдоострые лезвия в воздух. Затем она встала между ними и, немного расправив свои короткие бродяжки, прошла на руках под музыку флейты между оружием, затем, поднявшись, сделала кувырок над ними так быстро, что глаз едва мог уследить за движениями ее стройного, гибкого тела.

Это был опасный танец с мечом, которым всегда восхищались.

Молодые люди хлопали в ладоши и выкрикивали аплодисменты.

“Чего только не должен уметь *мужчина*, - воскликнул Дейнократ, - когда женщина может научиться так смело бросаться меж мечей?”

Аристидес не наблюдал за этой сценой; его взгляд был прикован к Ликону. Тот поднялся. Он был немного бледнее обычного и стоял, уставившись в пустоту странным взглядом, как будто видел что-то очень-очень далекое. Казалось, что-то экстраординарное занимало его мысли, и он несколько раз провел своей огромной рукой по лицу.

Затем, очевидно, случайно, он подошел к Фориону. “ Через несколько дней я отправляюсь в Фессалию, ” сказал он тоном, который старался придать как можно более небрежный вид, “ и, вероятно, навещу Метону. Если хочешь, Форион, я передам твой привет Симониду.

“ Сделай это и, если сможешь, побудь его гостьей на короткое время. Возможно, есть причина сообщить о поведении слуг магистратам. Его дочь Миртале, согласно его собственному рассказу, семнадцатилетняя девочка, которая не может управлять рабами. Но одну вещь вы должны знать заранее — привратник прогоняет всех незнакомцев; попасть в дом нелегко”.

- Я войду, - сказал Ликон.

III.

Содержание

Через несколько дней после этого Ликона могли видеть в большой дорожной шляпе на голове верхом по дороге между Халусом и Итоном в провинции Фтиотида в Фессалии. Он продал свой дом в Афинах и всех своих рабов, кроме одного, стройного мальчика по имени Пеньон, который сопровождал его с узлом, подвешенным к палке за плечами. У него самого был такой же сверток, привязанный к лошади; в руке он держал прут, вырезанный из ствола виноградной лозы, и, когда его плащ откинулся в сторону, на поясе показалась рукоять короткого меча. Рядом с Пеньоном шел молодой раб из Халуса, который должен был отвести нанятую лошадь обратно.

Было приятное летнее утро, когда Ликон ехал по каменистой дороге через отрог горы Отрис.

Перед ним по левую руку возвышались огромные известняковые утесы, их склоны поросли тополями, платанами и ясенями, а вершины были покрыты колючими кустами трагаканта. Далеко внизу одна улыбающаяся долина лежала рядом с другой, и через все них река Амфрис вилась сверкающими изгибами. Утренний туман все еще лежал на обширном ландшафте, время от времени открывая вид на далекие города у подножия гор и волнистые равнины с желтыми хлебными полями и пышными виноградниками, перемежающимися тут и там зарослями фиговых деревьев и рощами карликовых и каменных дубов. Далеко справа беломраморные храмы города мерцали на фоне темно-синих вод залива Пагасей. На другой стороне долины возвышались высокие холмы, а за ними — в самой дальней точке обзора — вздымались в воздух две заснеженные вершины Пелиона.

Ликон позволил своему взгляду блуждать по широкому, залитому солнцем ландшафту и с удовольствием вдыхал чистый горный воздух. Свобода никогда не казалась ему более заманчивой. Чем ближе он подходил к Метоне, тем с большей тревогой спрашивал себя, не должен ли он, который в течение многих лет жил как свободный гражданин, снова превратиться

в жалкого, покорного раба. Ему казалось, что он уже ощущает на своей шее давление деревянного кольца, которым рабам-сладкоежкам запрещалось подносить руки ко рту; он представлял, что на его конечностях оковы, а за ним волочится тяжелая колодка, и содрогался при мысли о дымящемся железе и его шипении на коже.

Кто сказал ему, что он избежит этого наказания? Разве он не украл во второй раз?

- Клянусь Зевсом! - пробормотал он. - Боюсь, я совершил верный бросок.С

ЭтоХудший бросок в игре в кости.

Но, вспомнив, как он изменился за последние несколько лет, он вдруг воскликнул: “Нет, я вернусь не как Зенон, а как Ликон”.

Последние слова он неосторожно произнес вслух и, вздрогнув, огляделся по сторонам. Незнакомый раб не обратил на это внимания, но ему было важно знать, услышал ли их Пеньон.

Он подозвал мальчика, наклонился с лошади и взял его за ухо.

“ Ты слышал, что я сказал? ” отрывисто спросил он. - Скажи правду.

- Полагаю, что да, - пробормотал Пеньон, несколько сбитый с толку этим внезапным нападением.

-Повтори мои слова.

- Я вернусь не как Зенон, а как Ликон.

Ликон выхватил свой короткий меч и приставил его острие к обнаженной груди Пеньона. Юноша издал громкий вопль.

“ Ты когда-нибудь резал себя ножом? ” спросил Ликон. “ Тогда подумай, что ты почувствуешь, если я нанесу удар сейчас. Ну что ж! Если ты повторишь хоть слово из того, что я сказал, я вонзу в тебя этот меч, даже если бы он был у алтаря богов. Так что придержи свой рот.

Не слушая заверений Пеньона, он легонько стегнул лошадь кнутом и продолжил свой путь вниз, в долину.

На следующий день Ликон ехал верхом по улице Пекарей в Метоне, в конце которой виднелось море с кораблями, где он выучил морские выражения, которые оказались ему так полезны у окружного инспектора в Афинах. Хотя в его поведении не было заметно беспокойства, сердце билось быстрее обычного. В маленьком городке ничего не изменилось; казалось, он никогда отсюда не уезжал, он узнавал каждый дом, каждую стену, каждый камень. Ему пришлось немного подождать у лаврового дерева и статуи Гермеса перед домом Симонида, прежде чем он смог достаточно овладеть своим голосом, чтобы сказать Пеньониону: “Постучи!”

Пеньон взялся за медное кольцо на двери и громко постучал. Привратника не было на своем посту. Прошло много времени, прежде чем он подошел и отодвинул засов, приоткрыв дверь не шире, чем было необходимо, чтобы протянуть руку. Ликон узнал в нем старого раба по имени Сатир, у которого было угрюмое лицо и ленивая осанка.

При виде юноши в дорожной одежде он резко спросил: “Чего ты хочешь? Мой хозяин болен и никого не принимает”. С этими словами он хлопнул дверью так, что затрясся весь дом. Ликон подал знак Пеньону, и тот постучал снова. “Мой добрый друг, ” позвал он, - доложи обо мне своему хозяину. Скажи ему, что я Ликон афинянин, сын Мегакла, и что я привез приветствие и послание от Фориона, который недавно был его гостем. Привратник, ворча, ушел. Наконец он вернулся, открыл дверь и сказал более мягким тоном:

- Входите, он поговорит с вами.

Отослав мальчика с наемной лошастью, Ликон вошел в жилище. Несмотря на беспокойство, которое он испытывал, он заметил, что внешний вид вестибюля в точности соответствовал описанию Фориона. В каждом углу были грязь и беспорядок.

Проходя по перистиллю, Ликон обратился к Паэниону с несколькими словами. При звуке его голоса молодая девушка, которая как раз входила в женскую комнату, остановилась, повернула голову и устремила на него удивленный взгляд, но прежде чем он успел заметить ее, она исчезла за дверью. Он лишь мельком увидел синюю мантию и пару вопрошающих темных глаз. Была ли это Миртале, которую он в последний раз видел ребенком и с которой часто играл в саду и в загородном поместье Симонида?

Погруженный в эти мысли, Ликон так быстро направился к комнате, которую обычно занимал хозяин дома, что старому Сатиру, привратнику, было трудно поспевать за ним.

- Странно! - пробормотал он. - Хоть вы и чужестранец, можно подумать, что вы знаете этот дом.

Ликон понял, что он был на грани того, чтобы выдать себя, но он был сообразителен.

“Конечно, я знаю этот дом, мой добрый друг, — ответил он, улыбаясь, - по описанию моего друга Фориона”.

IV.

Содержание

Симонидис как раз завтракал. Увидев, каким слабым и немощным он стал, Ликон едва мог контролировать свои эмоции, и это ранило его в самое сердце, когда он увидел искривленный рот — клеймо, оставленное параличом на всю жизнь.

“Вор!” он подумал: “Это твоя работа!” - и провел большой рукой по лицу, чтобы скрыть слезы. Ему страстно хотелось броситься к ногам своего хозяина и обхватить его колени.

Симонидес не встал, когда Ликон вошел, но подал ему руку и любезно поприветствовал.

“ Добро пожаловать! - сказал он. “ Я слышал, ты друг Фориона и привез от него приветствие и послание. Как поживает его слепой отец? Неужели Праксагор, врач с Коса, думает, что ему удастся восстановить утраченное зрение?”

Ликон не мог ответить; он ничего не знал об отце Фориона.

- Как поживает его жена, которая была так больна после рождения своего последнего ребенка?

Ликон тоже ничего не знал о жене Фориона. Он чувствовал себя крайне неловко, попытался перевести разговор в другое русло и, в качестве объяснения, небрежно добавил:

“ Я знаю Фориона только по рынку, аркадам и другим местам, где ежедневно встречаются мужчины в Афинах. Он никогда не рассказывал о своей семье.

Симонидес поднял голову и пристально посмотрел на Ликона.

“ Ах! ” воскликнул он, по-видимому, с некоторым разочарованием. “ Я думал, вы с Форионом близкие друзья. Между нами есть старое знакомство, восходящее к тем временам, когда мы с его отцом оба были молоды.

Теперь разговор принял другой оборот, поскольку Симонид спросил о новостях из Афин. Это была тема, на которую Ликон мог говорить, и тем более свободно, что избавился от своих худших страхов. Симонидес, очевидно, не узнал его. Его длинные волосы и густая борода, особенно густые брови, которые он очень часто подстригал, чтобы сделать их большими и кустистыми, полностью изменили его внешность.

Симонид предложил своему гостю перекусить после путешествия. За долгое время, прошедшее до того, как их принесли, Ликон увидел подтверждение плохого состояния домашних дел. Он также заметил, что на маленьком столике стояли два кубка; конечно, у Симонида за трапезой была спутница, несомненно, его дочь Миртала, которая, согласно всеобщему эллинскому обычаю, вышла из комнаты, когда привратник доложил о незнакомце. Вероятно, это была та самая молодая девушка, которую он мельком увидел в перистиле.

После трапезы Симонид предложил рабу по имени Конопс показать Ликону город. Он позвонил, но никто не пришел. Он несколько раз постучал тростью по полу, но, казалось, никто не услышал — вены на лбу Ликона вздулись, а густые брови нахмурились.

- Негодяи! - пробормотал он.

“ Не сердись, Симонидес, ” тепло добавил он, сжимая его руку в своих, “ не сердись, если, хотя я и чужой, я свободно говорю о вещах, которые меня не касаются. Позвольте мне, умоляю вас, поговорить от вашего имени с этими бездельниками. Представьте, что я ваш сын и вернулся из долгого путешествия. Придите! Обопрись на мою руку, давай пройдемся по дому и посмотрим, что делают рабы.

Симонид устремил озадаченный взгляд на Ликона.

“ Незнакомец, - сказал он, - ты говоришь странные слова. Вы пробыли под моей крышей и в половину не так долго, как должны были закончиться водяные часы, но, кажется, вы читаете желания моей души. Кто вы, молодой человек? Твой голос кажется странно знакомым, и все же нет ... ты говоришь на аттическом диалекте так чисто, что у Фориона, родившегося в городе, акцент не лучше.

С этими словами он медленно поднялся, опираясь на трость, и взял Ликона за руку.

“ Другой человек, ” добавил он, - возможно, рассердился бы на вас или почувствовал бы себя оскорбленным. Я ни тот, ни другой. Редко, очень редко бывает, чтобы беспечный юноша испытывал такую сильную привязанность к больному и немощному человеку. Давай, сын мой —

позволь мне называть тебя так — попробуй, сможешь ли ты помочь мне восстановить дисциплину в доме, но не думай, что победа будет легкой. Чертополох, который рос круглый год, не вырывается с корнем первым рывком. Если бы вы могли остаться со мной на некоторое время — Но я не буду настаивать на том, - добавил он, слабо улыбнувшись, - чтобы вы не говорили, что вас принудили принять приглашение. Житель Афин вряд ли станет тратить время на наш маленький город”.

“Ты так думаешь?” - сказал Ликон, улыбаясь. “Я с радостью останусь, если ты веришь, что я могу служить тебе”.

Симонидес с трудом тащился вперед. К счастью, расстояние было невелико; в древние времена дома были небольшими, правда, с множеством углов, но занимали мало места. Опираясь на руку Ликона, Симонид прошел по короткой колоннаде за пределами мужских комнат; в маленьком перистиле женских покоев, где он был вынужден остановиться на минутку, чтобы передохнуть, не появилось ни одного человека, а маленькие комнаты, занимаемые рабами, — полдюжины камер, похожих на подземелья, — все стояли пустыми. Такое же положение вещей царило в женской мастерской. В дверях, ведущих в сад, сидел или, скорее, лежал один из самых младших рабов в доме, светловолосый мальчик семи или восьми лет. Он прислонился головой к дверному косяку и, измученный полуденной жарой, заснул.

“Смотри!” прошептал Ликон, указывая на мальчика. - Удача благоволит нам. Часовой дремлет на своем посту. Мы застигнем их врасплох.

Из сада доносились громкие, веселые разговоры.

“Конопс достаточно долго спал на скамейке”, - произнес резкий голос не без тени зависти.

- Как он храпит! - добавил другой.

- Только стадо свиней может так храпеть.

- Плесни ему в рот немного вина.

- Пощекочи ему соломинкой нос.

“Посадите ему лягушку на шею”.

Последнее предложение было встречено пронзительным смехом.

Ликон ногой оттолкнул спящего мальчика, и посреди шумного веселья рабов среди них внезапно появились хозяин дома и его гость.

Их глазам предстало странное зрелище. На грубо сколоченном ложе, перенесенном в тень, лежал самый крупный и сильный из рабов, свинопас Конопс, почти голый, и громко храпел с широко открытым ртом. Вплотную вокруг него стояли те, кто предложил разбудить его, а позади этой группы несколько полуголых мальчиков, распластавшись на земле, играли в кости, в то время как пара рабов постарше, сидя за столом, спокойно пили вино из кружек, которое они забыли смешать с водой. Еще дальше несколько молодых людей резвились на скамейке под цветущими деревьями Агнус-кастус с двумя девушками-рабынями, которые при виде вновь прибывших с громким визгом вскочили и, закрыв лица руками, убежали за ближайший угол дома.

Ликон не сказал рабам ни слова, но, медленно поворачиваясь вместе с Симонидом, чтобы вернуться к дому той же тропинкой, он сказал, как бы продолжая прерванный разговор:

— Мой совет таков: продайте их все на рудники в Лауриуме — там они излечатся от лени - и купите новые, даже если вам придется заплатить за них больше.

Он говорил достаточно громко, чтобы ближайшие рабы слышали каждое слово.

Работа в шахтах Лаврия считалась самым тяжелым рабским трудом в Элладе. Какой же ужас охватил избалованных, праздных рабов в доме Симонида при виде перспективы, столь внезапно открывшейся перед ними.

Позади удаляющихся фигур мгновенно поднялся тихий, но нетерпеливый ропот. Многие говорили одновременно и сердитым тоном.

“Ты слышишь? - сказал Ликон Симонидес. - лекарство начинает действовать”.

Старик пожал ему руку.

V.

Содержание

Ликон позволил мальчику, которого он нашел спящим, прислонившись головой к дверному косяку, показать ему город, и придумал множество поручений для многих горожан, но никто из них его не узнал.

Тем временем его молодой раб, Пеньон, лениво расхаживал по дому. Он устал, поэтому приветствовал событие, когда кто-то неожиданно заговорил с ним в перистиле женских покоев.

- Как тебя зовут, мой мальчик? - спросил веселый, музыкальный голос из одного из небольших отверстий в стене, обращенной к перистиллю.

Пеньон поднял голову. Все, что он увидел в маленьком отверстии, - это изящную белую руку, отодвинувшую занавеску, несколько блестящих косичек каштановых волос, золотую повязку и пару озорных черных глаз, чей блеск соперничал с повязкой.

- Как тебя зовут, мой мальчик? - повторил голос.

“Пейньон”.

“ Красивое имя! Многих мальчиков в Афинах зовут Пеньон так же, как тебя?

- Некоторые, но не многие.

- У твоего хозяина тоже красивое имя?

- Его зовут Ликон.

- А другого имени у него нет?

Пеньон молчал.

- Ну что ж! - произнес веселый голос странно презрительным тоном, и рука двинулась, как будто собираясь задернуть занавеску.

Пеньон испугался, что разговор окончен.

- Что вы имеете в виду? - поспешил спросить он.

“ Я думал, аттические юноши умнее других — настолько умны, что их хозяева никогда ничего не могли от них утаить. Теперь я вижу, что афинские парни ничуть не умнее наших.

Пеньон почувствовал себя немного уязвленным.

- Я *мог бы* ответить тебе, если бы захотел, - грубо пробормотал он.

- А почему бы тебе не выбрать, Пеньон?

- Потому что я не хочу, чтобы мне проткнули грудь длинным ножом.

“ Пустые угрозы! И они тебя волнуют? Такого мальчика, как ты, нелегко убить.... Нет, лучше скажи, что ты ничего не знаешь.

И снова изящная рука сделала движение, словно собираясь опустить занавес.

“Но я *действительно* кое-что знаю”, - поспешил ответить Пеньон. “У него, как ты сказал, другое имя”.

- Кто тебе это сказал?

“Он сам”.

- И что же он сказал?

- Этого я никому не скажу.

“ Ты такой робкий, Пеньон? Я думал, мальчики с Чердака храбрее. Кроме того, чем ты рискуешь, рассказывая об этом мне, женщине? Я никогда не увижу твоего хозяина, у меня никогда не будет возможности поговорить с ним — чего ты боишься?

Пеньон на мгновение задумался.

“ Нет! ” решительно воскликнул он. - Я не смею! Он может узнать.

“Какая жалость! Я думал, ты заработаешь немного денег. Смотри! - продолжала молодая девушка, протягивая из коробочки несколько маленьких плоских серебряных монет и показывая их Пеньону. - Вот двенадцать триоболов.

Юноша жадно уставился на сверкающие монеты.

-*Двенадцать* триоболов, - повторил он с лукавой улыбкой, - а мне *пятнадцать* лет.

“ У тебя будет еще три. Но поторопись, кто-нибудь может прийти. Что сказал твой хозяин?

Пеньон огляделся вокруг.

“По дороге сюда, - прошептал он, прижимаясь вплотную к стене, - мой учитель некоторое время ехал, погруженный в свои мысли; затем он внезапно воскликнул: ”Нет, я вернусь не как Зенон, а как Ликон“.

- Я так и знала! - воскликнула девушка и, забыв о деньгах, хлопнула в ладоши так, что оболочки упали на землю и покатались во все стороны.

Пеньон не замедлил забрать свое сокровище.

“Три триобола, - сказал он затем, - три триобола, которые ты мне обещал”.

Девушка исчезла в проеме. Мгновение спустя складка занавески приподнялась, и, если бы у Пеньона были глаза, он мог бы увидеть красивую белую руку, обнаженную до плеча, но юноша был больше сосредоточен на оболочках, чем на оружии.

В этот момент задняя дверь, ведущая в сад, закрипела на ржавых петлях, и Пеньон изо всех сил бросился в маленькую комнату для гостей в углу дома, отведенную ему и его хозяину.

Когда Ликон — ибо это был он — пересекал маленький внутренний дворик по пути в комнату для гостей, он увидел, что там собрались домашние рабы, всего человек полдюжины. Одни таскали сено из большой телеги в сарай, другие поливали водой грубые колеса, состоящие из круглых деревянных дисков, чтобы очистить их от комков глины, третьи стояли без дела в тени. Но независимо от того, были они заняты или нет, вокруг них витала атмосфера недоброжелательности, и никто не произнес ни слова. Перспектива принудительного труда на лауриевых рудниках нависала над всеми, как темное облако.

Крупный свинопас по имени Конопс держал в руке охапку сухих листьев, которыми вытирал пот с вздымающихся боков мула.

Ликон тихо прошел в комнату для гостей, где обратился к Конопсу коротким, властным тоном:

“ Открой дверь. Ты видишь, я что-то несу под плащом.

Огромный детина не пошевелился.

Ликон подозвал маленького мальчика и отдал ему свой сверток.

“Разве ты не знаешь, - сказал он затем Конопсу, - что я гость твоего хозяина и что ты должен повиноваться гостю, как самому своему хозяину?”

“Возможно, таков обычай в Афинах”, - дерзко ответил Конопс, глядя на остальных. “В Метоне рабы делают то, что им заблагорассудится”.

Огромная рука Ликона внезапно легла на щеку Конопса. Удар был настолько силен, что свинопас отшатнулся на несколько шагов в сторону, ударился головой о стену конюшни и оцарапал одно ухо. Несмотря на головокружение и растерянность, он был достаточно раболепен, чтобы распознать в руке, нанесшей такой удар, превосходящую силу, которой она не стала бы сопротивляться.

“Какой подзатыльник!” - пробормотал он, вытирая кровь, которая текла из уха, о загорелое плечо, затем, снова взглянув на остальных, добавил с явным восхищением от удара: “Меня никогда раньше так не били”.

“Дверь!” - коротко приказал Ликон.

Конопс открыл его, не сказав ни слова.

Теперь Ликон повернулся к рабам и сообщил им, что порядок в доме должен быть восстановлен. Никто не был бы перегружен работой; но если бы каждый выполнял свою долю работы, казалось бы, что нужно сделать меньше. Затем он объяснил рабам, родившимся в доме Симонида, как постыдно они вели себя, заботясь только о собственном удобстве, в то время как их хозяин был болен и беспомощен, больше всего нуждаясь в заботливом уходе.

Вскоре ему удалось тронуть сердца рабов, и, когда он понял это, он добавил, что Симонид простит и забудет все, если в течение трех дней они принесут ему домашние орудия наказания, которые они выбросили и сломали. Если бы один из старших рабов выполнил это требование, Симонид назначил бы его надсмотрщиком над остальными, но если бы они упорствовали в своей небрежности, их хозяин с помощью аттического работоторговца продал бы их на рудники.

VI.

Содержание

Рано утром следующего дня, когда роса еще искрилась на листьях и в траве, дочь Симонида, Миртала, семнадцатилетняя девушка, вышла из женских покоев в сад. Она набросила на голову красный шарф с маленькими белыми звездочками, из-под которого ниспадали ее густые темно-каштановые локоны. Ее фигура, хотя и не была высокой, была хорошо развита, и ее изящно округлые очертания были полностью подчеркнуты красным одеянием, которое она носила. Маленькая метонианка не имела никакого сходства с величественными мраморными кариатидами, которые в виде изображений аттических дев украшали вестибюль Эрехтея; но во всей ее фигуре было столько жизни и молодости, что ни один глаз не мог не задержаться на ней с удовольствием. Даже свинопас Конопс повернул свою неуклюжую голову, чтобы посмотреть на нее, когда она проходила мимо, и среди рабов, которые наполовину пренебрегали ею, наполовину восхищались, ее никогда не называли иначе, как *hē pais*, “дитя”.

Однако Миртале была ребенком, у которого была собственная воля, и очень решительная. Рано потеряв мать, она не имела женского общества, кроме своей няни, которая потакала ей во всем. Она получила образование в гораздо более свободной манере, чем это обычно бывает с эллинскими девушками. Она обедала вместе с отцом, даже когда его навещал друг Поликл, виноторговец. Когда Поликл заметил, что молодая девушка не лишена ума, он часто спрашивал ее мнения, и это радовало Симонида, который баловал своего единственного ребенка и относился к ней скорее как к сыну и наследнице, чем как к дочери.

Более того, когда Симонид в дни своего выздоровления читал вслух пьесы Магнеса Икарийца, Миртале, в то время девочке лет тринадцати-четырнадцати, обычно присутствовавшей при этом и воодушевлявшейся безудержным смехом двух друзей, стало понятно многое из того, что раньше было непонятно, и она уловила многие намеки, о понимании которых двое мужчин и не подозревали. Таким образом, Миртале узнала о мире и жизни больше, чем другие молодые девушки, проводившие свои дни в девственной комнате. **T**

Т Часть женской квартиры.

Небрежность рабов, единственное, что могло омрачить ее молодость, беспокоила ее гораздо меньше, чем отца, поскольку рядом с ней всегда была верная няня, и — благодаря предоставленной ей свободе — она наслаждалась жизнью, как беззаботный ребенок, для которого настоящий момент - это все.

Когда Миртале рано утром вышла в сад, она некоторое время стояла неподвижно, нерешительная, но, как подобает женщине, не праздная. Увидев, какой темной и влажной была земля и какие крупные капли блестели в траве, она немедленно принялась застегивать платье, чтобы оно не запахло сыростью. Затем она зашагала сквозь клены, плющ и виноградные лозы, обвитые вокруг шестов, которые опирались на прочные столбы, к самой уединенной части сада. Дойдя до пчелиных ульев и услышав жужжание насекомых, она на мгновение остановилась, тихо рассмеялась и сказала себе с озорной улыбкой:

“ Теперь я знаю, что делать — он будет вынужден во всем признаться. Увидев несколько великолепных белых лилий, она оставила свои расшитые серебром сандалии на садовой дорожке и запрыгала на своих маленьких босых ножках по мокрой траве. Собирая цветы, она почувствовала, что по ней ползают муравьи, и, немного приподняв платье, посмотрела через плечо на свои лодыжки, внимательно изучая каждую. Хорошенькая девушка считала себя одинокой и никем не замеченной, и во всем ее облике было что-то настолько завораживающее, что было бы жаль, если бы не было свидетеля.

Но был свидетель.

Ликон, который не мог уснуть всю ночь, потому что каждый проходящий день приближал решение его судьбы, рано вышел в сад и сел на скамейку в ближайшей чаще. Из своей зеленой засады ни одно движение Миртейл не ускользнуло от его внимания. Если бы он был знаком с Гомером, то подумал бы, что она похожа на Данаю, дочь Акрисия, и заслуживала имени Каллисфира, девушка с прекрасными икрами. Но Ликон ничего не знал о Гомере, поэтому ограничился тем, что пробормотал:

“ Это Миртейл? Какая она стала хорошенькая.

Однако он не пошел ей навстречу. Конечно, она испугалась бы вида незнакомого мужчины. И о чем ему было говорить? Ему нечего было ей сказать.

Пока Миртала надевала свои украшенные серебром сандалии, к ней подбежала черно-белая коза с волочащейся за ней привязью. Она взглянула на мокрое животное с грубой шерстью, затем на свое светлое платье и, отпрянув, яростно захлопала в ладоши, чтобы отпугнуть животное. Но коза не поняла. Он просто остановился в своем беге и медленно приблизился, высоко держа голову, очевидно, приняв движение ее рук за вызов к игре. С озорством, присущим этому животному, оно внезапно сделало пару коротких, игривых прыжков, опустило голову и острые рога и метнулось к молодой девушке.

Без колебаний Миртале воткнула ближайший цветочный кол и защитилась от козла. Но животное, теперь уже бывшее в боевом настроении, постоянно возобновляло атаку, и молодой девушке становилось все труднее удерживать существо на расстоянии. Поэтому она была

скорее обрадована, чем встревожена, когда в кустах зашуршало и Ликон выскочил наружу и схватил козу за повод.

Миртале молча поставила колышек с цветами на место и занялась подвязыванием растения.

Некоторое время оба молчали.

- Ты Миртала, дочь Симонида? - спросил Ликон, наблюдая за хорошенькой метонианкой с удовольствием, которого никогда раньше не испытывал.

Миртейл кивнула в знак согласия.

- Ты Ликон, афинянин, гость моего отца? - спросила она, не поднимая глаз на незнакомца.

Ликон едва успел ответить, потому что козел возобновил свою атаку на него. Он рассмеялся:

“ Пойдем, дитя мое. Ты узнаешь, что меня не зря называют Ликон с большой рукой.

Схватив одной рукой козий рог, а другой - его маленький хвостик, он оторвал озорное животное от земли так, что его четыре ноги свободно свисали вниз. Когда он снова поставил его на землю, существо было основательно напугано. Слабо блея, он без сопротивления позволил оттащить себя обратно на лужайку, с которой сбежал.

В ульях Миртейл удалось заставить Ликона пройти довольно близко от них. В то время как насекомые жужжали вокруг него особенно интенсивно, она вдруг воскликнула:

“ Пчела, пчела! ” и, положив руку на шею Ликона, добавила: “ Ты не чувствуешь боли? Должно быть, она ужалила тебя. Я видел, как она выползла у тебя из-под халата.

Ликон отрицал, что чувствовал какую-либо боль.

“Покажи мне свое плечо! ” продолжала Миртале. “Пожилая женщина из Ипаты научила меня двум волшебным словам, с помощью которых можно мгновенно вылечить укусы ос и пчел”.

“В этом нет необходимости”, - коротко ответил Ликон.

- Сделай, как я тебя прошу, - настаивала Миртейл.

“ Девочка! ” нетерпеливо воскликнул Ликон. - Ты просишь глупостей.... Я этого не сделаю.

Глаза Миртейл вспыхнули, румянец на ее щеках стал еще гуще, и она внезапно остановилась.

- Зенон, - сказала она, повысив голос, - я, дочь твоего учителя Симонида, приказываю тебе сделать это.

Если бы земля разверзлась у ног Ликона, он не смог бы быть более удивлен и напуган, чем этими словами.

“ Милостивые боги! ” воскликнул он, побледнев и всплеснув руками. “ Откуда вы знаете?— Кто вам сказал?

“ Молчать! ” строго сказала Миртале. “ Ни мой отец, ни рабы не узнали тебя, но я узнал тебя при первых звуках твоего голоса, хотя теперь ты говоришь на аттическом диалекте. Ты Зенон, не

отрицай этого. Позвать Конопса и остальных, чтобы с тебя сорвали халат? У тебя на плече каппа, я это знаю.

“О, какой я несчастный человек!” - воскликнул Ликон, ломая руки, а глаза его наполнились слезами. “Я видел, как ты погубил меня”. И, упав к ногам Мирталы, он обхватил ее колени, добавив: “Как мне ответить? Что я должен сказать?”

“Правду”.

“Ах, я ничего не скрою, но открою тебе тайну, которая является ключом к моей душе. Знай, что я не рожден рабом, как ты предполагаешь. Мои родители были свободными и жили в Каристе на Эвбе. Мой отец был надсмотрщиком над рабами в мраморных карьерах. Во время моего детства он жил безбедно, но потом начал пить, влез в долги и вместе с женой и ребенком был продан в рабство. И все же, благодаря моему свободному рождению, я приобрел характер, отличный от рабского. Бич унижал меня гораздо больше, чем причинял боль, и я не мог смеяться вместе с остальными, когда боль прошла. День и ночь я строил козни, чтобы обрести свободу, и, поскольку я не мог ее купить, я решил украсть ее. Чтобы стать свободным, я мог бы ограбить самих богов. В первый раз, когда я потерпел неудачу, меня поймали и заклеямили. В следующий раз я добился большего успеха.... Ну вот, теперь вы знаете мое преступление”.

Затем он рассказал ей о своей счастливой жизни в Афинах, о своем глубоком раскаянии, когда Форион описал болезнь Симонида, и о своей решимости восстановить дисциплину в доме, чтобы получить прощение.

Миртале не упустила ни единого слова, но когда Ликон опустился перед ней на колени, она заметила, что его заплаканные глаза были очень красивы, а от его волос исходил нежный запах мази. Сила мелочей всегда была велика, особенно у женщин. Этот парфюм произвел на нее странное впечатление. На мгновение она забыла, что Ликон был рабом, и мысленно сравнила его с сыном их соседа-пекаря, который, проведя десять дней в Афинах, ходил так же щегольски одетый и двигался так же чопорно, как афинские денди. Она посмотрела на широкие плечи и жилистые руки Ликона — и, какова бы ни была причина, она почувствовала себя более дружелюбной.

“ Ты странный человек, ” сказала она, глядя в глаза Ликону. “ Кто и что ты?... Наполовину афинянин и наполовину метониец, наполовину гражданин и наполовину раб, наполовину Ликон и наполовину Зенон. Я поступлю так, как когда-то поступил мой отец: я буду доверять тебе, хотя, возможно, я поступаю неразумно”.

С этими словами она поспешила к дому, но Ликон схватил ее за складки одежды.

“Миртала, ” сказал он, - поверь мне, добрые чувства побудили меня вернуться. Подумай, какой беззаботной была моя жизнь в Афинах и чем я рисковал. Не делай меня несчастной — не раскрывай преждевременно мою тайну, чтобы твой отец отказал мне в своем прощении! Тот, кто когда-то был свободен, не имеет никакой ценности как раб”.

Миртейл заметила дрожь, пробежавшую по его телу, и почувствовала странное волнение. Она прочла в глазах Ликона муку, которую он испытывал, и, чтобы утешить его, сказала:

“ Не бойся! Миртейл не испытывает ненависти к Ликону.... Я никогда не забуду, как ты был добр ко мне, когда я был ребенком. У меня все еще есть маленькая тележка, которую ты сделал для меня.

— А я, - сказал глубоко тронутый Ликон, схватив ее за руку и поцеловав, - я и не предполагал, что маленькая Миртале станет такой девочкой - такой доброй и красивой!

Миртейл улыбнулась.

“Теперь Ликон забывает Зенона!” - ответила она и, приподняв легкое платье, побежала к дому.

Но Ликон ни в коем случае не был весел. Напротив, он был очень встревожен, узнав, что его тайна хранится у женщины. “Чем скорее я поговорю с Симонидес, тем лучше”, - подумал он.

VII.

Содержание

Два дня спустя, как раз когда Ликон завтракал с хозяином дома, вошел Карион, старый раб. Ликон собирался встать и выйти из комнаты, но Симонидес взял его за руку и заставил сесть на край дивана.

“Господин, ” сказал старый Карион, - я пришел попросить за себя и остальных рабов, чтобы ты простил и забыл. Если вы только не продадите нас на рудники, мы будем повиноваться вам во всем и, в знак нашей покорности, принесем вам домашние орудия наказания, все до единого, и в хорошем состоянии”.

Симонидес едва мог поверить своим ушам и повернулся к гостю в безмолвном удивлении. Ликон рассмеялся в ответ.

По знаку Кариона вошли два молодых раба и положили к ногам своего господина большие и маленькие плети, железные ошейники, кандалы, колодки, клейма, шейные колеса и так называемое “дерево”, которое служило позорным столбом и в то же время служило пыткой сидеть в согнутом положении. На доставку всех этих предметов ушло достаточно времени, чтобы Симонидес смог восстановить самообладание.

Не выказывая своего удовлетворения в присутствии рабов, он ответил, что удовлетворит их прошение и простит то, что произошло. Никто не должен страдать от угнетения, но если кто-то поступит неправильно, он будет наказан. Карион, первый, кто подал пример послушания, будет назначен надзирателем над остальными, и в знак того, что он сам был готов забыть о случившемся, каждого из них примут в тот вечер так, как если бы он впервые входил в дом своего хозяина. Надсмотрщик должен отвести его к очагу и там получить инжир, сушеный виноград, орехи и маленькие пирожные в знак того, что в доме изобилие и он ни в чем не будет испытывать недостатка.

Затем Симонид приказал рабам отнести орудия наказания в предназначенную для них комнату.

Едва оставшись наедине с Ликоном, он с переполняющей любовью прижал его к своей груди.

“Во имя всех богов дружбы! - воскликнул он. - скажи мне, с помощью какого волшебства ты это совершил?”

Теперь Ликон упомянул о наказании, которое он назначил Конопсу, и о требовании, которое он предъявил рабам от имени их хозяина под страхом работы в шахтах.

Симонидес схватил руку Ликона и сжал ее в своих ладонях.

“Хоть ты и чужестранец, - сказал он, - ты исполнил мое самое заветное желание и восстановил порядок в моем доме. Да благословят тебя за это боги! До конца своих дней я буду вспоминать это время как счастливый час. Но скажи мне, сын мой, неужели ты ничего не желаешь, я ничего не могу для тебя сделать?”

Ликон отвернул лицо. Теперь, в этот решающий момент, которого он ожидал столько дней и ночей, он не мог заставить себя произнести ни единого слова.

“Сын мой, ” настаивал Симонид, - есть нечто, что тяготит твое сердце. Не отрицай этого. Клянусь Зевсом, я хочу видеть сегодня только счастливые лица. Итак, скажи мне, в чем дело.

Ликон вскочил с ложа и бросился к ногам Симонида.

- Простите, господин! - запинаясь, пробормотал он. - Я недостойн быть вашим гостем.

“Что за головню ты бросаешь мне в грудь?” - воскликнул Симонид, приподнимаясь на ложе и, охваченный мрачным предчувствием, расширенными глазами глядя на коленопреклоненную фигуру.

Ликон смертельно побледнел. Схватившись за складки одежды Симонида, он сказал почти сдавленным от волнения голосом:

“Господин... разве ты не узнаешь меня?... Я твой раб Зенон.

- Боги-творцы чудес! - с сомнением воскликнул Симонид. - что я должен слышать?!

“Пощади, Господин, пощади!”

Симонид, издав свирепый крик, оттолкнул Ликона ногой.

“Вор, ” закричал он, дрожа от ярости, “ жалкий вор, ты украл мои деньги и мое здоровье, чего ты ищешь в моем доме? Вы пришли сюда, чтобы ограбить меня во второй раз?... В течение двух лет я не позволял произносить ваше имя в моем присутствии.... Прочь, прочь с моих глаз, ты, источник моих страданий, ты, разрушитель счастья моей жизни!”

И поскольку Ликон все еще медлил, Симонид указал на дверь перистиля, повелительно крикнув: “Уходи, уходи, я приказываю тебе!”

Ликон вышел из комнаты с поникшей головой, не оглянувшись. У него больше не было надежды.

В тот же миг занавеска на двери боковой комнаты слегка шевельнулась, и вскоре после этого вошла Миртала и молча села на край ложа у ног своего отца. Она была очень бледна, и сквозь складки ее тонкого платья быстро поднимавшаяся и опускавшаяся грудь свидетельствовала о

том, что она с трудом переводит дыхание. Симонидес, казалось, едва замечал ее, и, не двигаясь и не поднимая глаз, она терпеливо ждала, когда он заговорит.

Наконец он нарушил молчание.

“Ты знаешь, кто такой Ликон?” спросил он.

- Да, я знаю.

-И вы мне ничего не сказали?

- Признаваться было его делом, а не моим.

- Что бы ты посоветовала, Миртейл?

- Подождать до завтра.

-Почему? -спросила.

“Позволить Ликону вынести себе приговор”.

- Что вы имеете в виду?

“Произойдет одно из двух: либо он убежит ночью, и тогда его забота о себе будет больше, чем его раскаяние, либо он останется, и тогда его раскаяние будет достаточно глубоким, чтобы заставить его предпочесть выстрадать все, чем не получить вашего прощения”.

Симонидес привлек Миртале к себе и погладил ее красивые каштановые волосы.

“Поликл права, - сказал он, - тебя следовало звать МетисУ, а не Миртейл.... Но не воспользуется ли Ликон ночью, чтобы снова обокрасть меня?

Ублагоразумие, изобретательность.

Миртала ничего не ответила, но морщинки вокруг ее рта выражали столько гнева и презрения, что Симонид с удивлением присмотрелся к ней повнимательнее. Блестящая полоса пробежала от ее глаз вниз по щекам.

- Значит, ты ему доверяешь? - спросил он.

- Я действительно доверяю ему, - ответила Миртала так искренне, что ее отец надолго замолчал.

“ Я был слишком строг? - Спросил он наконец.

Миртейл не ответила.

“ Помни, дитя мое, что услуга, которую он мне оказал, ничто по сравнению с преступлением, которое он совершил. Если бы его собственный грех не сделал меня больным, я бы никогда не нуждался в его помощи”.

На следующее утро, когда Ликон колебался, идти ли ему к Симонидес или ждать приказаний последнего, вошел мальчик и сказал:

“Симонид просит Ликона прийти к нему”.

Это сообщение показывало, что с ним нельзя обращаться как с рабом.

“Я приду”, - поспешно ответил Ликон, и когда парень ушел, он буквально подпрыгнул в воздух от восторга.

Прежде чем выйти из комнаты для гостей, он вспомнил, что во время беспокойного сна ему приснился сон. В детстве он часто видел маленького мальчика, сына бедных родителей, известного под именем невезучий Кнемон, потому что у него был такой печальный вид, что все шлепали и толкали его, потому что он, казалось, действительно напрашивался на подзатыльники. Этот мальчик явился ему во сне. Ликон попытался оттолкнуть его, но в тот же миг мальчик преобразился, и сам Эрос стоял, улыбаясь, с гирляндой роз на волосах. Пристально глядя на Ликона, он погрозил ему пальцем. Ликон подумал о Миртале и пробормотал: “Я принимаю это предзнаменование”.

Теперь этот сон снова вспомнился ему.

“Да, ” воскликнул он, “ вчера я был унылым, невезучим Ликоном; я напрашивался на побои — и Симонидес пнул меня.... Получила бы собака столько ударов, если бы не приседала перед хозяином? Что ж, сегодня я буду храбрее”.

С этими словами он взял два свертка, которые привез с собой из Афин.

- Что у тебя там? - спросил Симонидес, увидев вошедшего Ликона с пакетом в каждой руке.

“Не моя собственность, а твоя”, - ответил Ликон.

Симонид понял, что в свертках были наличные деньги и ценные вещи, которые Ликон привез с собой из Афин.

- Поставьте их туда, - сказал он, указывая на небольшой шкафчик.

Ликон положил свертки на землю.

“Скажи мне, - продолжал Симонидес, - что ты думаешь о своем положении в городе?”

“Ничего— клянусь Зевсом!” - сказал Ликон, словно забавляясь собственной свободой от тревог. “У меня было так много дел, чтобы познакомиться с людьми и вещами в Афинах, что я забыл как прошлое, так и будущее, и, когда я услышал, как Форион говорил о твоей болезни и лени и небрежности твоих слуг, я был так занят продажей своего дома и рабов, чтобы поспешить к тебе на помощь, что только во время путешествия сюда у меня появилась возможность подумать о бичах, оковах и клеймах - короче, обо всем, что могло меня ожидать”.

- А тебе не приходило в голову сбежать ночью?

“Конечно, - ответил Ликон, - но я сказал себе: ”Тогда было бы лучше вообще не приходить“. Поэтому я остался.

- А ты не боялся снова попасть в рабство?

“ Нет, ” тихо сказал Ликон, “ ты бы этого не сделал. Ты знаешь, что человек, который много лет прожил свободным гражданином, не может стать рабом.

“Ну, во имя Геры! ” воскликнул Симонид, смеясь. - Ты странный смертный. Вчера ты был воплощением смирения, а сегодня ты диктуешь, что мне делать. И все же сегодня Ликон нравится мне больше, чем вчера! Возьми с собой одного из моих рабов, осмотри город и возвращайся ко времени обеда; к тому времени я подумаю, что послужит тебе лучше всего”.

VIII.

Содержание

В сопровождении гигантского Конопса, который вызвался добровольно предложить свои услуги, Ликон отправился на рынок. Это была небольшая открытая площадь, одну сторону которой занимал зал совета, красивое новое здание с колоннами, другую - древний храм Посейдона, одно из примечательных сооружений города, третью занимала аркада, служившая укрытием в дождливую погоду, а четвертую - дома горожан.

Хотя было еще рано, в заведении было многолюдно. Ликон находил развлечение в том, чтобы оглядываться по сторонам в поисках, хотя и только в миниатюре, этой рыночной площади, похожей на ту, что была в Афинах.

Сельские жители, стоя в палатках, сделанных из переплетенных зеленых ветвей, продавали свежий сыр, яйца, мед, масло, фрукты и зеленые овощи; один или два гончара громко расхваливали свои расписные кувшины; жены пекарей были наполовину скрыты за огромными грудями хлеба и пирожных, а юные цветочницы сидели среди своих ярких, ароматных изделий, деловито плели венки. Свободные люди, а также рабы мужского и женского пола бродили между прилавками, торгуясь тут и там, в то время как юноши в легких плащах, с вышитыми повязками на волосах, шутили с самыми хорошенькими продавщицами. Но самым успешным человеком был *нейропастес*, владелец кукольного театра, занявший свое место на месте, обычно используемом для продажи рабов. Оставаясь незамеченным, он дергал за потайные ниточки, которые приводили в движение тела уродливых марионеток, так что, к восторгу детей и их педагогов, фигурки совершали самые нелепые жесты.

Ликон на мгновение остановился, чтобы посмотреть на занятых кукол и смеющихся детей, когда внезапно послышался странный, оглушительный шум.

Казалось, что бесчисленное количество цепей падают с протяжным грохочущим звоном в неизмеримую глубину, но невозможно было сказать, откуда доносился этот звук. Он наполнил землю и воздух, и при этом был таким могучим, таким поразительным, что прекратились все шутки, все разговоры. Даже животные пробудились от своего обычного покоя, и ласточки, которые порхали и щебетали над рыночной площадью и вверх и вниз по длинной улице Пекарей, внезапно собрались в стаи и с криками взмыли в воздух, словно пытаясь спастись от какой-то опасности.

Никто не помнил, чтобы слышал что-либо подобное; никто не знал, что это было. Но от людей, которые толпились вокруг, вскоре стало известно, что шум был таким же громким в самых плотно закрытых комнатах домов, как и на открытой рыночной площади, и таким же близким и

отчетливым в каждой отдаленной части города, более того, даже на кораблях в порту. Экипажи судов заявили, что звук исходил из воды.

Только один старый кузнец, мужчина почти ста лет от роду, казалось, подозревал причину. Он озабоченно покачал головой, но говорить открыто не стал. “Возможно, я ошибаюсь,” сказал он, “но послушайся моего совета. Держись подальше от домов — возможно, это спасет не одну жизнь”.

Ликон чувствовал, что надвигается какое-то несчастье. В сопровождении Конопса, сам не зная, куда направляется, он спустился в гавань, где не был с момента своего возвращения в город. Открывшийся отсюда его взору вид был настолько великолепен и прекрасен, что производил такое же впечатление, как если бы он увидел его впервые. Вскоре он почувствовал облегчение на душе и возвращение прежней беззаботности.

“Что должно произойти?” спросил он себя. “Может ли летний день быть яснее и ярче этого?”

Солнце стояло высоко в небесах. Ни вдали, ни вблизи не было видно ни облачка, ни малейшего дуновения ветра. Около тридцати лодок и небольших судов стояли у причала, сложенного из больших известняковых блоков - тех самых, мачты которых были видны с улицы Пекарей. Справа взгляд останавливался на самой высокой части города, над которой возвышались далекие горы Феры; слева улыбающееся плодородное побережье простиралось почти до самого горизонта, возвышаясь над отрогом Пелиона. По зеленой воде залива, сверкающей, как зеркало, рыбацкие лодки и прогулочные катера скользили друг мимо друга, а за ними широкой темно-синей полосой виднелся Пагасейский залив, который переходил в открытое море, сверкая на солнце, как золото. На противоположной стороне залива возвышался Пиррский мыс, а вдали, сквозь туман, поблескивали прибрежные города, а за ними - гряда гор Офрис, через которые вела дорога в Локрис, Беотию и Аттику.

Ликон остановился у первого из маленьких суденышек, владельца которого, старого моряка по имени Дорион, он раньше знал. Вид этого человека живо напомнил о том, какие странно разные судьбы могут принести одни и те же годы. Пока он сам был в Афинах, видя и слыша так много нового, что его память едва могла это сохранить, Дорион ежедневно плавал туда-сюда по одному и тому же углу залива, чтобы добыть и продать песок. Тем не менее, он казался довольным, и когда Ликон вступил с ним в разговор, он с радостным удовлетворением сказал ему, что его лодка новая, что ее построили его сыновья и что она достаточно велика, чтобы он мог совершать более длительные путешествия.

“Но,” воскликнул Дорион, внезапно прерывая себя и прыгая на нос, “смотрите, смотрите, как убывает море! Святые Диоскуры! Что происходит у нас на глазах?... Я никогда не видел, чтобы вода убывала так быстро”.

“Это второе чудо за сегодняшний день”, - сказал Ликон. “Что это может означать?”

Пока они разговаривали, лодка и все другие небольшие суда опускались все ниже и ниже, так что, казалось, известняковая набережная возвышается высоко над ними. Сбивчивые крики и визг отдавались эхом от одного судна к другому, и мгновение спустя внутренняя бухта, за исключением нескольких лужиц воды, была сухой, как вересковая пустошь. Там, где только что простиралась сверкающая поверхность волн, теперь не было видно ничего, кроме сероватого песка, поросшего тут и там большими и маленькими пятнами морских водорослей. Маленькие

суденышки, которые незадолго до этого порхали далеко по воде, теперь лежали на суше, перевернувшись набок, и их команды, похожие на маленькие черные точки, стояли вокруг, не зная, что делать.

Конопс, который наблюдал за происходящим с меньшим безразличием и тупостью, чем обычно, теперь сделал меткое замечание.

“Если бы залив был чашей для питья, — сказал он, — и там было бы невидимое устье, протянувшееся от одного берега к другому, воду нельзя было бы осушить быстрее — за пять-шесть долгих глотков”.

- Что? - внезапно воскликнул Дорион. - Если я правильно вижу, вода возвращается.

Ликон прикрыл глаза рукой и посмотрел в сторону залива. Масса воды надвигалась на бухту подобно валу высотой в девять или десять локтей, гребень и дно которого были белыми от пены, и со скоростью, превышающей скорость человека, бегущего на полной скорости. Он увидел, как волна прокатилась под самолетом, стоявшим на земле, подняла их в воздух и понесла вперед по своему собственному безумному курсу.

Сопровождаемый Конопсом, он прыгнул в лодку Дориона, крича во весь голос людям на других судах:

“ Отвести лодки от причала!... или вода зальет их и утопит нас всех.

Эти слова передавались из уст в уста.

Затем от приближающейся массы воды донесся оглушительный рев, она утопила набережную в белоснежной пене, поднимала одну лодку за другой — не без того, что частично заполнила их — и с бешеной скоростью понесла их вверх по улице Пекарей, которая лежала прямо перед пристанью.

Ликону, Дориону и Конопсу удалось с помощью весел и шестов удержать свое судно подальше от деревьев и домов. Словно во сне, они слышали дикие крики ужаса и увидели, как два ближайших к гавани здания затонули под напором воды, а несколько небольших судов застряли на рухнувших стенах и колоннах.

Вскоре после этого накатил еще одна волна и под новые крики тонущих вынесла лодки дальше, на середину длинной улицы. Ликон с восторгом увидел, что дом Симонида уцелел, хотя вода была больше чем наполовину покрыта дверью.

Почти в тот же момент на крышах ближайших домов появились человеческие фигуры, и они слышали женские вопли, которые напомнили Ликону о причитаниях, ежедневно раздававшихся во время праздника Адониса в Афинах. Но было легко понять, что дело обстояло более серьезно, потому что к воплям примешивались крики множества людей, взывавших, каждый со своей стороны улицы, к лодкам о помощи.

Сердце Ликона наполнилось человечностью, такой же теплой, как и величие окружающей его опасности. Прыгнув на корму, он крикнул матросам в ближайших лодках:

Друзья! давайте возблагодарим богов за наше собственное избавление, спасая как можно больше этих несчастных. Пусть девять или десять лодок поплывут по соседней улице. Нам всем хватит дел до вечера, хотя, кажется, под водой, кроме этой, только одна улица”.

“Афинянин прав”, - ответил голос с другого судна. “Давайте сделаем для города все, что в наших силах. Разве у нас здесь не все знакомые и друзья?”

Ликон и Дорион направили лодку к дому Симонида. На крыше был виден только один человек — Пеньон.

- Где Симонид и его дочь? - спросил Ликон.

- На крыше женской квартиры.

- А где рабы? - спросил Конопс.

- На конюшне.

Ликон направил лодку между зданиями. Внезапно ее тряхнуло от носа до кормы от странного, загадочного толчка, от которого кровь застыла в жилах Ликона. Этот толчок повторился, хотя лодка плыла по воде глубиной в три локтя и ни на что не наткнулась.

В тот же миг крик ужаса пронесся от крыши к крыше.

-Сейей, сейей! Земля дрожит, это землетрясение”.

Теперь Ликон понял, что чудеса дня, шум и наводнение, были связаны с тем, что происходило.

Хотя ни один из толчков не длился дольше того короткого времени, которое требовалось человеку, чтобы поднять руки и снова опустить их, результат был ужасным; два дома на улице с грохотом обрушились в воду, а несчастные люди оказались на их крышах. К счастью, обломки образовали достаточно большую кучу, чтобы большинство заключенных могли удержаться над приливом, пока им на помощь не придут лодки.

Ликон понял, что нельзя терять времени. С тревогой в сердце он подбодрил Дориона и Конопса. Они снялись с Паэниона, хотя и не без труда, и, объединив свои силы, направили лодку к женским апартаментам.

Но между зданиями темная, мутная вода текла мощным потоком, и, когда Дорион, к несчастью, сломал весло, лодку с непреодолимой силой вынесло за угол женской квартиры в сад. Здесь он ударился о верхушки каких-то кустов и внезапно быстро вонзился между стволами двух деревьев, скрытых внизу водой, а сверху листьями. Потребовалось много времени и больших усилий, чтобы освободить его из этого положения, и задача была выполнена только после того, как вода достигла уровня на затопленных улицах, так что течение стало менее быстрым. Когда им наконец удалось вернуться в женскую квартиру, они обнаружили, что спасти Симонидеса и его дочь без помощи лестницы невозможно.

Ликон начинал терять терпение из-за этих задержек, так как день шел на убыль.

Конопс знал, что в конюшне должна быть лестница, но когда лодка достигла места, она исчезла. После недолгих поисков она была найдена там, где они меньше всего ожидали ее обнаружить. Грубая двухколесная тележка для сбора урожая зацепилась за мраморный

памятник сбоку от дома, и шест этой тележки случайно попал между витками лестницы и крепко удержал ее.

Не без новых трудностей им удалось поднять лестницу на крышу женской квартиры; и было уже давно пора, потому что на небе начали мерцать звезды. Ликон нашел Симонида и Мирталу в очень измученном состоянии; одежда обоих была насквозь пропитана водой, и они провели весь день в страхе, что дом поддастся напору наводнения и затонет под ним. Надсмотрщик Карион, который помог Миртале отнести ее отца наверх по лестнице, тщетно пытался раздобыть сухую одежду: в маленьких комнатах под крышей ничего нельзя было найти.

Симонида так сильно трясло от лихорадочного озноба, что у него стучали зубы; глаза его были закрыты, и время от времени он бормотал какие-то неразборчивые слова; но когда Ликон понес его к лодке, он пожал ему руку. Когда Ликон повернулся, чтобы привести Миртаэль, она уже стояла рядом со своим отцом. Легкая и проворная, как прелестное маленькое создание, которое прикрывается хвостом, она прыгнула в лодку без посторонней помощи.

Против Белки.

К счастью, судно было большим, потому что спасти нужно было многих, и, как бы Ликон ни ускорил работу по спасению рабов и их детей с крыши конюшни, к тому времени, когда все погрузились на корабль, опустилась ночь, так что было трудно найти выход между зданиями.

IX.

Содержание

Это было странное путешествие, о котором никто из пассажиров лодки никогда не забывал. Улица Пекарей, самая большая и красивая улица в городе, обычно такая оживленная, в этот вечер, впервые на памяти человека, не оглашалась громкими разговорами от двери к двери и веселыми песнями молодых людей, доносившимися из винных лавок; тишина царила в гармонии с разрухой, которая повсюду бросалась в глаза. Журчание воды, а также легкие взмахи весел и негромкие слова лодочников, когда встречались два судна, были единственными звуками, нарушавшими мрачную тишину. Дома темными громадами вырисовывались на фоне неба; но всякий раз, когда между ними появлялся просвет, вдалеке виднелись столбы дыма и пылающее пламя, которые отбрасывали тусклый свет на углы домов, лица в лодках и мельчайшую рябь на поверхности воды. Время от времени сноп искр с шипением падал в волны, а иногда прохладный вечерний бриз гнал по улице завесу дыма, принося с собой удушливый запах гари.

На краю затопления люди стояли небольшими группами, разговаривая друг с другом. От них стало известно, что некоторые дома в более высокой части города также рухнули. В их очагах горел огонь, пламя охватило руины, и теперь горели именно эти здания.

В доме виноторговца Поликла, куда Ликон по просьбе Мирталы привел ее отца, царила необычная суэта. Перед домом на тонких шестах были развешаны фонари, а за рядом небольших столиков сидела часть горожан, обсуждая за кубком вина все, что произошло в этот насыщенный событиями день.

При виде Ликона, который вместе с Мирталой, закутанной в плотную вуаль, поддерживал Симонида, поднялся нетерпеливый ропот; некоторые встали, чтобы лучше видеть; другие указывали на него, как бы говоря: “Это он!”, и от одного стола к другому шепотом передавался вопрос:

- Это тот афинянин? - спросил я.

- Тот, кто спас моряков, отвязав шлюпки?

“А кто помогал горожанам на затопленных улицах?”

“ Кто его знает?— Кто может сказать, он ли это?

Искушение было слишком велико для Конопса; он забыл спросить, можно ли ему говорить.

“Это я могу тебе сказать!” — ответил он не без гордости. “Он гость моего хозяина, и я провел с ним весь день, сначала на рынке, а потом в лодке - он, и никто другой, - Афинянин Ликон”.

Раздался всеобщий гром аплодисментов; несколько женщин со светлой репутацией, проходивших мимо, осыпали его воздушными поцелуями, а Поликл, хозяйка дома, схватила его за руку, говоря:

- Если ты тот Ликон, о котором все говорят, то ты человек чести, которому город обязан большим, чем новая мантия.

Затем Поликл с самым сердечным сочувствием приветствовал больного Симонида и его дочь и, узнав из уст последней, что они провели день в страхе, что дом рухнет и погребет их под водой, сказал:

“ Я не возьму тебя в свой старый каменный особняк — там может произойти еще одно землетрясение, — но у меня в саду есть хороший новый деревянный сарай, где ты сможешь отдохнуть в безопасности, а моя старая экономка снабдит тебя всем необходимым. О рабах должны заботиться как можно лучше”. И, взяв Симонида под руку, чтобы отвести его и Мирталу к их временному пристанищу, он подозвал одного из мальчиков, которые суетились вокруг, обслуживая гостей, и приказал ему принести Ликон вина, ячменный хлеб, сыр и фрукты.

Пока последний торопливо доедал ужин, прежде чем вернуться к лодке Дориана, Поликл вернулся из сада, и Ликон поспешил сказать:

“Я вижу, что здесь собралось много горожан. Разве не могли бы кто-нибудь из младших подменять друг друга в охране сожженных домов, чтобы никто в отсутствие хозяина и в темноте ночи не смог проникнуть внутрь и забрать то, что еще осталось? С лодок будет вестись наблюдение за домами на затопленных улицах”.

Вместо ответа Поликл повернулся к людям, сидящим за столами, и громко позвал:

“Граждане, этот незнакомец позорит нас. Кажется, он больше думает и мудрее заботится о нашем городе, чем мы, родившиеся и проводившие здесь свою жизнь. Ты знаешь, что он предлагает?

Едва Поликл повторил совет Ликона, как вперед вышли двенадцать или четырнадцать молодых людей, готовых к требуемой службе. Вскоре после этого они разделились на три группы, первая

из которых, вооружившись мешком чианского вина и в сопровождении нескольких рабов, отправилась к месту пожара.

“Мой дом - твой, - сказал Поликл Ликону, - приходи сюда, когда спасать будет уже нечего. Тебе понадобится отдых и сном, если ночь будет тихой.

Прежде чем Ликон, сопровождаемый Конопсом, снова сел в лодку, он с помощью нескольких горожан зажег большую кучу дров на краю разлива, чтобы суда могли быть снабжены факелами всякий раз, когда они будут доставлять на берег что-либо спасенное. Затем между капитанами лодок было заключено соглашение о разделении работы. По полдюжины судов было размещено на каждой улице, по пять с каждой стороны. Остальные должны были помогать там, где помощь была наиболее необходима, и, поскольку во многих случаях оказывались необходимыми лестницы, ими было обеспечено большинство лодок.

Когда все было устроено таким образом, спасательные работы продвигались быстрее, чем ожидал Ликон, и когда, наконец, никто не позвал на помощь, двадцать лодок спасли владельцев более чем двадцати домов, не считая большого количества рабов.

Ликон в сопровождении Конопса поспешил обратно в дом Поликла. Виноторговец вышел ему навстречу с озабоченным лицом и сказал, что Симонидис опасно болен. Холод и испуг, которые он пережил, были для него слишком суровым испытанием.

Когда Ликон вошел в деревянный сарай, где жили Симонид и его дочь, его первый взгляд был направлен на больного. Глаза последнего были открыты, но неподвижно смотрели в пустоту, а его худые руки судорожно шарили взад-вперед по покрывалу. Ликон хотел подойти, но Поликл удержал его.

На противоположной стороне дивана сидел маленький человечек серьезной и исполненной достоинства осанки, одетый в белый халат. Ликон сразу понял, что это врач; время от времени он брал больного за руку, чтобы судить о его состоянии по пульсу, а на маленьком столике рядом с ним лежал его мешочек с лекарствами и инструментами, используемыми в его профессии. В ногах кровати стоял надсмотрщик Карион, сложив руки и не сводя глаз со своего страдающего хозяина.

Приготовления, наспех сделанные для удобства последнего, свидетельствовали о том, что семья была богатой. Милезийские ковры были развешаны полукругом вокруг кушетки, чтобы не пропускать ни малейшего дуновения воздуха, а под ножками из слоновой кости были расстелены вавилонские ткани, чтобы каменный пол не холодил.

Судороги в руках больного постепенно прекратились. Врач тихо поднялся и подошел к Поликсу.

“Симонидес лучше”, - сказал он. “Но если вам нужно обсудить с ним что-то важное, не откладывайте. Его голос скоро станет хриплым и неразборчивым”.

- Вы думаете, его смерть близка?

- Если на то будет воля богов, он может прожить день или больше, но он никогда не поднимется с этой постели.

Вскоре после этого беспокойные движения рук пациентки прекратились, и они слабо упали на покрывало. С трудом подняв голову, он огляделся вокруг.

- Где Миртейл? - был его первый вопрос.

“Она готовит отвар, который прописал доктор”, - ответил виноторговец.

- А Ликон? - спросил я.

- Сюда, - сказала Поликл, жестом приглашая Ликона подойти к кровати.

“Правда ли, - спросил Симонид, - что вы спасли граждан на затопленных улицах, помимо многочисленных рабов?”

- Не только моя лодка, все мелкие суда.

“Это одно и то же, - сказал Симонидес со слабой улыбкой. - тебя сейчас и в будущем будут считать одним из благодетелей города, своего рода полубогом, а поскольку полубогу не подобает быть рабом, я дарю тебе свободу. Поликлес, который знает все, что касается тебя, добавил необходимое дополнение к моему последнему завещанию, которое он и врач подписали как свидетели.

Ликон опустился на колени рядом с ложем, сжал руку Симонидеса и покрыл ее поцелуями. “Я благодарю тебя, ” запинаясь, пробормотал он, переполненный эмоциями. “Ты исполнил мое самое заветное желание. Я получил свободу — и на этот раз я ее не крал”.

Вскоре после этого занавеска на двери отодвинулась, и вошла Миртале в сопровождении старой экономки. В руках она держала стеклянную чашку и, казалось, смотрела только на своего больного отца. Лекарь влил несколько капель из маленькой склянки в дымящееся зелье, и Симонидес отпил несколько глотков. “Как это оживляет меня!” - сказал он, пока Миртале поправляла вышитые подушки под его головой и плечами. “Это те лампы, которые так светят? Такое впечатление, что я увидел солнце посреди ночи”.

- Тебе лучше, старый друг? - спросил Поликл.

В маленьких карих глазах Симонидеса блеснул отблеск его прежнего веселья.

“ Вон тот парень, ” прошептал он, указывая на врача, “ дал мне слишком много капель. Он не вылечил меня, но напоил.

Затем, неожиданно резким движением, он схватил Миртейл за руку. Его рот и подбородок выступали так, что он был почти неузнаваем, и трупный оттенок покрыл его лицо так быстро, как будто невидимая рука нанесла его, легко проведя по нему.

“ Он умирает! он умирает! - воскликнула Миртала и, страстно рыдая, бросилась на грудь отцу.

Х.

Содержание

Большой глиняный кувшин, наполненный водой, поставленный у двери жилища Поликса, возвещал на следующее утро всем проходящим мимо, что особняк стал домом траура. Пока рабыни благовонили и одевали покойника, Поликл беседовала с Мирталией о последней воле Симонида.

У Мирталы не было брата, но она была так называемой дочерью-наследницей.^W Поскольку не было родственника, за которого она могла бы выйти замуж и наделить своим состоянием, Симонид завещал все свое имущество, составляющее двадцать талантов, своему другу Поликлу с условием, что он женится на Миртале. Если Поликлес не желал этого делать, он должен был унаследовать только два таланта, а затем использовать свой здравый смысл при выборе мужа для молодой девушки, которая в таком случае должна была оставить все остальное состояние себе в качестве приданого.

^{WB} Афинах дочери наследовали только при отсутствии наследников мужского пола.

Хотя Миртале была поглощена своим горем, она чувствовала важность мероприятий, которые решат ее судьбу. Поэтому для нее было большим облегчением, когда Поликл сказал, что он слишком стар, чтобы взять молодую жену, и, более того, во сне его предостерегали от повторной женитьбы. Однажды ночью во сне он увидел свой дом, украшенный гирляндами, как будто для свадьбы; но когда он вел невесту домой, зеленый венок исчез, а на его месте над дверью висел кувшин для масла, перевязанный голубой лентой, как будто для подношения на могиле. Толкователь снов, к которому они обратились, сказал, что если Поликл женится, он умрет в день своей свадьбы.

Затем Поликл попросил молодую девушку считать его вторым отцом и добавил, что он не будет действовать против ее желания при выборе жениха.

В течение дня ощущался еще один толчок землетрясения, и хотя оно не причинило никакого ущерба, за исключением появившихся трещин в древних стенах города, оно вызвало всеобщий ужас. Некоторые бежали на рыночную площадь, а другие, опасаясь нового наводнения, на ближайшие высоты. Однако этот страх оказался беспочвенным. Напротив, вода на затопленных улицах начала убывать так быстро, что лодкам пришлось спешно следовать за ней, и к полудню они снова стояли на своем обычном месте, пришвартованные к известняковой набережной, хотя эта набережная уже не возвышалась так высоко над поверхностью прилива, и весь старый берег с его галькой, морскими водорослями и ракушками мидий оставался под волнами.

Похороны Симонида прошли так, как подобало богатой семье. Труп, увенчанный миртом и покоящийся на вышитых подушках, был выставлен на ложе, где его в течение дня видела толпа горожан, старых и молодых, богатых и бедных, некоторые из последних были одеты в серую или черную одежду, с коротко подстриженными волосами, свидетельствующими этим траурным одеянием о дальнем родстве.

В день похорон сотни людей собрались у дома, и еще до восхода солнца похоронная процессия тронулась в путь под заунывные звуки карийских флейт, чередующихся с хором мужских голосов. За этим хором последовали друзья и знакомые покойного, насчитывавшие более половины жителей этого места. Затем появились носилки, ложе из слоновой кости, которое несли друзья и вольноотпущенники, среди них Ликон, на которого многие указывали руками и

многие уста упоминали как “хранителя города, сообразительного афинянина”. На ложе из слоновой кости лежал мертвец, одетый в белое и увешанный таким количеством венков и синех-красных лент для жертвоприношений, что великолепный пурпурный ковер, в который он был завернут, едва был виден. Рядом с носилками шли рабы, неся кувшины с маслом, коробочки с мазью и другие предметы, относящиеся к погребальным обрядам. Затем пришли несколько пожилых родственников, потому что Миртале была слишком молода, чтобы последовать за трупом. Процессию замыкали несколько служителей жертвоприношения в коротких разноцветных накидках и легких полусапожках, которые несли на головах маленькие столики для жертвоприношений, накрытые подношениями того же вида, что и те, что рабы несли рядом с носилками.

В самом дальнем конце сада Поликса похоронный corteж остановился на возвышенности, откуда открывался вид на город, гавань, залив и местность за ним. Это всегда было любимым местом Симонида, и он часто выражал желание упокоиться здесь.

У подножия холма был виден огромный погребальный костер, груда бревен, наполненных горючими материалами. После того как его украсили принесенными кувшинами, вазами и блюдами и подняли на него носилки, его осветили факелами. Под рыдания и вопли зрителей пламя взметнулось высоко в воздух, и в одно мгновение дым и красное пламя окутали носилки, скрыв их от посторонних глаз. Много кувшинов с маслом, много коробочек с мазью было брошено в огонь в качестве последнего знака любви, и, когда снова появилась возможность увидеть погребальный костер, носилки превратились в темную бесформенную массу, из которой поднимался столб черного дыма.

Большая часть процессии вернулась в дом Поликла и там, в качестве гостей покойного, приняла участие в праздничном банкете. Некоторые из них, в том числе Ликон, оставались до тех пор, пока пепел не был собран, а кости преданы земле.

Через три дня после первого и через девять дней после второго приношение умершему было принесено в могилу. Примерно через неделю на нем была воздвигнута мраморная колонна, увенчанная капителью из разноцветных листьев аканта. На тридцатый день после погребальных обрядов Миртале обвила мемориальную колонну синими и красными лентами для жертвоприношений, с которых свисали маленькие кувшинчики с маслом, после чего вылила молоко, мед, родниковую воду и смешанное вино на землю в качестве жертвоприношения тени богача, тщательно следя за тем, чтобы выбросить каждый из использованных ею сосудов через плечо, чтобы они не разбились, поскольку ни один из предметов, использовавшихся при похоронном обряде, не мог быть использован живыми.

Этим подношением закончилось время траура.

XI.

Содержание

Несколько дней спустя Поликл и Миртала посетили загородный дом Симонида, чтобы присмотреть за виноградником, плоды которого, по мнению Поликла, были лучшими в Фессалии. Когда они вернулись домой в сопровождении рабыни и мужчины, приближался вечер. Солнце опускалось за холмы, и атмосфера окрасилась оранжевыми и малиновыми

оттенками. Дорога, по которой они ехали, была отмечена лишь несколькими глубокими следами колес в траве; справа виднелась рощица корявых оливковых деревьев, чья листва, как обычно, отражала цвет неба, так что сейчас, в лучах заката, они казались покрытыми золотистой вуалью; слева между живыми изгородями из цветущего лавра протекал ручей. С лугов поднимался легкий туман, и весь воздух был наполнен пряным ароматом цветов. Время от времени из кустов доносилось слабое щебетание; иногда пчела, явно сбитая с толку и сонная, с жужжанием взлетала с травы у их ног, и сквозь глубокую тишину местности вдалеке доносился собачий лай.

В умиротворенности этого вечера было что-то такое, что располагало к дружеской беседе. Поликл взяла Миртейл за руку.

“ Дорогое дитя, ” сказал он. - Пора подумать о своих делах.

- Что вы имеете в виду под “Полициклами”?

- Мне интересно, нет ли среди городской молодежи, которую вы, должно быть, видели в праздничные дни, того, кого вы хотели бы видеть в мужа.

Миртейл слегка покраснела, но покачала головой.

“ Вот Теаген, сын Стратона, красильщика. Правда, он довольно полноват для молодого человека, но он умен, хорошо говорит и имеет состояние, по крайней мере, такое же большое, как ваше собственное.

Миртала ничего не ответила, но ударила кисточкой, прикрепленной к краю ее верхней одежды, по головке одуванчика, растущего на обочине дороги, так что его белый пушок разлетелся во все стороны.

Polycles поняла, что предполагаемый жених был исключен из списка.

“ Вот Эвмолп, сын Сокла, плетущего веревки! - продолжал он. “ Он стройный, хорошо сложенный и красивый. Правда, он находится в близких отношениях с гетерой, но после женитьбы....”

Миртале ничего не ответила словами, но кисточка пришла в движение с тем же результатом, что и раньше.

“ Есть еще, ” добавил Поликл, “ юный Никий, сын твоего соседа. Я не отрицаю, что со времени своего визита в Афины он стал настоящим денди, но...”

Это было уже слишком для Миртале; она забыла о сдержанности, требуемой от молодой девушки, и гневно воскликнула:

- Хлыщ! - воскликнул я.

- Но неужели там никого нет?

Миртале молча опустила глаза; затем, чтобы переменить разговор, сказала:

“ Как поживает дом на улице Бейкеров? Он сильно пострадал от наводнения и землетрясения?

- Только одна из колонн в перистиле была перекручена, но повреждения устранены, и что касается вашего дома, вы можете сыграть свадьбу там в любой день.

По мере того как они приближались к городу, Миртале становилась все более и более задумчивой. Внезапно она вздохнула, высвободила руку из объятий своего спутника и заметила:

“ Жаль, что Ликон раб! - воскликнул я. Затем, словно испугавшись, что сказала слишком много, она поспешила добавить: “Ты тоже так думаешь?”

Поликл пристально посмотрел на нее и, несмотря на вечерние сумерки, заметил, что ее щеки покраснелись.

“Ты ошибаешься, дитя”, - ответил он. “Ликон не раб. Твой отец освободил его в день его смерти”.

- И я ничего не знал об этом?

- Ты стояла у очага, готовя отвар, который прописал лекарь.

- Мой дорогой отец! - воскликнула глубоко тронутая Миртала, целуя пальцы так, словно увидела перед собой живого покойника.

“ Но это еще не все решает, ” серьезно сказал Поликл. “ В Афинах Ликон - фальшивый гражданин и подлежит наказанию по закону. Там его сделали бы рабом”.

Миртейл вздрогнула.

- Сделай для него все, что сможешь, - поспешно сказала она, сжимая руку Поликса обеими руками.

“Это нелегкое дело”, - ответил Поликл, находивший тайное удовлетворение в том, что его уговаривали сделать то, что он сам намеревался. - Говорю тебе, это нелегко.

- Ты можешь освободить его, если пожелаешь. Вспомни, что он сделал для города. Кроме того, разве он не спас жизнь моему отцу и мне?

- Я подумаю об этом, - сказал Поликл.

“Нет, нет, ты должен пообещать мне!” - воскликнула Миртала. “Спаси его от наказания закона, и я буду тебе дочерью!” И, приподнявшись на цыпочки, она обвила руками шею Поликла и поцеловала его в щеку.

Поликл почувствовал мягкое прикосновение юной фигуры Мирталы и, простившись с ней у дверей женской комнаты в своем доме, замер, погруженный в свои мысли.

“Клянусь Афродитой! - воскликнул он. - Девушка обворожительна, а я не так уж стар...”

Но в тот же миг он увидел, как во сне, банку с маслом, подвешенную на голубой ленте над дверью его дома. Он прижал руки к глазам и, войдя в свою одинокую спальню, сказал со вздохом:

- Поликл, ты еще больший простак, чем я предполагал.

XII.

Содержание

На следующее утро глашатаи призвали граждан на народное собрание, и вскоре после этого улицы заполнились молодыми и старыми, богатыми и бедными, которые среди шума, визга и смеха устремились к театру, месту, где обычно проводились народные собрания в небольших городах.

Фессалия, известная своей прекрасной речной долиной, прекрасными лошадьми и могущественными колдуньями, находилась в то время под единоличным правлением Александра Ферайского — человека, который обращался со своими подданными так жестоко, что приказал одних похоронить заживо, а других одеть в медвежьи шкуры и растерзать собаками. Как и все тираны, он жил в постоянном страхе. Он так мало верил в своего телохранителя, что приказал сторожить себя собаке; он провел ночь на верхнем чердаке своего величественного дворца, чтобы иметь возможность втащить за собой лестницу. Семья, к которой он принадлежал, прошла путь от тагоев, вождей, избираемых народом, до государей, и он сам, как и его предшественник, проложил свой путь к власти убийством.

Но при всей тяжести ига Александра, лежавшего на городе Феры, оно сравнительно мало ощущалось в Метоне, хотя последняя находилась едва ли в дне пути отсюда. Когда маленький город отправлял свою норму мужчин в армию и платил налоги, граждане имели полную свободу заниматься своими делами, в то время как потомки коренных жителей страны, пенесты, в качестве рабов, выполняли все полевые работы и тяжелую работу в поле. Тот, кто не знал лучше, мог бы легко поверить, что Метона - свободное государство.

По пути к месту сбора мотоциклисты следовали по наименее посещаемым улицам. Внезапно он сделал знак сопровождавшим его рабам держаться подальше и, положив руку на плечо Ликона, сказал ему:

“Друг мой, мне нужно обсудить с тобой сегодня важные вопросы! Ты знаешь, что Симонид в своем последнем завещании оставил мне свое состояние и свою дочь. Но поскольку я слишком стар, чтобы жениться на молодой жене, я хочу спросить, готовы ли вы взять девушку с приданым в восемнадцать талантов?

Ликон остановился, но не произнес ни слова в ответ. Если бы грубая статуя Посейдона перед храмом бога внезапно спустилась со своего пьедестала и подошла к нему, он не мог бы больше терять дар речи от недоумения.

“Чтобы это могло быть сделано, ” Поликл продолжал улыбаться, “ я усыновлю тебя как сына и сделаю своим наследником. Правда, я предпочла бы жениха, равного девушке по происхождению, но поскольку она, кажется, склоняется к тебе, я подчинюсь ее желанию.

Ликон глубоко вздохнул и несколько раз провел своей огромной рукой по лицу.

“Я благодарю тебя, Поликл, - сказал он наконец, “ я благодарю тебя от всего сердца! Но как же это будет? Я вольноотпущенник, это правда; но вы забываете...”

“Я ничего не забываю”, - ответил Поликл. “Но ты должен знать одну вещь — граждане должны услышать всю историю... твоё состояние раба, твой грех и наказание, отметину которого ты носишь. В таком маленьком местечке, как Мефон, ничего нельзя скрыть, поэтому лучше признаться во всем самому, чем позволить другим обнаружить это. Кроме того, вопросы, касающиеся наследования, брака и других родственных дел, часто обсуждаются на наших народных собраниях. Здесь, где все граждане знают друг друга, не делается различия между государственным и частным бизнесом”.

Перед театром городская полиция деловито подгоняла группы сплетничающих и смеющихся граждан, угрожая пометить их веревками, покрытыми красной краской. Эти веревки оставляли уродливые пятна на мантиях, и поэтому люди старались избегать их.

Но самая большая толпа за пределами театра не была потревожена полицией. Она состояла из рабов, ожидавших закрытия собрания, чтобы сопровождать своих хозяев на рынок, в бани или гимнастический зал. Эти рабы были не менее веселы, чем горожане. Их внимание было специально приковано к плоским крышам ближайших домов, где группа молодых девушек-рабынь деловито раскладывала на солнце коврики и подушки, чтобы получить возможность увидеть толпы мужчин и быть замеченными ими. Знаками, не всегда самыми пристойными, иногда обменивались площадь перед театром и крыши.

На входе регистратор воспротивился пропуску Ликона, но Поликл похлопал его по плечу, сказав: “Если этот человек не гражданин Мефоны, он скоро им станет. Пусть он войдет”.

Интерьер театра представлял собой глубокое полукруглое углубление, окруженное наклонной сверху земляной насыпью, уставленное каменными скамьями и поддерживаемое толстой окружающей стеной. Примерно в центре зала, между возвышающимися по кругу сиденьями, стоял алтарь, где в тот момент, когда вошли Поликл и Ликон, священник в длинном белом одеянии, с гирляндой на волосах совершал обычное жертвоприношение очищения. Когда эта короткая церемония закончилась, главный судья занял свое место, и последовала борьба, наполовину шутивная, наполовину серьезная, за то, чтобы все заняли места в первом ряду, где они могли лучше слышать.

Главный судья открыл собрание рассказом о несчастьях, которые недавно обрушились на это место. Когда он говорил об эффективной службе, оказанной лодками во время наводнения, из толпы поднялся кузнец и низким голосом крикнул:

Давайте не будем забывать храброго афинянина Ликона. Если бы не он, многие из нас погибли бы. Это он спас нас, первым сняв лодки с якоря”.

“Да, да, кузнец прав!” - откликнулось множество голосов с серьезностью, свидетельствовавшей о том, что говорившие сами были в числе спасенных.

О погибших и пропавших без вести не было сказано ни единого слова в память. В те дни человеческая жизнь не имела особой ценности. С другой стороны, магистрат не забыл упомянуть, что землям города был нанесен очень незначительный ущерб, почти все они находились слишком высоко, чтобы до них могло добраться наводнение. Толчки землетрясения привели к тому, что во многих местах забились теплые источники, которые, возможно, обладали целебной силой, и в этом случае они могли бы стать источником огромного богатства для города и, возможно, сделать его таким же посещаемым, как Эдепс на Эвбе.

Поскольку ходили преувеличенные слухи о нанесенном городу ущербе, это сообщение было воспринято с радостью, и собрание пребывало в наилучшем расположении духа, когда высокий худощавый мужчина со впалыми щеками и длинной бородой выступил вперед со словами:

“Я сторонник простых, бережливых обычаев наших предков”.

“Вот почему ты ходишь оборванный и босой”, - прокричал молодой голос из ближайшего прохода между сиденьями.

Говоривший был немного сбит с толку, но тут же взял себя в руки.

“Я не одобряю новый обычай присваивать любому, кто оказывает этому месту пустяковую услугу, громкий титул благотворителя города и осыпать его наградами и знаками отличия. Если мы будем продолжать в том же духе, скоро благодетелей станет столько же, сколько граждан; один за другим их не только освобождают от уплаты налогов, но и вдобавок дарят деньги, в то время как действительно полезные граждане, наставники молодежи и народ...”

“Кто это говорит?” - спросил седобородый старик в первом ряду кресел, прижимая руку к уху, чтобы расслышать ответ:

“Это оратор, Филопатор”, - ответил собеседник, сделав пренебрежительное ударение на слове “оратор”.

“Его еще называют человеком с горчичным лицом”, - добавил другой.

Поскольку эти объяснения были даны глухому человеку, Филопатор не мог не услышать их. Поняв, что поток чувств направлен против него, он продолжил быстрее с видимой нерешительностью.

“Боги запрещают мне кому-либо завидовать. Никто не может испытывать более глубокого почтения к действительным заслугам, по-настоящему великим деяниям, подвигам, по-настоящему благородным. Но, друзья мои, есть ли что-то великое в спасении нескольких человек в лодке? Для этого не требуется ни проницательности мудреца, ни мужества воина, ни самопожертвования. Это то, что может сделать любой человек, как невежественный, так и опытный”.

“Тогда ты должен был это сделать, Филопатор”, - раздался низкий голос кузнеца, и поскольку во внешности Филопатора было что-то такое, что свидетельствовало о том, что он никогда не держал в руках весла, его вмешательство вызвало неумеренный смех.

Филопатор вытер пот со лба.

“Я никогда не хвастался мастерством морехода”, - ответил он.

Эти слова были встречены новой вспышкой веселья.

- Вы достаточно наговорили! - раздался чей-то голос.

- Мы знаем, что вы хотите сказать! - крикнул второй.

- Вернитесь на свое место! - добавил третий.

Затем, поскольку незадачливый оратор все еще продолжал стоять, поднялся ужасный шум, и в то же время оглушительные крики, подобно порыву ветра или внезапной буре, пронесли над собранием.

Несчастный Филопатор, на которого орали сотни глоток, пришел в неистовство. Он смертельно побледнел, рвал на себе волосы и бегал взад и вперед по ровному месту, словно лишившись рассудка. Поскольку его голос был бы потерян среди криков, он смиренно опустил на колени и протянул руки к скамьям, с которых доносились самые яростные крики. Наконец буря утихла, и глубокий голос кузнеца произнес:

- Возвращайся на свое место, Филопатор, это самое лучшее, что можно сделать.

Оратор последовал доброму совету и, дрожа с головы до ног, прокрался обратно на свое место, где съехался, стараясь казаться как можно меньше.

Поликл сделал Ликону знак сесть позади бемы, где он был скрыт от всех; затем он сам выступил вперед, внешне такой же спокойный, как тогда, когда ходил среди гостей перед своим домом.

“Сограждане, - сказал он, - я не профессиональный оратор, как вон тот Филопатор, но, возможно, вы выслушаете меня, поскольку я хочу рассказать вам о человеке, который пришел к нам в недоброе время и который за несколько дней стал дорог всему городу”.

- Говорите, говорите! - закричали многочисленные голоса.

О нем можно рассказать много плохого и много хорошего. Я начну со зла.... Вы думаете, что Ликон афинянин — это не так. Ты думаешь, что Ликон гражданин — он тоже таковым не является. Он вольноотпущенник, который чуть больше месяца назад был рабом.

За этим заявлением последовало такое глубокое молчание, что никто бы не поверил, что находится в том же месте и среди тех же людей, которые незадолго до этого кричали на Филопатора. Среди затаившей дыхание толпы окружающая обстановка внезапно показалась откровением из другого мира. Было слышно, как ветер вздыхает в верхушках деревьев, а ласточки щебечут в воздухе. Многие на задних сиденьях встали и зажали руками уши, чтобы не упустить ни единого слова.

Поликл не пощадил Ликона, но рассказал людям, что его покойный друг Симонид за несколько лет до этого купил молодого раба по имени Зенон, который, будучи заклеямен за воровство, бежал к алтарю Посейдона. Долгое время Зенон хорошо служил своему новому хозяину, но когда он увидел, как человек из Ипаты заплатил Симониду крупную сумму денег, он убежал с ней ночью.

По собранию пробежало движение, один человек что-то пробормотал другому. Полициклы предвидели новую бурю.

“Друзья и сограждане, ” сказал он шутливым тоном, “ мы знаем друг друга, поэтому я не буду просить вас молчать. Напротив, я буду умолять вас болтать и орать сколько душе угодно, чтобы все поскорее закончилось”.

Кое-кто из мужчин рассмеялся, но большинство уже были слишком разгневаны, чтобы позволить себе смягчиться шуткой.

“Заклейменный раб!” - кричали некоторые.

- И нам было позволено оказать ему честь!

-Почему нам никто не сказал?

“Давайте выгоним этого Зенона из города!”

“Мы побьем его камнями!”

“Поистине прекрасный благодетель в добавление к остальным благодетелям города!” - воскликнул Филопатор. Но те, кто сидел ближе всех, схватили его за мантию и силой усадили обратно на место. Пока он делал дикие жесты руками и принимал вид глубоко раненого человека, кузнец повернулся к нему.

-Филопатор!

Он просто произнес имя этого человека, но точно таким же тоном, как если бы тот был собакой. Филопатор ничего не ответил, но сжался в своем углу настолько, насколько это было возможно.

При виде этой покорности, которая могла быть объяснена только глубоким уважением к мускулистым кулакам кузнеца, шумное веселье пробежало по собранию.

Продолжение полициклов:

“Теперь я расскажу о хороших качествах Ликона”, - и он рассказал, насколько последний пользовался уважением как гражданин и популярностью у всех в Афинах. “У нас, метонийцев, - добавил он, - есть основания гордиться тем, что ничтожный раб из этого города был признан достойным общения с ведущими людьми Афин, так что его ежедневно видели под руку с богатым Тимофеем, сыном Конона”.

Поликл знал своих сограждан, метонийцев. Если что-то и могло польстить их гордости, так это то, что один из них, да еще бедный раб в придачу, завоевал расположение и привязанность в Афинах.

“Даже если человек когда-то взял то, что принадлежало другим, - заметил один дружелюбный философ, - в нем может быть что-то хорошее”.

“Да, Ликон действительно хороший человек”, - ответил Поликл и теперь рассказал, как последний, живший в Афинах в достатке, как только услышал о болезни Симонида и небрежном отношении рабов, продал все, что у него было, и приехал в Метону, чтобы навести порядок в доме и получить прощение своего хозяина.

“Это был благородный поступок! Да, клянусь Зевсом, благородный поступок!” - закричало множество голосов.

Затем Поликл заговорил о потопе и, по наитию, описал, как повел бы себя Филопатор, который думал, что так легко спасти несколько человек в лодке. При виде гигантской волны, которая накатила, угрожая все смести, он, несомненно, был бы смущен не меньше, чем при виде бури, которая недавно обрушилась на него в собрании. Он бы со всех ног бросился бежать по улице, но был бы настигнут водой и встретил свою смерть вместе с людьми в лодках. Но как повел себя Ликон? Вместо того чтобы спастись бегством от наводнения, он прыгнул в ближайшую лодку и,

вместо того чтобы думать только о себе, посреди опасности вспомнил о других и предупредил людей в остальных лодках. “Если бы не Ликон, ” сказал Поликл, повышая голос, “ погибли бы не только тридцать человек в лодках, но и множество свободных граждан, а также рабов, погибли бы на затопленных улицах. Ибо в тот злополучный день Ликон, имея, возможно, с десятка лодок, спас примерно из двадцати затопленных домов восемьдесят горожан, мужчин, женщин и детей, не считая более двухсот семидесяти рабов. Так велико число тех, кто обязан Ликону своей жизнью”.

Поднялся оглушительный шум радости, буря аплодисментов, и прошло много времени, прежде чем снова зазвучали Полициклы.

“Поэтому я думаю, — добавил он, — что Ликон имеет некоторое право - даже если Филопатор этого не считает - заслужить звание благодетеля города”.

Как раз в этот момент голос с одного из задних сидений крикнул: “Где Ликон? Мы хотим его видеть”.

Крик был мгновенно подхвачен всеми, и по всему театру эхом разнесся призыв: “Где Ликон?”

“Мне кажется, - сказал Поликл, улыбаясь, - что те самые люди, которые совсем недавно хотели изгнать Ликона из города и побить его камнями, теперь кричат громче всех”.

Эти слова вызвали бурное веселье. Достойные метонианцы сами не могли удержаться от смеха над легкостью, с которой они переходили от одной крайности к другой.

“Поскольку я знал, что ты захочешь увидеть Ликона, - добавил Поликл, - я, с разрешения главного магистрата, привел его с собой”. Он поманил Ликона, и тот, бледный от волнения, но внешне спокойный, вышел вперед перед стеной человеческих лиц, образованной возвышающимися перед ним сиденьями.

При виде открытого, добродушного лица и мощной фигуры Ликона поднялась новая и продолжительная буря аплодисментов.

“Дорогие друзья и сограждане, ” снова начал Поликл, - я предложу вам вознаградить этого человека способом, который не повлечет за собой больших расходов для города и все же, возможно, наилучшим образом соответствовал бы его собственным желаниям. Симонид, как вы знаете, завещал мне свое состояние вместе со своей дочерью. Но поскольку я слишком стар, чтобы взять молодую жену, а девушка равнодушна к Ликону, я подумал о том, чтобы выдать ее за него замуж, в результате чего он вступит во владение большей частью ее имущества. Но для этого вы должны сделать его гражданином; тогда я усыновлю его как сына и назову своим наследником, чтобы он мог стать достойным женихом. Но чтобы никто в будущем не насмеялся над Ликоном из-за того, что он был заклеянным рабом, я предлагаю вам в качестве общественной награды освободить его от налогов и бесплатно содержать в Пританиуме.

“Наконец, пусть в храме Посейдона будет повешена табличка с изображением подвига Ликона во время потопа и кратким отчетом о его жизни, в котором должно быть указано, что он был заклеянным рабом. Грядущие поколения могли бы тогда прочитать там, что город Мефона выполнил свой долг даже по отношению к самому незначительному человеку. Это, дорогие сограждане, мое предложение относительно Ликона. Если у кого-то есть план получше, я с радостью напомню о нем”.

Поднялся канатоходец Соклз. Это был невысокий, полный мужчина с большими выпуклыми глазами и широко приоткрытым ртом, придававшим ему чрезвычайно глупый вид.

“Я не могу голосовать ни за какую награду этому Ликону”, - сказал он.

- Почему бы и нет?

“Потому что, клянусь Зевсом, он кажется мне одним из самых глупых людей!... Если он так весело и довольный жил в Афинах, как говорят, почему он там не остался? Чего ему здесь от нас нужно?”

Ликон рассмеялся и спросил:

- Уроженец какого города этот человек?

“Из Хероней”.

“Ага!” — воскликнул Ликон, смеясь. - “Я думал, человек, который упрекнул меня в моем возвращении в Метону, единственном добром поступке, который я когда-либо совершил, должно быть, беотиец!”

Цоколь не знал, что ответить, и, увидев, что он стоит с широко открытым ртом, воплощение беотийской глупости, все собрание разразилось хохотом, таким презрительным, шумным, оглушительным в своем веселье, что казалось, будто смеется каждый камень в театре.

Цоколь на мгновение замер, словно парализованный недоумением. Затем, завернувшись в мантию, он с пунцовым лицом направился к ближайшему входу, пробираясь сквозь толпу, перешагивая через свободные места на каменных скамьях и протискиваясь сквозь группы в проходах. Это было сделано так быстро, что казалось, будто маленького толстяка сдуло над сиденьями от безудержного смеха толпы.

“Ну и ну, как он прыгает!” - закричал кузнец, дрожа от ликования и громко хлопая себя по бедру.

- Ликон превратил Цоколя в оленя! - крикнул второй голос.

“Он прыгает, как диск, за меткой!” - добавил третий.

Когда тишина была частично восстановлена, главный судья поставил предложение Поликла на голосование. Все подняли руки, кроме Филопатора. Но когда кузнец, который все еще не спускал с него глаз, громко откашлялся и искоса посмотрел на него, рука Филопатора тоже поднялась, хотя и медленно и неохотно.

Главный судья, седовласый старик почтенного вида, обнял Ликона в присутствии всего собрания и сказал ему таким громким и отчетливым тоном, что среди глубокой тишины это было слышно на самых отдаленных местах:

“Теперь ты гражданин Метоны и гость Пританиума. Желаю тебе счастья и процветания”.

XIII.

Содержание

На следующий день Поликл отправил с надежным посыльным письмо судовладельцу в Афинах, который был демархом округа Ликон. Виноторговец знал его, потому что последний не раз навещал Метону на своем корабле. Через десять дней после этого пришел ответ, в котором говорилось, что, если Ликон заплатит штраф в размере десяти мин, его имя будет вычеркнуто из списка граждан, тем самым избежав какого-либо судебного преследования.

Услышав это сообщение, Ликон глубоко вздохнул, как человек, который добрался до суши после долгой борьбы за свою жизнь среди волн.

“Хвала богам!” - воскликнул он. “Теперь, впервые, я могу использовать свою свободу как вещь, которая принадлежит мне и которую ни один мужчина не имеет права отнять”.

Миртала обняла Поликл и сказала со своей самой лучезарной улыбкой:

“Так ты тоже благодетель! Разве не ты спас освободителя города от рабства в незнакомом месте?”

Через несколько дней после этого Ликон в сопровождении Конопса совершил экскурсию в соседний город Ормениум, место, где он был рабом до того, как сбежал к алтарю Посейдона в Метоне. В Ормениуме он навестил своего бывшего хозяина, врача, и долгое время оставался с ним. При его отъезде врач сопровождал его часть пути до Метоны, и, когда они прощались друг с другом, он спросил Ликона, серьезен ли тот в своей просьбе. Когда Ликон ответил утвердительно, доктор рассмеялся и покачал головой, как будто это было что-то очень необычное. “Тогда возьми это”, - сказал он, протягивая ему что-то завернутое в ткань, которое Ликон тщательно спрятал в складках своей мантии.

После того как Ликон был избран гражданином Метоны, он переехал жить в дом на улице Пекарей. Большая часть мебели была испорчена наводнением, поэтому с помощью няни Миртале он был вынужден снабдить женскую квартиру многими вещами, прежде чем можно было принять невесту и создать новый дом.

Однажды, ранним утром, старый особняк был украшен гирляндами, и особенно дверь была украшена гирляндами цветов, украшенными кисточками цветов. Дом Поликса, нынешний дом невесты, был украшен таким же образом.

Едва сгустилась тьма, как за дверью последнего жилища послышался стук колес и гул множества голосов. Сопровождаемая многочисленной свитой, колесница, запряженная белыми мулами, остановилась перед дверью, готовая отвезти невесту домой. Ликон и выбранный им жених Поликл вошли в дом и приняли из рук пожилой родственницы невесту в плотной вуали, чтобы проводить ее к колеснице, где каждый занял место рядом с закутанной фигурой.

Были зажжены свадебные факелы, и процессия тронулась. Языки пламени отбрасывали красные отблески на великолепные праздничные одежды; звучали флейты, и церковные гимны далеко разносились в тишине вечера.

Все жители собрались у дверей своих домов, и в сумрачных вестибюлях показались головы рабов мужского и женского пола. Все проходившие останавливались и приветствовали процессию словами: “Счастья и процветания!”

“Как здесь спокойно и красиво”, - прошептал Ликон своей невесте. “В Афинах, напротив, в такой вечер шума и суеты больше, чем обычно. Каждую свадебную процессию окружают нищие, несущие в руках ручных ворон”.

- Вороны? - удивленно переспросила Миртейл.

“Это действительно так”, - ответил Ликон, улыбаясь. “У афинян ворон - птица, священная для невест, и когда нищий несет ее в руке, никто не может запретить ему последовать за процессией в дом, спеть древнюю вульгарную воронью песню, а затем чувствовать себя как дома”.

Вернувшись домой, молодожены, согласно обычаю, были осыпаны градом маленьких пирожных, инжира, сушеного винограда и мелких монет — символов ожидаемого процветания.

Праздничный зал был освещен треногами с многочисленными лампами; с одной стороны стояли столы для мужчин, с другой - для женщин. Среди гостей были старый главный судья, председательствовавший на народном собрании, горожане, которые были в самых близких отношениях с Симонидом, и несколько родственниц невесты. Молодые рабы в новых одеждах, с пурпурными повязками на волосах, расставляли между кушетками маленькие столики с любимыми блюдами.

Когда были съедены свадебные торты, была почти полночь. Старшая родственница повела молодую пару через перистиль в тихую спальню. За ними последовали все гости, и за закрытой дверью снова прозвучал свадебный гимн. Но когда ушел последний посетитель и привратник закрыл тяжелую дверь с шумом, который эхом разнесся по перистиллю, Ликон пожал Миртале руку, сказав:

“Этот звук мне дороже, чем ноты брачного гимна. Теперь мы одни; теперь ты у меня навсегда”.

Он привлек ее к себе, и его губы искали ее губ, но Миртале, выросшая в уединении девственной комнаты, никогда не была наедине ни с одним мужчиной и, густо покраснев, отвернула лицо.

Ликон взял глиняную лампу в форме ложа, на котором лежал спящий Эрос, и, указывая на маленького бога, сказал:

Любовь, наполняющая мою грудь, никогда не уснет, пока мои волосы не поседеют, а спина не согнется от старости. Было бы дурным предзнаменованием, если бы я позволила этой лампе гореть в нашу первую брачную ночь. Ни сейчас, ни в будущем он не будет сиять для нас”.

С этими словами он швырнул ее так, что она сломалась при падении и лежала вдребезги на кафельном полу.

В густой темноте, которая окружала их, он прижал Миртейл к своей груди. Его сердце билось так, как никогда раньше, и мрак, казалось, наполнился маленькими пляшущими огоньками, похожими на те, что горели в разбитой лампе. Вместе с ароматом волос Миртале ему показалось, что он вдыхает атмосферу теплой, пылкой юности, и в тишине, которой повелевает Эрос, его рот снова искал маленькие, свежие губы.

На этот раз Миртале не отвела лица.

XIV.

Содержание

Для счастливых время летит быстро; прежде чем они осознали это, прошел год.

Однажды каждая дверь в доме была украшена оливковой гирляндой — у ее владельца родился сын. Ликон сказал, что ребенка нужно воспитывать. Отец был волен разоблачить или даже убить его.

Акушерка несла младенца вокруг пылающего домашнего алтаря. Родители, родственники и даже рабы преподносили ему множество подарков, в основном платагаи, детские погремушки.

На большом жертвенном пиру на десятый день после рождения мальчика Ликон, к радости Мирталы, назвал ребенка Симонидом.

Ликон гордился расширением бизнеса своего покойного хозяина, но никогда не начинал ни одного крупного предприятия, не посоветовавшись с умными и опытными Поликлами. В день, когда последнему исполнилось шестьдесят лет, Ликон, к его великой радости, подарил ему виноградник, на котором, по его мнению, производилось лучшее вино в Фессалии.

Этот подарок обошелся Ликону дороже, чем Поликл когда-либо знал. Когда он впервые рассказал об этом Миртале, она горячо воспротивилась этому плану и высказала множество возражений.

“Polycles достаточно богат”, - сказала она.

- Но не слишком богат, чтобы этот подарок пришелся ему по вкусу.

“Долг мужчины - завещать то, что у него есть, своим детям”.

“Долг человека также состоит в том, чтобы выразить свою благодарность тому, кто оказал ему много добра и помог сделать его процветающим”.

- Значит, ты отдашь виноградник Поликсу?

- Я так и сделаю.

- Даже против моего желания?

- Ты забываешь, дорогая, что, если бы не Полициклы, у меня бы ничего не было.

Кровь прилила к щекам Миртейл, глаза ее вспыхнули.

“И ты забываешь, - сказала она, - что все, чем ты владеешь, принадлежит мне”.

Едва эти слова сорвались с ее губ, как она пожалела о них.

Ликон провел огромной рукой по лицу, поднялся и оставил ее.

Миртала прокралась за ним. Она увидела, как он пересек перистиль и вошел в маленькую комнату, где хранилась часть мебели. Через приоткрытую дверь она видела, как он открыл

коробку и достал оттуда что-то завернутое в ткань. Но когда она осторожно толкнула дверь, чтобы лучше видеть, ее тень упала на руку Ликона, и он обернулся.

- Что у тебя там? - спросила Миртейл, слегка смущенная тем, что ее обнаружили.

“То, что принадлежит мне, больше никому не принадлежит”.

Миртала поняла упрек. Ее глаза наполнились слезами, когда она опустилась к ногам Ликона и обхватила его колени.

- Прости меня, - смиренно прошептала она, - забудь мои злые слова.

“Забудь их - я не могу. Но я буду обращаться с тобой так, как будто ты никогда их не произносил”.

Миртала все еще стояла на коленях; Ликон поднял ее, и она прижалась губами к его плечу.

- Что у тебя там? - робко повторила она.

“Миротворец. Образ доброго духа”.

-Дай мне взглянуть.

“Нет”, - ответил Ликон, плотнее заворачивая ткань. “Если бы кто-нибудь другой взглянул на изображение, оно потеряло бы свою силу. Так что обещай мне, что ты никогда — ни сейчас, ни в будущем — не попросишь показать это”.

Миртала указала на ложе из слоновой кости, стоявшее в маленькой комнате; Ликон откинулся на него, а она села на краешек рядом с ним.

“Что плохого, если я, твоя жена, увижу это?” - умоляюще прошептала она, обнимая Ликона за шею.

“Я уже говорил тебе”, - ответил Ликон. “Сделай то, о чем я прошу”.

- Ну что ж, - со вздохом пробормотала Миртейл, - я обещаю.

Но в тот же момент она побледнела, как будто почувствовала внезапный озноб.

“ Признавайся! ” воскликнула она странно изменившимся тоном. - Это изображение афинской женщины.

Ликон отпрянул от свирепого выражения ее лица, и, прежде чем он успел помешать этому, она схватила маленький предмет, который он положил перед ней на край кушетки.

Она сорвала ткань зубами. Появился неуклюжий квадратный кусок железа. Она повертела его в руках, пока на одном конце не обнаружила букву К, состоящую из трех выпуклых линий.

Это был оттиск клейма, которое Лайкон носил на своем плече.

Миртейл сразу поняла, почему он сохранил этот грубый кусок железа. Для него, как он и сказал, это был образ доброго духа.

Сохраняя этот знак своего унижения, он не только подавил всякое высокомерие, но и научился мягко судить, управлять собой и стал лучшим человеком. Вспомнив, что он был рабом, он заставил других забыть об этом.

Миртейл почувствовала новое чувство. Ее сердце переполнилось нежностью, и, бросившись в объятия мужа, она покрыла его лицо слезами и поцелуями.

“Хвала богам за то, что случилось!” воскликнула она. “Сегодня ты стал мне вдвойне дорог! Впервые я узнаю тебя по-настоящему.

* * * * *

Ликон и Миртала заменили одинокому Поликлу детей, и он никогда не был так счастлив, как когда они навещали его в тихие вечерние часы.

Холм в саду, который был любимым местом Симонида и где стоял его памятник, был целью их прогулок, и когда они отдали дань уважения покойному, украсив его могилу цветами, они сели на скамейку среди группы высоких платанов, чтобы полюбоваться городом и местностью.

Однажды вечером, когда далекие, залитые солнцем горы Феры сияли в сумерках ярче, чем когда-либо, Ликон воскликнул:

“Симонид был прав! Где есть место прекраснее этого?”

Миртале посмотрела ему в лицо и вдруг спросила:

- Ты никогда не мечтаешь вернуться в Афины?

Поликл поднял брови. По его мнению, это был, очевидно, очень сложный вопрос. Но Ликон нашел ответ легким. Сжав руку Миртале, он сказал:

“Как ты можешь спрашивать? В Афинах я был геем; здесь я счастлив”.

